

СЕРИЯ
Исследователи Байкала

A stylized white map of Lake Baikal is positioned behind the text. The map shows the lake's characteristic shape, including its narrow neck and the island of Olkhon. The word 'СЕРИЯ' is centered above the map, and 'Исследователи Байкала' is written in a cursive font across the map's width.

*МИХАИЛ ТРИГОРЬЕВИЧ
ШОПОВ*

*ЖИЗНЬ – ДОРОГА, СЧАСТЬЕ – КОНЬ,
ОТДЫХ – КАРАВАН-САРАЙ*

W. S. Knowlton

БАЙКАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ ИРКУТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЗИОЛОГИИ
И БИОХИМИИ РАСТЕНИЙ СО РАН
ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО БОТАНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

**МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ПОПОВ:
ЖИЗНЬ – ДОРОГА, СЧАСТЬЕ – КОНЬ,
ОТДЫХ – КАРАВАН-САРАЙ!**

Авторы-составители
*Д.А. Кривенко, М.Б. Успенский, О.А. Чернышева,
П.Л. Попов, О.Т. Русинек*

Ответственные редакторы
кандидат географических наук *В.А. Фиалков*,
кандидат биологических наук *А.В. Верховина*,
доктор биологических наук *А.Л. Эбель*

Иркутск
2018

УДК 58(092)
ББК Е5дПоповМ.Г.
П58

Михаил Григорьевич Попов: Жизнь – дорога, счастье – конь, отдых – караван-сарай! / авторы-сост. Д.А. Кривенко, М.Б. Успенский, О.А. Чернышева, П.Л. Попов, О.Т. Русинек. – Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2018. – 175 с.: 30 ил., 2 табл.

Книга посвящена выдающемуся русскому ботанику, доктору биологических наук, профессору, члену-корреспонденту АН УССР Михаилу Григорьевичу Попову, которому в 2018 г. исполняется 125 лет со дня рождения (1893–1955 гг.). Представлена информация о его жизни, научной и педагогической деятельности. М.Г. Попов внес большой вклад в ботанику, являясь специалистом в области систематики, флористики, ботанической географии, флорогенетики и эволюционного учения. Также в этой книге мы впервые издаем три его работы по генезису флоры Байкальской Сибири из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Издание предназначено для широкого круга читателей – биологов, географов, экологов, преподавателей и студентов естественнонаучного и гуманитарного профиля, для работников заповедных территорий, а также для тех, кто интересуется историей науки.

*Утверждено к печати Ученым советом
Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН
протокол № 2 от «б» марта 2018 г.*

ISBN 978-5-94797-317-4

© Байкальский музей ИНЦ, 2018
© СИФИБР СО РАН, 2018
© Кривенко Д.А., Успенский М.Б., Чернышева О.А.,
Попов П.Л., Русинек О.Т., 2018
© Попов М.Г., 2018
© Попова С.М., 2018
© Доронькин В.М., 2018

ВВЕДЕНИЕ

Глубокоуважаемые коллеги, друзья!

Вашему вниманию предлагается третий выпуск серии «Исследователи Байкала». Он посвящен выдающемуся русскому ботанику Михаилу Григорьевичу Попову, которому 18 апреля 2018 г. исполняется 125 лет со дня рождения (1893–1955 гг.).

Михаил Григорьевич – доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР, специалист в области систематики, флористики, ботанической географии, флорогенетики и эволюционного учения.

Его вклад в ботанику, без преувеличения, огромен. Согласно «The International Plant Names Index» (<http://www.ipni.org/>) М.Г. Поповым, самостоятельно и в соавторстве, описано 925 таксонов высших сосудистых растений разного ранга (родов, подродов, секций, подсекций, серий, видов и внутривидовых таксонов). Он является автором и соавтором около 200 публикаций, в том числе 11 монографий. В фундаментальной и до настоящего времени непревзойденной, 30-томной «Флоре СССР» издававшейся в 1934–1964 гг., им обработаны семейства Paraveraceae (1937. 7: 573–717) и Boraginaceae (1953. 19: 97–691, за исключением рода *Rochelia*), совместно с Николаем Федоровичем Гончаровым подроды *Trimeniaeus*, *Cercidothrix* (секции *Helmia*, *Xiphidium* и *Ammodendron*), *Epiglotitis* и *Calycocystis* рода *Astragalus* (1945. 12: 274–318). М.Г. Попову принадлежит большая заслуга в подготовке «Флор» республик Средней Азии и Украины. После кончины Михаила Григорьевича в 1955 г., дважды, в 1958 и 1983 гг. его труды переиздавались в «Избранных сочинениях», в последнее издание также вошли и ранее не опубликованные работы.

Михаил Григорьевич – один из основоположников гибридогенной концепции эволюции растительного мира, важным источником которой является идея широкой распространенности гибридизации в природе. С конца 1920-х годов он постоянно дополнял ее новыми данными. Коллеги относились к его заключениям скептически, часто, по причине принятых идеологических установок в биологии в СССР с начала 30-х до начала 60-х годов прошлого века, под влиянием «народного академика» Т.Д. Лысенко и его ближайшего соратника И.И. Презента. Один из таких примеров проиллюстрирован нами статьей из газеты «За научные кадры», издаваемой Иркутским государственным университетом, № 18 от 7 мая 1954 г. (см. с. 78–79), и письмом Михаила Григорьевича в редакцию (см. с. 80–81).

М.Г. Попов оставил для последующих поколений ботаников обширный уникальный гербарий, собранный в экспедициях по Поволжью, Средней Азии (в течение 30 лет!), Кавказу, Украине, Сахалину, Крыму, Байкальской Сибири. Гербарные сборы из этих поездок разрозненно хранятся в крупнейших отечественных Гербариях – Иркутска, Новосибирска, Пензы, Санкт-Петербурга, Саратова, Южно-Сахалинска и ближнего зарубежья – Алматы, Батуми, Киева, Львова, Самарканда, Ташкента.

Для этой книги Владимиром Михайловичем Доронькиным подготовлена статья о последнем, «иркутском периоде» деятельности Михаила Григорьевича, истории создания и современном состоянии «Гербария им. М.Г. Попова», основы которого были заложены им в Иркутске в Биологическом секторе Восточно-

Сибирского филиала АН СССР. Позже Биологический сектор был переименован в Отдел биологии, в 1961 г. на его базе создан Восточно-Сибирский биологический институт СО АН СССР, в 1966 г. он был реорганизован в Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО АН СССР. В 1978 г. Гербарий им. М.Г. Попова и ряд сотрудников были переведены в Центральный сибирский ботанический сад СО АН СССР. В СИФИБРе остались два сотрудника: Леонид Владимирович Бардунов, ученик и зять Михаила Григорьевича, и Александра Андреевна Киселева, а также небольшая по объему коллекция из Гербария им. М.Г. Попова (около 7 тыс. образцов). Научная школа М.Г. Попова развивается, иркутский коллектив – Группа Гербарий СИФИБР СО РАН, на сегодняшний момент вырос до девяти человек: четыре научных сотрудника, кандидаты биологических наук, четыре сотрудника вспомогательного персонала и один аспирант. Гербарный фонд СИФИБР СО РАН значительно пополнился и насчитывает уже около 60 тыс. гербарных образцов сосудистых растений, его пополнение продолжается.

Михаилу Григорьевичу Попову (посмертно) в 1956 г. была присуждена премия Президиума АН СССР за работу «Флора Средней Сибири», а в 1960 г. – премия Президиума АН СССР им. В.Л. Комарова за работу «Флора Средней Сибири» (Том 1, 1957 г. изд. и Том II, 1959 г. изд.). Премия им. В.Л. Комарова – высшая награда, присуждаемая ботаникам России за выдающиеся работы в области ботаники, систематики, анатомии и морфологии растений, ботанической географии и палеоботаники.

В настоящем выпуске мы намеренно отказались от жизнеописания выдающегося ученого, поскольку здесь публикуется его «Автобиография» и воспоминания о нем дочери – Светланы Михайловны Поповой. Нами приведен лишь перечень «Основных дат жизни и деятельности», при его составлении мы руководствовались исключительно подтвержденными фактами – документами из домашних архивов внука Петра Леонидовича Попова и правнука Михаила Борисовича Успенского, а также из доступных нам архивов ведомственных учреждений.

Отдельно стоит остановиться на «Автобиографии» Михаила Григорьевича. Впервые выдержки из нее появились в 1958 г. в статье Евгения Петровича Корвина, посвященной памяти М.Г. Попова, а в 2017 г. в журнале «Фиторазнообразие Восточной Европы» был опубликован, по машинописной рукописи сокращенный ее вариант. После опубликования «Автобиографии», ботаников интересовала судьба этого текста. О ней рассказывает дочь Михаила Григорьевича – Светлана Михайловна, в одной из рукописей, хранящейся в домашнем архиве (приводим выдержки из текста): «После кончины М.Г. в Ленинграде 18 декабря 1955 г. его вдова, моя мать, Ольга Казимировна Смирнова, привезла три тетради «Автобиографии», которые были взяты М.Г. с собой в Ленинград, куда он поехал незадолго до своей кончины работать над рукописью «Флоры Средней Сибири» в Ботаническом институте АН СССР. Судя по всему, М.Г. писал воспоминания до последних дней жизни. Несомненно, существовало и продолжение («четвертая тетрадь»), но в привезенных О.К. материалах ее не было. Можно предположить, что текст был очень небольшим. Архив долгое время находился у О.К., а после ее ухода из жизни в 1969 г. естественным образом перешел ко мне. Первоочередной задачей было опубликование неопубликованных ранее работ М.Г. и помещение материалов в одном из центральных архивов Академии.

С помощью Л.В. Бардунова и многочисленных оказий материалы были переправлены в течение ряда лет в Ленинградское отделение Архива АН СССР. «Автобиографию» я долго не отправляла, а выслала фото пленку, сделанную с нее, почти сразу после кончины М.Г. В то же время, я переписала от руки «Автобиографию» с некоторыми купюрами и небольшими сокращениями в конце текста. Это было сделано, чтобы, с одной стороны, отдать текст в перепечатку машинистке, не вынося из дома оригинал, а с другой, чтобы создать вариант, приемлемый для публикации. Машинописные экземпляры были посланы моей единокровной сестре, Веронике Михайловне Григорьевой, в девичестве Поповой, коллегам и ближайшим друзьям М.Г.: Д.Н. Доброчаевой, В.Г. Хржановскому, Н.В. Смольскому, а также А.А. Музафарову, в то время председателю Академии наук Узбекской ССР, и другим. Я очень надеялась, что П.А. Баранов, тогда директор БИНа, который, кстати, был дружен с М.Г. еще с ташкентских времен, найдет возможным опубликовать ее в Ботаническом журнале (или хотя бы фрагменты из нее). Разговаривала я по совету С.Ю. Липшица и с директором Института истории естествознания и техники Р.С. Микулинским. В этом институте, насколько я знаю, публиковалась серия воспоминаний выдающихся ученых, но Микулинский, по прочтении, рукопись вернул, дав совет напечатать в каком-нибудь другом месте. В свое время я просила В.Г. Хржановского помочь в издании «Избранных трудов» М.Г., куда бы вошел и ряд его неизданных работ. В.Г. живо откликнулся, переговорил с Д.Н. Доброчаевой, сотрудницей Ботанического института АН Украинской ССР, та, естественно, в свою очередь, с директором Института К.Н. Сытником. «Избранные» вышли в 1983 г.; я очень надеялась, что в них будет помещена также «Автобиография», но этого не случилось. Обращалась я и в иркутский альманах «Сибирь». Первый раз я получила решительный отказ; второй, при другом председателе Иркутского отделения Союза писателей, В.В. Козлове, который считал, что воспоминания «должны быть введены в культурный оборот», отказ последовал через какое-то время, вероятно, была против редколлегия. Передала я «Автобиографию» и в библиотеку общества «Мемориал», а позже, когда А.И. Солженицын был в Иркутске и выступал перед общественностью, – и ему, через его сына Ермолая, поскольку к А.И. стояла очередь за автографами. Некоторое время спустя я получила сообщение из окружения А.И. Солженицына, что «Автобиография» передана в библиотеку, созданную им для материалов подобного рода. Вот такая долгая история. Все мои попытки опубликовать «Автобиографию (Curriculum vitae)» предпринимались при Советской власти. Как увидит читатель, ознакомившийся с «Автобиографией», в ней нет никакой «крамолы» с точки зрения советского режима. Но что-то останавливало лиц, ответственных за публикацию в те времена. Полагаю, что в ряде случаев отказ был связан с «несоответствием» жанра, в ряде случаев не нравились и казались субъективными оценки деятельности коллег, но, видимо, и сам дух произведения не вполне соответствовал преобладающему настрою. Потом пришли очень тяжелые 1990-е, когда можно было публиковать все, что хочешь, но не было средств, затем пришли тяжелые болезни – мои, Л.В. Бардунова, окончившиеся его кончиной в 2008 г. Позволю себе личное высказывание, которое, конечно, совпадает с представлениями многих. Мемуарная литература не только воскрешает перед нами многих живших до нас, особенно личностей талантливых и неординарных, каким был и М.Г. Попов, но и является свидетельством времен, в которых они жили».

Мы публикуем полный вариант рукописи «трех тетрадей», хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, без каких-либо сокращений.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, в фонде под № 1086 сформированном в 376 дел, по-прежнему остаются неопубликованными рукописи и заметки Михаила Григорьевича. Отдавая дань памяти великому естествоиспытателю, и вовлекая в научный оборот ранее не публиковавшиеся работы, в этой книге мы впервые издаем три заметки, касающиеся генезиса флоры Байкальской Сибири.

18 декабря 1956 г. в Иркутске состоялись I научные чтения памяти М.Г. Попова. Всего с 1956 по 1999 гг. состоялось 15 чтений. В Приложении приведены содержания выпусков «Научные чтения памяти М.Г. Попова».

* * *

Выражаем искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику Центрального сибирского ботанического сада СО РАН Ольге Дмитриевне Никифоровой, вдохновившей нас на издание книги, посвященной памяти Михаила Григорьевича Попова; исполняющей обязанности директора Ирине Владимировне Тункиной и старшему научному сотруднику Наталье Сергеевне Прохоренко Санкт-Петербургского филиала Архива РАН за оказанное содействие при работе с фондом М.Г. Попова; главному специалисту, ответственному за работу Научного архива Иркутского научного центра СО РАН Татьяне Ивановне Максимова за внимательное и чуткое отношение к нашим запросам; старшему научному сотруднику ФИЦ Всероссийского института генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова Марине Олеговне Бурляевой, по нашей просьбе отснявшей и приславшей копию личного дела из Архива ФИЦ Всероссийского института генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова; научному сотруднику Центрального сибирского ботанического сада СО РАН Ирине Владимировне Хан за предоставление сведений о сроках проведения экспедиционных работ М.Г. Попова и коллекторов в Байкальской Сибири; старшему научному сотруднику Ботанического института им. М.Г. Холодного Национальной академии наук Украины Наталье Николаевне Шиян за консультацию, касающуюся «украинского периода» деятельности М.Г. Попова; старшему лаборанту Ляле Зуфаровне Лукмановой за сканирование гербарных материалов, представленных в книге; сотруднику кафедры ботаники Иркутского государственного университета Надежде Васильевне Степанцовой, доценту кафедры экологии, недропользования и безопасности жизнедеятельности Дабе Гомбоцыреновичу Чимитову и Павлу Шумкину за предоставленные фотографии растений. Отдельную благодарность выражаем старшему научному сотруднику Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН Алле Васильевне Верхозиной, профессору кафедры ботаники Национального исследовательского Томского государственного университета Александру Леоновичу Эбелю, заведующему лабораторией систематики высших сосудистых растений и флорогенетики Центрального сибирского ботанического сада СО РАН Владимиру Михайловичу Доронькину и научному руководителю Байкальского музея ИНЦ Владимиру Абрамовичу Фиалкову за помощь в подготовке и издании книги.

БИОГРАФИЯ МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ПОПОВА

Основные даты жизни и деятельности М.Г. Попова¹

Михаил Григорьевич Попов родился *18 (5) апреля 1893 г.* в г. Вольске Саратовской губернии.

1902–1910 гг. Обучался в Вольском реальном училище (г. Вольск).

1911–1913 гг. Студент Биологического отделения Физико-математического факультета Императорского Казанского университета (г. Казань). Проходил обучение в течение двух лет, затем перевелся в Императорский Петроградский университет.

июнь–август 1912 г. Ботаник-экскурсант Пензенского Губернского земства оценочно-статистического бюро (г. Пенза). Под непосредственным руководством И.И. Спрыгина обследовал северные районы Пензенской губернии.

1913–1917 гг. Студент Биологического отделения Физико-математического факультета Императорского Петроградского университета [с *февраля 1917 г.* – Петроградский университет] (г. Петроград). По окончании обучения получил специальность биолог – ботаник.

1913–1916 гг. Ботаник в туркестанских экспедициях Почвенно-ботанического бюро Отдела земельных улучшений при Главном управлении землеустройства и земледелия Российской империи [с *26 октября 1915 г.* – Министерство земледелия Российской империи] (г. Москва).

1915 г. Опубликовал первую статью «Ботанико-географические исследования в Туркестане: Краткий обзор положения работ и их главнейших результатов» [1]².

1916 г. Арестован «Царским правительством», содержался под стражей в течение месяца – из материалов следственного дела *1933 г.*

6 октября 1917 г. – Ассистент Кафедры ботаники Физико-математического фа-

10 ноября 1919 г. культета Саратовского государственного университета (г. Саратов).

январь 1920 г. – Преподаватель Кафедры ботаники Физико-математического

1922 г. факультета Туркестанского государственного университета (г. Ташкент).

*1922–1928 гг.*³ Доцент Кафедры ботаники Физико-математического факуль-

¹ Источники: архивные дела из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 125), Научного архива Иркутского научного центра СО РАН (Ф. 1. Оп. 2. Д. 807) и Архива ФИЦ Всероссийского института генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова (Д. 949. Оп. 2-1), следственное дело из Архива УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также документы из домашних архивов П.Л. Попова и М.Б. Успенского. Фотографии (рис. 1–14) иллюстрируют некоторые этапы жизни М.Г. Попова.

² Здесь цифры в квадратных скобках соответствуют порядковым номерам приведенного «Списка опубликованных работ М.Г. Попова».

³ В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 233. Л. 3) хранится удостоверение о том, что М.Г. Попов на «7» мая 1928 года еще состоял в штате Средне-азиатского государственного университета в должности доцента Кафедры ботаники Физико-математического факультета.

тета и одновременно занимает должность ученого специалиста Института почвоведения и геоботаники Туркестанского государственного университета [с 1923 г. Средне-азиатский государственный университет] (г. Ташкент).

- 1 декабря 1927 г.** – Ученый специалист Секции виноградарства Отдела плодородства Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур ВАСХНИЛ (г. Ленинград⁴).
- 1 февраля 1930 г.** – Заведующий Средне-азиатским отделением Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур ВАСХНИЛ (местность Ак-Кавак, близ г. Ташкент).
- 24 марта 1928 г.** – Заведующий Средне-азиатским отделением Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур ВАСХНИЛ (местность Ак-Кавак, близ г. Ташкент).
- 24 марта 1929 г.** – Совершил совместную с Н.И. Вавиловым экспедицию (командировку) по заданию Правительства СССР для изучения растительных ресурсов в Западный Китай, провинцию Синьцзян. Результаты экспедиции обобщены в работе «Между Монголией и Ираном» [69]. Также были описаны – из Кашгарии *Piptanthus nanus* и из Джунгарии – *Haloxylon rachucladum* [68]. В СПФ АРАН хранятся материалы «О геоботаническом исследовании Кашгарии: полевые дневники, список растений, описание маршрута, карта»⁵.
- июнь–октябрь 1929 г.** – Директор Туркменского отделения Всесоюзного института растениеводства ВАСХНИЛ (г. Кара-Кала).
- 1 января 1930 г.** – Директор Туркменского отделения Всесоюзного института растениеводства ВАСХНИЛ (г. Кара-Кала).
- 1 марта 1932 г.** – Заведующий группой Плодовых культур и винограда Всесоюзного института растениеводства ВАСХНИЛ (г. Ленинград).
- 1 апреля 1933 г.** – Арестован Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО⁶ дома в г. Ленинграде, по ул. Блохина, д. 1, кв. 18, по так называемому делу «Контрреволюционной эсеровско-народнической ячейки в ВИРе» (1933 г.)⁷. Обвинялся, «в том, что является контрреволюционно настроенным в эс-эсеровско-народническом духе, по предложению члена практического центра организации – [В.В.] Таланова вошел в состав контрреволюционной ячейки организации при ВИРе... ст. 58 п. 11 и п. 7 УК».
- апрель 1933 г.** – Выслан в административную ссылку по постановлению Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля 1933 г. в г. Алма-Ата.
- апрель 1936 г.** – Старший научный сотрудник, заведующий Сектором ботаники Казахской базы АН СССР [с 1938 г. – Казахский филиал АН СССР] (г. Алма-Ата).
- май 1933 г.** – Старший научный сотрудник, заведующий Сектором ботаники Казахской базы АН СССР [с 1938 г. – Казахский филиал АН СССР] (г. Алма-Ата).
- июнь 1938 г.** – Профессор Кафедры ботаники Биологического факультета Казахского государственного университета (г. Алма-Ата).
- июнь 1938 г.** – Заместитель директора по научной работе Батумского субтропического ботанического сада (г. Батуми)⁸.
- октябрь 1934 г.** – Заместитель директора по научной работе Батумского субтропического ботанического сада (г. Батуми)⁸.
- декабрь 1939 г.** – Заместитель директора по научной работе Батумского субтропического ботанического сада (г. Батуми)⁸.

⁴ В Ленинграде проживал по адресу: ул. Блохина, д. 1, кв. 18.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 186. 305+4 л.)

⁶ Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе.

⁷ Подробнее см. в кн.: Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных) / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М.: Современный писатель. 1998. 208 с.

⁸ Г.И. Родищенко (2013: 224) в своей книге «Постигая тайны природы (Судьба моя – Ирисы)», ссылаясь на рассказ одной из сотрудниц Сада, так свидетельствует о причине непродолжительной работы

- 1 января 1940 г.** – Профессор, заведующий Кафедрой морфологии и систематики растений Биологического факультета Узбекского государственного университета (г. Самарканд). Уволен из УзГУ в связи его объединением с САГУ и сокращением штата. Фактически с началом Великой Отечественной войны УзГУ был закрыт. В то же время, Народный комиссариат просвещения Узбекской ССР выплачивал «профессорскую» зарплату до **1 января 1942 г.**
- 1940 г.** Избран членом Всесоюзного ботанического общества.
- февраль 1942 г.** – Профессор Военно-ветеринарной академии Рабоче-
июнь 1944 г. крестьянской Красной Армии (в годы Великой Отечественной войны Академия была эвакуирована в г. Самарканд).
- 28 марта 1942 г.** – Инструктор сельхоз работ на период сельскохозяйственных работ в Самаркандском детском доме № 10 (г. Самарканд).
- 3 августа 1942 г.** работ в Самаркандском детском доме № 10 (г. Самарканд).
- 30 апреля 1942 г.** На заседании ученого совета Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева присуждена ученая степень доктора биологических наук без защиты диссертации за работу «Теория систематических единиц» [см. в 198].
- 2 февраля 1943 г.** – Старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института каракулеводства и пустынных пастбищ (г. Самарканд).
- 9 мая 1944 г.** исследователя Каракулеводства и пустынных пастбищ (г. Самарканд).
- 10 апреля 1943 г.** Решением ВАК утверждена ученая степень доктора биологических наук [диплом выписан **30 декабря 1946 г.**].
- 4 февраля 1944 г.** – Старший научный сотрудник Института ботаники АН Украинской ССР (г. Киев). Фактически приехал в Киев только в **июне 1944 г.**
- 20 июля 1945 г.** Украинской ССР (г. Киев). Фактически приехал в Киев только в **июне 1944 г.**
- июль (?) 1944 г.** – Заместитель директора по научной работе Ботанического сада АН Украинской ССР, только что получившего статус самостоятельного учреждения, выделен из структуры Ботанического института АН Украинской ССР (г. Киев⁹). Активно принимал участие в разработке генерального плана строительства Ботанического сада.
- 1 октября 1944 г.** – Заведующий Кафедрой систематики высших растений Биологического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Киев).
- 26 августа 1945 г.** логического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Киев).
- 12 февраля 1945 г.** Избран членом-корреспондентом АН Украинской ССР.
- 3 апреля 1945 г.** Избран действительным членом Московского общества испытателей природы.
- 20 июля 1945 г.** – Заведующий Львовским отделом географии высших растений Института ботаники АН Украинской ССР (г. Львов^{10,11}).
- 29 января 1948 г.** ний Института ботаники АН Украинской ССР (г. Львов^{10,11}).

М.Г. Попова в Батуми: «При первом же осмотре парка Михаил Григорьевич наткнулся на корову, объедавшую листву одного из ценнейших интродуцентов. Со свойственной ему горячностью, он принялся отгонять корову палкой. За этим занятием и застал его хозяин коровы, оказавшийся парторгом сада. Понимая, что теперь власти не дадут ему возможности и здесь работать спокойно, Михаил Григорьевич, попрощавшись с коллективом, покинул Батум». Прим. П.Л. Попова: «Насколько я знаю, с коровой был еще и пастух, которому тоже досталось палкой».

⁹ В Киеве проживал по адресу: ул. Малая Житомирская, д. 16, кв. 9.

¹⁰ В Львове проживал по адресу: ул. Войцеха, д. 16 б, кв. 2.

- август 1945 г.* – Заведующий Кафедрой высших растений Биологического факультета Львовского государственного университета им. Ивана Франко (г. Львов)¹².
- январь 1948 г.*
- 14 ноября 1945 г.* Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- январь 1948 г.* – Старший научный сотрудник Почвенно-ботанической и лесной группы [позднее – Почвенно-ботанический сектор] Сахалинской научно-исследовательской базы АН СССР [с *6 октября 1949 г.* – Сахалинский филиал АН СССР] (г. Южно-Сахалинск). Непродолжительное время заведовал Ботаническим сектором, отстранен от должности по Решению комиссии АН СССР, посетившей филиал в *июле–августе 1950 г.* «как не обеспечивший руководство сектором»¹³.
- 10 декабря 1950 г.* – Старший научный сотрудник Биологического сектора [позднее – Отдел биологии] Восточно-Сибирского филиала АН СССР (г. Иркутск¹⁴).
- 23 ноября 1954 г.* В день 25-летнего юбилея образования Таджикской ССР директором Ботанического института АН Таджикской ССР П.Н. Овчинниковым объявлена Благодарность «За выдающиеся заслуги, заложившие основы в деле изучения флоры и растительности Республики, внесшие неоценимый вклад в дело развития Советского Таджикистана и содействовавшие развитию ботанической науки».
- 23 ноября 1954 г.* – Заведующий Лабораторией флоры и гербария Отдела Биологии Восточно-Сибирского филиала АН СССР (г. Иркутск).
- 18 декабря 1955 г.*
- 1 декабря 1954 г.* Получил удостоверение шофера-любителя.
- 1955 г.* Провел свой последний экспедиционный сезон в Прибайкалье и в Крыму.
- 5 декабря 1955 г.* Объявлена благодарность Восточно-Сибирским филиалом АН СССР «За организацию, руководство и успешное выполнение научно-исследовательских работ».
- Михаил Григорьевич Попов скончался *18 декабря 1955 г.*, похоронен на Серафимовском кладбище в г. Санкт-Петербурге.
- 30 ноября 1956 г.* Присуждена премия Президиума АН СССР за работу «Флора Средней Сибири».
- 18 декабря 1956 г.* В год со дня смерти М.Г. Попова в Иркутске состоялись I научные чтения его памяти.
- 28 декабря 1956 г.* Реабилитирован постановлением Президиума Ленинградского городского суда, отменено постановление Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от *21 апреля 1933 г.* и «дело за недоказанностью обвинения прекращено».

¹¹ Причины увольнения М.Г. Попова из Львовского отдела географии высших растений Института ботаники АН Украинской ССР и Кафедры высших растений Биологического факультета Львовского государственного университета им. Ивана Франко говорится в «Воспоминаниях об отце» С.М. Поповой, помещенных в данной книге.

¹² См. ссылку 11.

¹³ Подробно этот факт биографии М.Г. Попова освещен С.М. Поповой в «Воспоминаниях об отце».

¹⁴ В Иркутске проживал по адресу: ул. Степана Разина, д. 28, комн. 3.

Рис. 1. Михаил Григорьевич в юности, 1900-е гг.

Рис. 2. Из группы членов Ученого совета Межфакультетских учреждений Средне-азиатского государственного университета, г. Ташкент, 1927 г. Сидят (слева направо) С.Н. Наумов, П.А. Баранов, А.Л. Бродский и Н.А. Димо; стоят (слева направо) Э.Ф. Поярков, М.Г. Попов и Н.И. Лебединский.

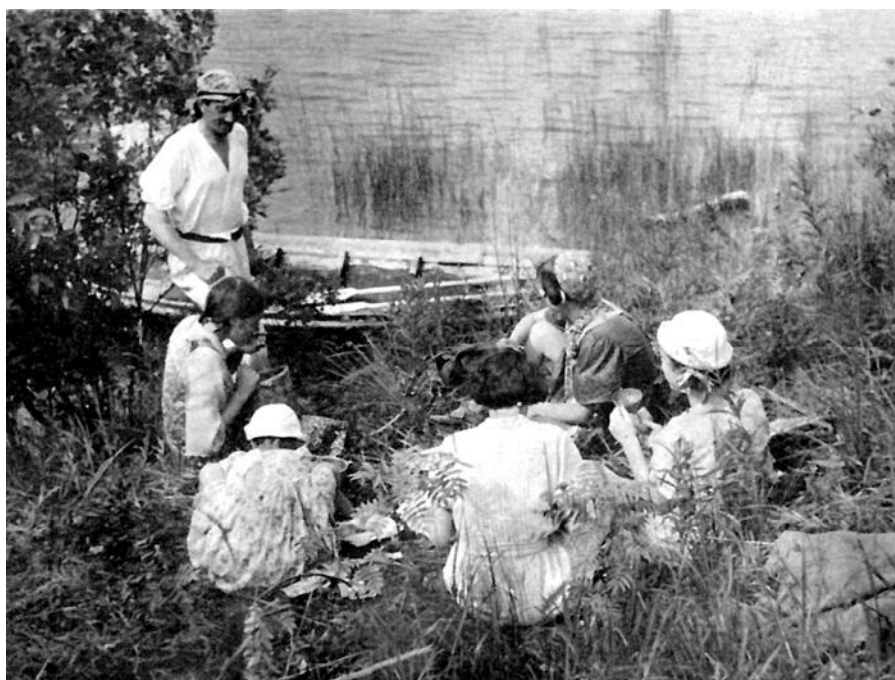
Рис. 3. Михаил Григорьевич дома в г. Ленинграде, конец 1920-х – начало 1930-х гг.

Рис. 4. М.Г. Попов проверяет работу по ампелографии, руководимой им. Ассистент М.И. Паронайская, ее помощница – лаборант Р.С. Веденева и хозяева виноградного участка, г. Ташкент, сел. Юнус-Абад, 1928 г.

Рис. 5. Михаил Григорьевич во время совместной экспедиции с Н.И. Вавиловым в Кашгарию и Джунгарию, Иркештам–Кашргар (Киргизско-Китайская граница), 1929 г.

Рис. 6. Михаил Григорьевич с женой Ольгой Казимировной Смирновой, дочерьми Вероникой и Светланой, семьей Гельгаров (родной сестры Ольги Казимировны), берег оз. Валдай, 1940 г.

Рис. 7. Михаил Григорьевич (в центре) с А.А. Музафаровым, К.З. Закировым, Р.А. Малышевой на кафедре ботаники Узбекского государственного университета, г. Самарканд, 1940 г.

Рис. 8. Михаил Григорьевич в экспедиции на о. Монерон, конец 1940-х гг. (фото А.И. Гизенко).

Рис. 9. Михаил Григорьевич на о. Сахалин, 1949 г.

Рис. 10. Михаил Григорьевич за работой в Восточно-Сибирском филиале АН СССР, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 5, зима 1952–1953 гг.

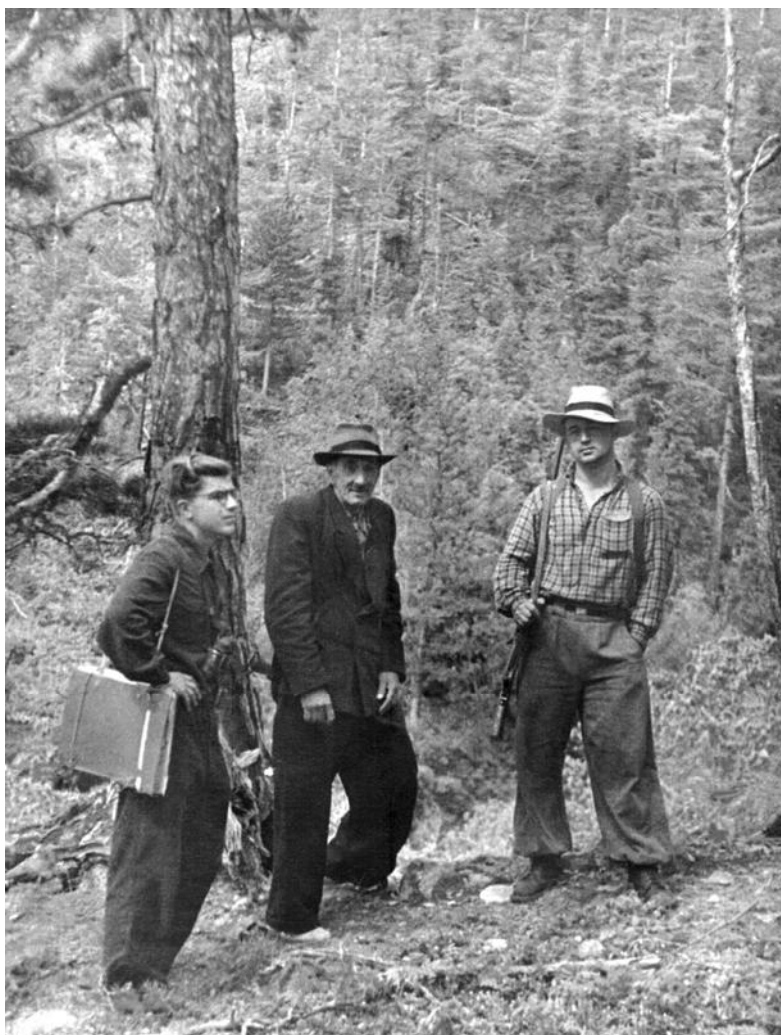
Рис. 11. Михаил Григорьевич с Л.В. Бардуновым во время экспедиции в Тункинскую долину, 1953 г. (фото С.М. Поповой).

Рис. 12. Михаил Григорьевич с Л.И. Малышевым во время экспедиции по Прибайкалью, 1950-е гг.

Рис. 13.
Михаил Григорьевич под Иркутском весной 1955 г. «Отец очень любил эту машину, относился к ней как к живому существу, называл ее «серой мышкой». Не имея прав на вождение, увлеченно водил (хотя и плохо). Мы постоянно попадали в аварии, к счастью, страдала при этом только лишь машина» (из воспоминаний С.М. Поповой).

Рис. 14.
Михаил Григорьевич (в центре) с Л.И. Малышевым (справа) и В. Прохоровым (слева) во время своего последнего полевого сезона, северо-западное побережье оз. Байкал, июнь 1955 г. (фото Л.В. Бардунова).

- 1958 г.** Изданы «Избранные сочинения» [187].
- 1960 г.** Издан первый выпуск «Научных чтений памяти М.Г. Попова», включающий I и II чтения. Всего издано 11 выпусков (15 чтений). Последний – 11 выпуск, издан в 1999 г. с XV чтениями¹⁵.
- 11 октября 1960 г.** Присуждена премия Президиума АН СССР им. В.Л. Комарова за работу «Флора Средней Сибири» (Том I, 1957 г. изд. и Том II, 1959 г. изд.)
- 1983 г.** Изданы избранные труды в 2-х частях «Филогенетика, флорогенетика, флорография, систематика» [197, 198].

---

¹⁵ В библиографическом описании выпуска «Научных чтений» допущена ошибка нумерации – указано XVII чтение.

¹⁶Всякая человеческая деятельность, деловая инициатива, предпринимательство, включая и всякую авантюру – во всяком деле, предприятии, общественном или личном, есть элемент авантюристности – представляют нечто иное, как антитезу, отрицанию смерти, утверждение личности, индивидуального бытия, отвергающего небытие, покой, близкий к небытию или равный ему. Когда человек смотрит смерти в глаза, отрицает ее близость всем существом, реально, не в туманном и неясном отвлечении, тогда его жизнедеятельность особенно возбуждается и становится интенсивной – ему нужно отодвинуться от границы небытия, отшатнуться или, по крайней мере, отвернуться от врат аидова царства и ничто, кроме деятельности, даже опьянение вином, не помогает в таких случаях столь радикально, как деятельность, направленная на что-либо и помогающая образами миражей, жизненной фаты-морганы, заслонить образ смерти, бледный и страшный костяк, знаменующий уничтожение нашей индивидуальности, нашего я.

**Автобиография (curriculum vitae) М.Г. Попова,
ботаника, доктора биологических наук, профессора и
члена-корреспондента Украинской академии наук**

Я родился на берегу Волги, в г. Вольске Саратовской губернии (ныне области), на речонке Малыковке, под яблонями небольшого собственного сада – по крайней мере так рассказывали мне позднее мои родственники, которые присутствовали при моем рождении. Годом моего рождения был 1893-ий (18-ого, по старому стилю 5-ого апреля).

Мои личные воспоминания начинаются тогда, когда моего отца, Григория Михайловича Попова, не было в живых – он умер, говорят, в 1895 году, и моя память не сохранила о нем ничего: ни образа его, ни звука его голоса, так что я был как бы с самого рождения без отца, что очень печально, ибо великое благо для ребенка иметь хотя бы плохого отца, а мой, возможно, и не был плохим отцом, хотя, как говорили родные, он очень пил, а поэтому имел дурную не христианскую смерть.

Моя мать, Ольга Петровна, урожденная Дмитриева, в то время, когда моя память уже стала фиксировать события, жила в городе Вольске, на городской квартире, вместе со мной, и была учительницей в местной женской прогимназии. Вероятно, тогда мне было 3 или 4 года от роду. Хорошо помню, что жили мы в угловом каменном доме, на втором этаже, я уже катался зимой на ледянке, а к нам в квартиру приходил красивый и изящный мужчина, который и стал вскоре вторым мужем моей матери, а моим – отчимом.

Очевидно, что я сильно мешал новому семейному быту и потому был отправлен на жительство к своей тетке, с которой и начал кочевую жизнь по губернии – мы жили в Сызрани, потом в деревне или селе Павловке, кажется, Хвалынского уезда, а потом я как-то снова попал к матери и отчиму, сперва в Аткарск, где был чудный городской сад, который меня очаровал, а затем в село Турки Балашовского уезда, где мой отчим был начальником станции; здесь я

---

¹⁶ Печатается по рукописным материалам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 235. Л. 14–131).

прожил года два или три, в деревенской обстановке, среди цветов и полей, на берегу чудесной реки Хопра, который тогда был еще очень лесист по левому берегу и многоводен, обилен рыбой, раками и охотничьей птицей. Именно здесь, в Турках, я впервые познал природу, ее красоты и радости, – прелесть вечерней зари, когда на зеркальную гладь реки спускаются, покрякивая, дикие утки; очарование раннего утра, когда из-под покрова белого тумана, в радостных, ярких и теплых лучах восходящего солнца появляются голубые, как небо, поля цветущего льна; ослепительную красу розового шиповника, когда после грозового ливня он блестит в лучах солнца тысячами сверкающих как алмазы капель воды и источает горько-сладкий аромат своих цветков... Здесь, в Турках, я узнал трепет страстного охотника, который не может сдержать дрожи при виде селезня, летящего прямо на него, упоение рыболова, видящего как поплавок его удочки сразу и глубоко уходит в воду. Здесь я выучился плавать и стрелять из ружья, ловить рыбу сетями и удочкой, ездить верхом и запрягать лошадь в телегу – я был так мал ростом, что, помню, приходилось ставить скамейку перед мордой лошади, чтобы продеть уздечку в колечко дуги.

Балашовский уезд был тогда настоящей обетованной страной земледелия: еще неистощенные черноземы давали большие урожаи; весь район Турков был завален хлебом, крупой, мукой, всюду скрипели ветряные и паровые мельницы, миллионы домашней птицы и свиней выкармливались на дешевом, почти даровом зерне и хлебе. Особенным же почетом пользовались лошади, и всякий старался приобрести себе какую-нибудь выдающуюся: или иноходца-киргиза или рысака, и на масленице начиналось настоящее соревнование разукрашенных на дугах лентами, запряженных в легкие санки, тысяч самых разнообразных лошадей. На меня, мальчика 8–9 лет, эти конские состязания производили неизгладимые возбуждающие впечатления. Я могу прослыть отсталым за свои слова, но все же я скажу по совести, что эти скакуны, запряженные в изящные маленькие санки, вспотевшие от быстрого бега или даже взмыленные, с развевающимися гривами и сверкающими глазами, осаживаемые сильной рукой правящего, были много красивее, чем наши воющие и вонючие, безобразной формы, подпрыгивающие на своих нелепых толстых колесах, лишенные жизни и грации движений, стандартные автомобили. Там была индивидуальность во всем – в масти и экстерьере каждой лошади, в ее беге, поведении; в санках, в которые она была запряжена; в сбруе, в каждой детали ее снаряжения – у одной ременные черные вожжи, у другой вожжи наполовину матерчатые – красные или зеленые, дуга, то из круглого дерева – тонкая, изящная, то плоская и широкая; одни с колокольчиками, другие с бубенцами или с разукрашенной цветными пуговицами шлеей; каждая деталь интересовала и радовала, приковывала внимание зрителей.

В тех же Турках я реально познакомился с фруктовыми садами; их было там не то чтобы много, но все же порядочно и, помню, в них выращивались, как мне тогда казалось, несравненные по вкусу груши и сливы; о яблоках и вишне уже не приходится говорить – они были в изобилии. Очевидно, с той поры, а может быть еще с рождения, глубоко, в самой сердцевине моего существа укоренилась любовь и привязанность к плодовым садам, к садоводству. В душе всякого человека живет любовь к саду, цветущая яблоня или вишня на всех производит трогательное и нежное впечатление, но у меня эти чувства всегда, с детства сочетались с различением сортов и с любовью к технике садоводства; очевидно, по своей индивидуальности, я был прирожденным систематиком, ибо меня

не просто интересовала яблоня как яблоня вообще, а с самого детства я различал сорта – красный душистый анис, чудно-сладкое «черное дерево», нежную «бель» и жесткую лилово-красную «чугунку»; яблоня всегда была для меня определенным сортом, а не просто яблоней.

В Турках я прожил до своего поступления в школу, в Вольское реальное училище, когда мне пришлось покинуть привольную жизнь в деревне и переехать в город, на жизнь к тетке. Переход, помню, был очень чувствителен, и жизнь в городе без садов, цветов, лошадей, рыбалки и охоты, со строгим режимом жизни и работы, казалась мне очень унылой, безрадостной. Училище мне казалось почти тюрьмой – я его не любил, а начальства боялся; только пассивное подчинение авторитету, не очень, впрочем, большому, родных, вернее боязнь одинокого и замкнутого в себя ребенка, принуждали меня к учению и пребыванию в городе. Но уже в течение всей своей жизни я сохранил неприязнь к городской жизни, которая и сейчас мне кажется пустой, не радостной, лишенной красок и счастья.

Учился я посредственно, опять-таки, скорее, по пассивному повиновению, и, хотя я любил читать, но чтением моим были преимущественно Фенимор Купер, Майн-Рид и в меньшей мере мне нравился Жюль Верн. В Фениморе Купере и Майн-Риде меня интересовала главным образом приключенческая сторона – картины охоты, стычки с индейцами, меткие выстрелы Следопыта – морального элемента, например, в личности Следопыта, я совсем тогда не улавливал, равно как оставалась для меня непонятной проповедь личной энергии, предприимчивости в произведениях Киплинга. Одним из самых больших общественных переживаний того периода была для меня несчастная русско-японская война 1904–1905 годов. Мне было тогда 11 лет. Никакого общественного воспитания, да и вообще никакого воспитания, от своей матери, слишком занятой личной жизнью с новым мужем, я не получал, а тетка была строга и меня не любила из-за отца, которого она называла при мне вслух мещанином, мужиком и пьяницей; я тоже ее не любил и подчинялся ей пассивно, с скрытой или даже не всегда скрытой неприязнью. При таких условиях уже не знаю, какими путями – очевидно, все же через разговоры старших, предназначенные не для меня, а также через чтение журналов «Нива» и «Родина», в мою душу, незаметно, непостижимо, можно сказать тайком или как говорят, с молоком матери, вошел патриотизм. Помню, с какой любовью и восхищением смотрел я в журналах на фотографии наших крейсеров и броненосцев – особенно восхищал меня крейсер «Новик» с его изумительным ходом и осанкой; помню далее тяжелое впечатление, произведенное гибелью «Варяга» в Чемульпо, и совершенно исключительное по ужасу и нравственному удару ощущение от гибели «Петропавловска» и адмирала Макарова; помню и страшную фразу в связи с гибелью Макарова и спасением великого князя Кирилла – фраза, кажется, была сказана теткой: «Золото всегда тонет, а г...но всплывает». Конечно, я тогда не понимал общественного веса фраз, вроде приведенной, теперь же ясно, что в них был смертный приговор режиму. Мое окружение в семье отнюдь не было революционно, даже скорее под корой городской мелкобуржуазности, почти мещанства, оно было религиозно-православным и ортодоксальным, а потому подобный отзыв о человеке царской семьи, по существу, обозначал гибель этой семьи, ибо основная массовая опора ее в стране от нее отшатнулась в результате ее собственной распущенности и безумной политики, приведшей к такой страшной, неожиданной военной катаст-

рофе. Я удивляюсь теперь только тому, почему я сам, мальчик 11 лет, столь сильно переживал эту несчастную для России войну; никто как будто не будил во мне особого чувства Родины, патриотизма, никто, конечно, не мог мне объяснить общественного и причинного смысла явлений; мое семейное окружение не было настолько культурным, чтобы заботиться о гражданском моем воспитании, но, как видно, общественная атмосфера чрезвычайно легко проникает в сознание впечатлительного ребенка – а я был от природы очень впечатлителен, нервен – через случайные фразы, обрывки журнальных статей и т. п. Это нужно всегда иметь в виду воспитателям общества: душа ребенка чрезвычайно чувствительный инструмент – струна, начинающая звучать очень громко иногда при самом легком к ней прикосновении. Душа взрослого человека совсем иная – она в тысячу раз менее чувствительна. То же можно сказать и о памяти. Психический инструмент ребенка необычайно восприимчив; поэтому его особенно тщательно нужно оберегать от всего дурного, ибо он воспринимает бессознательно, а затем сохраняет на всю жизнь и хорошее, и плохое.

Революцию 1905–1906 годов я переживал в уже относительно зрелом состоянии; я был тогда в 3–4 классах Реального училища. По семейному, вообще взрослому окружению – я жил тогда уже и не с теткой, а в чужой, но хорошей семье инспектора городского училища, по отсутствию общественного воспитания я не был слишком революционно настроен; общественных явлений я не понимал, никаких политических традиций мне никто сознательно не прививал, а подсознательно я был сектантски религиозен, ибо семья отца была в расколе, со скитским благочестием, а мать принадлежала к чиновничьему, ортодоксально повинующемуся, но все же самостоятельно потихоньку мыслящему семейству. Однако общественное революционное движение всего общества, даже в нашем небольшом и довольно захолустном городишке, как-то, хотя и не очень глубоко, захватило и меня, не сделав, конечно, революционером, хотя я иногда и пел марсельезу или варшавянку, но придав моим мыслям и чувствам навсегда либеральный, если формулировать, политически-кадетский оттенок. Мой старший брат принимал даже активное, хотя и небольшое участие в революционном движении учащихся города, он был старше меня на 5 лет, и я иногда слушал споры и речи его товарищей, смотрел как они издавали гектографический журнал, даже помогал им готовить гектограф; мне очень нравился процесс гектографической печати, но сам я лично и по молодости, и по общественной пассивности своей натуры, – я всегда боялся людей и трудно сходилась со сверстниками, не принимал участия в движении. В школе у нас воцарился более свободный режим, учителя стали даже как-то по-товарищески с нами обращаться, а так как среди них были хорошие педагоги, а один, учитель русского языка и словесности, просто замечательный человек и учитель, сам же я в то время повзрослел и во мне проснулись умственные интересы, то дальнейшее пребывание в школе было для меня уже не тяжелым и ученье пошло хорошо; я кончил училище даже с отличием.

Не могу не сказать здесь несколько слов о двух моих педагогах. Виктор Иванович Никольский преподавал в младших классах русский язык, стало быть, грамматику, в старших – словесность, т. е. литературу. Авторитет и уважение, соединенные с трогательной любовью, которые он приобрел среди учеников, особенно старших классов, были изумительны; даже распущенные лодыри, циники и руготники, имевшиеся среди нас, почти обожали его, кажется даже

больше, чем мы, хорошие ученики, и не на словах, а на деле, ибо учились у него, и, в некоторых случаях, только у него, прекрасно.

Никольский был низкий и довольно тучный человек, с красным апоплексическим лицом, на котором щеки образовали складки – он был уже пожилым, с сединой в волосах, с длинноватой, жидкой и тощей, как говорят, козлиной бородкой, и с хохлацкими, опущенными вниз усами, внешне вообще сильно напоминал Тараса Бульбу, но одет он был всегда очень тщательно, в темно-синий форменный сюртук, очень длинный, широкие брюки; на жилете виднелась, кажется, золотая цепочка от часов, которую он постоянно вертел между пальцами, когда говорил. Он покорял нас многими качествами. Уже самая внешность его производила впечатление какой-то фундаментальности, силы, хотя не была красивой: он был невысок, но крепко сложен и имел даже небольшое брюшко. Гораздо существеннее было его отношение к нам. Он никогда не шутил, не панибратствовал с нами, даже в максимум подъема революционного движения, когда школой управляли скорее ученики, а не учителя, и, в общем, в ней был порядочный хаос. Он был всегда серьезен и строг, но строг именно там и тогда, когда и по нашему внутреннему чувству он должен был быть строг: при дурных поступках, дурных словах, невежливости ученика, или группы учеников. И он не раздражался; он всегда владел собой, и его голос был тверд и выразителен, когда он порицал провинившегося. Но он никогда не жаловался директору или инспектору, он, очевидно, – теперь ясно, считал себя настолько выше их и выше нас, что полагал недостойным для себя идти жаловаться на нас начальству, а почему-то во всех школах, по-видимому, всех стран учащиеся больше всего не любят и презирают тех, кто жалуется или апеллирует к начальству. Никольский, очевидно, также любил учеников, молодежь, но никогда не выражал этого в словах, а только в делах – в образцовом преподавании и в нужной дисциплине. Самое же главное – он был замечательный, красноречивый и выразительный лектор; это было деловое, серьезное, первоклассное ораторство. Бывало так, что он расскажет какое-нибудь событие, имеющее отношение к литературе; весь класс в абсолютной тишине, впившись в него глазами, слушает; потом Никольский вызывает какого-нибудь, часто очень среднего ученика и задает ему повторить сказанное, объясненное им. Помню, что обычно ученик почти от слова до слова повторял рассказанное Никольским – так запечатлевалась его речь в наших мозгах. Речь его была столь красива, выразительна, педагогична, очищена от всего лишнего несущественного, так сосредотачивала на важном и интересном, что больше походила на скульптуру, полное смысла наглядное изображение, чем на словесную речь. Позднее я слушал самых прославленных профессоров, лекторов, ораторов по всей нашей огромной стране – и Максима Ковалевского, и Маклакова, и академика Ферсмана, которого называли Златоустым, но такого совершенного, классически совершенного лектора, каким был Никольский, я более не встречал. А он был лишь скромный учитель в уездном городе и притом – горький пьяница. Почему он пил, человек столь высокой культуры, осталось для меня не совсем ясным. Говорили, что он был несчастлив в семейной жизни; болтали в городе, что его жена – я ее видел как-то, она мне показалась довольно некрасивой женщиной – была любовницей одного довольно молодого и пошловатого акцизного чиновника; мне тоже приходилось его видеть. Возможно, что это было именно так, а возможно и не так – мы тогда не особенно стремились проникать в подобные личные дела, да и не имели возможности этого делать. Оставался факт, что

наш дорогой наставник, действительный учитель, пил и пил сильно; с годами все больше. Бывали случаи, что он засыпал на кафедре, и трогательным образом класс тогда весь час, до звонка, сидел молча, не вставая, без шалостей или криков, чтобы не привлечь внимания начальства и надзирателей, не подвести Никольского.

Когда же началась реакция, кажется в 1908 году, Никольский, по навету или доносу, как мы были убеждены, директора, тоже словесника и юриста, мало симпатичного, большого, грузного и, по-видимому, глуповатого человека, был смещен и сослан в маленькое село, за Волгу, учителем 4-х классов училища. Горе наше, когда мы узнали об этом, было очень велико; в летние каникулы старшие классы даже собирали деньги среди нас и посылали специальную делегацию для посещения Никольского на его новом местожительстве, чтобы выразить ему наше уважение и любовь.

Никольский привил нам любовь к литературе, научил ее понимать, научил литературно писать; мне даже трудно сейчас оценить всю силу его влияния на нас, в частности на меня самого; помню только, что несомненно под его влиянием я начал любить писать и старался писать хорошо, выразительно, так, как он говорил – его речи были для нас образцом литературного стиля. Я был еще не так близок к нему, как некоторые другие мои соклассники – на тех его влияние было еще более сильным. Никольский был очевидно демократ, типа народника. Хорошо помню, как однажды в классе, говоря о народной поэзии, песне, он остановил наше внимание на известной песне «Последний и нынешний денечек». Мы все и много раз слышали во время японской войны, она нам надоела, и мы как-то даже привыкли ее считать вульгарной, не стоящей внимания. И вот Никольский прочел ее нам в классе, с непередаваемой выразительностью и чувством, как великий артист и тотчас же серьезным тоном объяснил, какая глубина тоски, народного горя, горя простого люда, спрятана под, казалось бы, вульгарной оболочкой этой простой песни. Песня, которую мы все знали и раньше, теперь нам казалась совсем другой, новой, какой мы ее не знали. Это был для нас урок, незабываемый урок, критической эстетики. И, кажется, мы его хорошо усвоили; после этого под всякой оболочкой, под всякими суждением или осуждением мы уже стремились сами выяснить действительную ценность литературного произведения, которое мы читали или слышали.

Из рассказанного выше ясно следует, какое могучее влияние на ум ребенка, молодежи, может оказать и оказывает выдающийся педагог, артист своего дела, особенно если он к тому же хороший человек, внушающий к себе уважение как к человеку. И с другой стороны, на примере Никольского мы еще раз убеждаемся в печальной истине, что истинно талантливый человек, вместо поощрения и достойного места, обычно встречает недоброжелательство, зависть, и часто погибает, правда, своей трагедией только возбуждая сердца своих поклонников к борьбе за правду и человечность.

Еще Гейне, великий лирик и насмешник, спросил:

«Отчего – скажи – под крестом и весь в крови влачился правый, отчего везде бесчестный встречен почестью и славой?»

И ответил с усмешкой: «Это старая история, но она вечно остается новой! „Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu!“ »

Уже с 6-го класса, после пробуждения умственных интересов, правда, тогда еще небольших, очень поверхностных, мой ум устремился к естествознанию.

Странным образом, наибольший интерес в то время во мне возбуждали книги по космогонии и астрономии, а также по истории Земли. Помню, я стал зачитываться романтическими по настроению, астрономическими фантазиями Фламариона, вроде его Урании, историей мироздания Мейера, ископаемыми чудовищами Гетчинсона. Читал и Дарвина, но сколько помню, его плохо тогда понял.

Никто не направлял меня в эту область знания. Дух юноши, очевидно, бессознательно сам стремился к бесконечному, к ознакомлению с предельными вопросами бытия, не имея еще никакой, даже элементарной философской подготовки. Любопытно, что в Реальном училище не было даже начатков философии, хотя было, например, Законovedение и тьма всякой истории – древней, средней и особенно новой! «Реалисты», очевидно, считали философию столь же не соответствующей реальному, практическому знанию, как греческий и латинский языки; они предоставляли эти отрасли познания классическим гимназиям! Поэтому, мы, реалисты, оказывались без всякого философского образования, о чем можно горько пожалеть, ибо наука становится наукой только тогда, когда она делается философией; а мы пускались в море науки, не имея представления о философии, стало быть, в челне без руля!

Очевидно, больше всего влекла меня астрономия потому, что звездное небо, со сверкающими на нем звездами и планетами, которое мы видим столь часто, особенно мы, жители деревень в континентальных странах, всегда возбуждает в нас мистический и глубокий интерес своей непостижимостью. Я же всегда был склонен к мистике и к познанию; вид ночного, особенно вечернего неба, производил на меня сильнейшее впечатление; я был очень одинок, во мне уже бродили, неясные и для меня самого соки созревающего юноши, и сознание смутно пыталось определить место своей индивидуальности в космосе, в природе. Общественные дела, о которых я имел малое представление, человеческое общество и мое место в нем, меня мало интересовали; я его не любил, природа была моим божеством, и свое место в ней я стремился, прежде всего, определить. Все это было, конечно, смутно осознано – интуицией, не разумом, потому что разум основывает суждения на опыте, а его у меня, понятно, не было; и никто мне не передал своего опыта, ибо у меня не было наставника, при своей же замкнутости я не имел и друзей.

Одновременно я начал интересоваться биологией, в чем сказалось, с одной стороны, влияние одного молодого педагога, В.А. Ливанова, брата известного казанского зоолога, профессора Университета, а с другой – моего товарища по классу, зоолога, ныне профессора Ленинградского университета, Б.С. Виноградова. Последний был старше меня и более развит, больше знал; поэтому, на общих экскурсиях за город, которые мы оба очень любили, я получал от него много зоологических и геологических сведений, поучений; эти экскурсии были для меня новой школой природы; вместо охоты и рыбалки – ловля насекомых, водных животных, планктона или выискивание ископаемой фауны в мелах и песчинках вольских гор. Однако мое чувство более склонялось к растениям, к ботанике, чем к зоологии; очень возможно, что к этому меня подталкивал В.А. Ливанов, которому, быть может, было интересно иметь среди своих учеников и зоолога, и ботаника. А помимо того, мы оба много занимались химией и знали ее отлично даже за пределами школьного курса; меня лично химия всегда глубоко интересовала.

Так мы с Б.С. Виноградовым и провели два последних школьных года; уже определив свое стремление к науке, даже к специальности, и намерение, после Реального, поступать в Университет, на физико-математический факультет, а не в инженерно-технические ВУЗы, к которым нас, реалистов, собственно готовили.

Помню, что такое мое решение вызвало последний и окончательный мой конфликт с семьей, вернее с отчимом, с которым у меня уже несколько лет были весьма недружественные, почти враждебные отношения. Он был решительно против Университета и зло, требовательно настаивал на моем поступлении в технический ВУЗ, к которому я не чувствовал ни малейшей склонности. Мать, бедная и робкая, безвольная женщина, поработанная властным мужем, молчала, хотя я знал, что в душе она согласится со мной без большой внутренней борьбы, пассивно, как пассивна вообще была ее слабая, но любящая натура. Я, конечно, не уступил отчиму; вообще это бы ненужный, бесполезный, злой разговор, бесполезный потому, что в то время я уже сам зарабатывал себе средства на жизнь, репетировав маленьких учеников нашего же училища; моя семья тогда впала в полное материальное ничтожество, ибо отчим за что-то был уволен с железной дороги и перебивался кое-как на жаловании писца-делопроизводителя городской Управы. Жили мы очень трудно, буквально на копейки, ибо и я зарабатывал не более 10–12 рублей в месяц. Обед мой состоял из чашки супа, правда, с куском мяса, и фунта черного хлеба. Но что это был за чудный хлеб; я и сейчас помню его вкус – он был намного вкуснее чем пирожное, которое теперь готовят. Наш город вообще славился своим черным и белым хлебом; тогдашние пекари были в подлинном смысле художниками и профессорами своего дела; я уверен, что мы уже никогда не будем есть подобного хлеба, ибо таких пекарей уже нет и нет той муки и зерна, которые тогда были. Также и кусок мяса в супе или щах мне казался чудесным – вероятно потому, что мне было 16–17 лет, и я по существу ел как следует только один раз в сутки.

И вот, ради будущего Университета, мы с Б.С. стали изучать латынь – нужно было сдавать по ней экзамен дополнительно, экстерном, чтобы иметь право поступить в Университет; без латыни туда не принимали. Готовиться самим было трудно, мы учились частным порядком у преподавателя латинского языка местной духовной семинарии, – Введенского, что для меня представляло особые затруднения, ибо ему нужно было платить что-то около 5 рублей в месяц при групповом занятии втроем, а 5 рублей были большими деньгами в моем скромном бюджете. Тем не менее, мы учились и учились с энтузиазмом. Перед нами вдруг раскрылся неведомый до того чудесный мир классики, античной культуры, о котором мы, реалисты, почти не получали представления в нашей реальной школе. Я начал читать Цезаря. Понятно, что в школе когда-то в 3 или 4 классе, в Древней Истории, я проходил что-то о Цезаре, но он был там обезличен, как бусинка в четках, среди бесчисленных других героев, царей и полководцев, и это к тому же было так давно, что Цезарь мне скорее представлялся мифическим образом наподобие Геракла или Агамемнона, чем реальным существом. А теперь я держал в руках книгу, им самим написанную, и оказывалось, что он был совершенно настоящим человеком, который не только воевал замечательно, но столь же замечательно и писал, не хуже даже, чем мои любимцы Майн-Рид и Фламарион. Это было уже поразительным открытием! А далее шли еще более удивительные вещи. Вечный город Рим с величественным зданием Форума на Пала-

тинском Холме, мраморные здания с колоннами, увенчанными дивными капителями, сверкающие в ярком солнце, такие простые и божественно прекрасные; статуи богов и богинь на площадях; суровые солдаты могучих легионов, поднимающие мечи и кричащие: «Ave Ceasar, morituri te salutant!» – «Готовые умереть тебя приветствуют!»; пурпуровые тоги сенаторов в пестрой толпе волнующегося римского плебса – вся величавая и грозная история Рима, первого и единственного в своем роде мирового государства, откуда вышла и наша культура: Петр – в Риме, и Петр I у нас, а за ее спиной сияющая красотой и нежностью культура Эллады с обожествленной природой, веселыми богами и поистине божественными взлетами научной и художественной мысли.

Для нас этот год латинской учебы был новой и большой школой, определяющей на всю жизнь любовь к античному миру, его поэзии, философии, к его художественной и государственной деятельности. Молодежь в подходящем возрасте и с соответственным настроением за год усваивает столько, сколько взрослые люди за 10–15 лет. Но, пожалуй, для этого молодежь должна питаться хлебом, выращенным на еще не истощенных черноземах.

Лето 1910 года, после окончания училища я провел в Саратове, продолжая готовиться по латыни, чтобы осенью сдать по ней экзамен при гимназии и ехать в Университет в Казань. Саратовское лето, как известно, жаркое, особенно в городе и его нелегко было переносить, хотя я жил на пустынных и с деревьями Крафтовских землях, на краю города, близ вокзала, на которых было лучше, чем в самом городе. Это было трудное для меня лето, чтобы иметь время зубрить латынь я взял только один репетиторский урок и жил на копейки почти исключительно на чае и хлебе, совсем без мяса; помню хорошо, что с июля нашей ежедневной пищей обедом, я жил с братом, в его комнате – были красивые свежие томаты с луком, растительным маслом и хлебом.

Здесь в Саратове началось мое знакомство с миром ученых. В.А. Ливанов как-то повел меня в недавно открывшийся в Саратове Университет, в котором тогда был только медицинский факультет, на кафедру ботаники, и представил меня как начинающего в этой области любителя профессору А.Я. Гордягину и его ассистенту Д.Е. Янишевскому – оба они были из Казани и ушли оттуда из-за профессора К.С. Мережковского. А.Я. Гордягин, такой же замечательный русский человек, с таким же достоинством и талантом педагога, как и Никольский, был тогда в средних летах, еще совсем без седины и очень веселый. Он, конечно, без большого интереса, но все же радушно, посмотрел на приведенного к нему угловатого и плохо одетого, неловкого юношу, т. е. на меня, и сказал что-то очень небольшое; меня удивило, что вместо того, чтобы поощрить меня к занятиям ботаникой, он полувопросительно сказал, что, пожалуй, филология интереснее ботаники и спросил, знаю ли я французское слово *le rival*; я сказал, что знаю и он мне тотчас пояснил происхождение его, которое, конечно, мне было неизвестно: французское *la rive* – берег от латинского слова *rivum* – река, *le rival* – соперник, живущий тоже на берегу реки и старающийся ее использовать раньше других или преимущественно перед другими – например, для орошения или для установки мельницы и т. п.

Осенью я не уехал в Казань, у меня не было денег и не была готова латынь; кроме того, намек Гордягина о филологии я понял так, что мне лучше надо знать языки. И я остался на зиму в Саратове, взял несколько уроков, полученных с помощью знакомых, и засел за немецкий язык и латынь. Жил я тогда прилично, в

отдельной комнате в городе, и за зиму натерел в немецком так, что мог читать не только научные книги, но и художественную литературу; моим любимцем был Гейне, и тогда я понял насколько великий художник он был – из грубого тяжело-го немецкого языка он сделал сладкую музыку:

Warum sind denn die Rosen so blass, o sprich, mein Lieb warum?

Warum sind denn im grünen Grass die blauen Veilchen so stumm?

Овладев немецким и латынью, я заодно принялся и за эсперанто, но В.А. Ливанов, узнав об этом, сердито сказал, зачем тебе тратить время на дурацкую выдумку, учи лучше английский язык – язык живого народа.

В эту зиму, в ее конце, я познал нежный аромат и очарование первой любви. Ее мне внушила сестра одного из моих учеников, грациозная худенькая девушка с нежными глазками. Вероятно, в ней не было ничего особенного, я видел ее потом года через два, курсисткой в Ленинграде и не был ею восхищен, но тогда в Саратове она меня очаровала; и я ей нравился: это было ясно и по легкому пожатию руки, и по нежному взгляду; тонкое влечение молодых людей друг к другу, Дафниса и Хлои, даже не ясное для них по целям, невольное и неконтролируемое, передается ими друг другу с помощью какого-то магнетического чувства; не нужно ни слов, ни записок.

Из этой любви ничего не вышло. Весной 1911 года, в июне, я уехал репетитором одного довольно взрослого парня в заволжское степное имение его отца, к Семиглавному Мару, в область сырта. И до отъезда я собирал растения в окрестностях Саратова, но любовь мне сильно мешала – я больше стремился видеться с милой, на ее даче, в Разбойщине, чем ходить по лесам и горам. Профессор А.Я. Гордягин, которому я приносил свои сборы, был тонкий человек, стреляный воробей и, наверное, откуда-то что-то обо мне узнавал и не раз, с лукавством посмеиваясь, отмечал, что по какой-то причине мои ботанические сборы оказываются скудноватыми... Я смущался и уходил.

А теперь я оказался в степи. Маленькая степная речонка, Солянка, была перегорожена большой плотиной и создавала выше нее огромный пруд, по берегам, а кое-где и в середине поросший тростником и кустами ивы. У плотины стояла мельница, а сбоку, метрах в ста от пруда – хозяйский дом. Хозяин был помещик парвеню¹⁷, купец, арендовавший или купивший имение и развернувший на нем большое, но экстенсивное зерновое хозяйство. Человек он был довольно, для купца, культурный, мягкий и добрый; не думаю, чтобы у него хозяйство шло блестяще, но он заботился о нем, почти всегда был занят и дома был изредка, а когда был, то вел себя тихо, предоставляя хозяйничание жене. Кроме сына, моего ученика, у него были еще две старшие дочери, одна из которых, кажется, уже работала учительницей. Я мало входил в жизнь хозяев и, признаюсь, мало занимался учеником; он был здоровый, веселый парень, охотно развлекавшийся деревенскими радостями, и совсем не был склонен к скучным наукам. Моими же радостями были экскурсии за растениями, в праздники далекие – на Сырт, верст за 25–30, в другие дни, когда было возможно, более близкие – в степь, вернее, в поля, ибо степь поблизости была распахана. Но по склонам Сырта, ближе к железной дороге, она была еще цела на километр – летом она серебрилась ковылем и поскольку ее там, на сопках, прорывали выходы коренных пород, каменистые обнажения, с богатой флорой, она влекла меня неудержимо и давала мне много радости. Здесь, в Семиглавом Маре, я познал степь, поскольку

¹⁷ Parvenu (фр.) – добившийся успеха, разбогатевший; выскочка.

был к этому способен. Это бескрайние просторы, без леса; в которых лесному жителю могло быть скучно, но где я себя чувствовал восхитительно; пустынно и тихо, людей нет; кочкарная трава волнуется под ветром; из-под чахлах степных кустов выскакивают, трепеща крыльями, стрепеты; на небольших озерах – лужах, в подах, гомон кроншнепов и писк беспокойных чибисов. Местами лежали полотнища белых солончаков, по краям со странными кустами – тамарисками. Каменистые известняковые склоны сопок ослепительно блестели в ярком и жарком солнце. Вдали миражит, и иногда появляются как бы заливы воды, даже с кустами по берегам. В школе я все любовался на картину: фата-моргана в Сахаре; там были изображены цветные миражи – зеленые пальмы, оранжево-желтые пирамиды, перевернутые вверх ногами. Но в степи миражи бесцветны: вода и даже кусты серы, как бы нарисованы карандашом, и стоят прямо, не перевернуто; позднее в пустынях Средней Азии я видел такие же серые, бескрасочные перевернутые миражи.

Я родился и жил ребенком на веселых меловых горах Вольска, которые одеты кудрявыми дубовыми лесами. На опушках и полях там много ярких цветов; очень рано расцветает золотистый как солнце горюцвет – адонис, потом фиалки и ландыши... Незабудки местами создают на полянах чудесные голубые ковры, а кое-где, в укромных местах, можно найти роскошный малиновый пион, который почему-то у нас называют очень красиво, пусть и неверно «лазоревым» цветком. В заволжской степи нет ни кудрявых дубняков, ни ярких, красивых цветов; злаковая трава все заполняет, и только розовые головки гвоздики доставляют ей скромное и милое украшение.

Но все же хороша, привольна степь, и чуден в ней воздух, насыщенный какими-то особыми запахами – то ли полыни, то ли пыльцы злаков, горьковатыми, не сладкими, но возбуждающими. Так хорошо изобразил этот запах степи Майков в стихотворении «Емшан»: «и едет он, пучок травы степной из рук не выпуская».

В августе я вернулся в Саратов, подкормившийся, окрепший в степи и с некоторой суммой денег, наверное, не более рублей 60, для поездки в Казань, в Университет. Билет до Казани на «Купце» – пароходе Купеческой Компании, самой дешевой, но и плохой, – стоил всего 4,5 рубля; из вещей у меня было только один небольшой чемодан с бельем. Но зато у меня не было никаких забот, кроме себя, а поскольку я был здоров, то и эти заботы были очень невелики.

Счастливая, хотя быть может и эгоистическая, пора молодости, когда ни о ком не думаешь, даже почти не думаешь и о себе, когда сил и здоровья много, так что не чувствуешь ни головы, ни ног – все тело находится в совершенной гармонии и в функциональном совершенстве; вот чего никогда нельзя вернуть, если оно уже ушло вместе с молодостью – беззаботности, совершенной свободы, ясности головы, мысли!

По натуре я был пессимистом, так как я не имел общественного воспитания, был дичком и никогда не приходил в гармонию с окружающими меня, хотя и немногими, имевшими ко мне отношение людьми. Я их никого не любил и с ними вступал в конфликты из-за неумения смягчить случайное расхождение, несогласия, или же относился к ним столь безучастно, что они обижались и охладевали ко мне, быть может, считая меня, и не без оснований, за грубого и эгоистичного, а иногда зазнающегося молодого человека. Должен признаться, что у меня даже не было никаких твердых нравственных устоев; да и кто мне мог их

привить – семья не умела этого сделать и не особенно мной вообще интересовалась; семейная жизнь матери с отчимом, не очень приятная и складная, глубоко нас огорчала и отталкивала; с людьми, которых я уважал, вроде Никольского, я никогда не был близок, а школа и тогда, так и теперь, больше старалась дать реальные знания, например, в математике, вплоть до интегралов, чем сформировать нравственный облик ребенка и юноши, сделать из него человека, познакомить его с элементами этики, личной, общественной, внедрить в него эти элементы. Так вырос и я – без воспитания, личного, общественного, а я по натуре был нелегкий для воспитания объект, упрямый и самолюбивый, к тому же очень нервный и склонный к гипертрофированию чувств, хороших и плохих; поэтому даже студентом я был еще нравственным недорослем, что вообще характерно для российской молодежи, а во мне было выражено более, чем у многих сверстников. Если я при таких условиях не впал в молодости в большие ошибки и не совершил больших недозволенных поступков, то этим я обязан не какому-то нравственному чувству, сидевшему внутри меня – по-моему оно во мне не сидело! – а скорее пассивности натуры, нелюбви быть близким с кем-нибудь, иметь какое-либо дело с другими, в том числе и товарищами. Я жил только умственными интересами, а интересов жизни у меня даже в молодости не было; никогда я не помню, чтобы я мечтал о приобретении чего-либо, о каких-либо материальных ценностях, о карьере – я никогда даже не думал быть профессором или вообще иметь какое-либо звание, чин, либо положение. Познание ради него самого, ради радости, которую оно дает познающему, как бы богатеющему, собирающему сокровища в самом себе – было единственной заботой и даже почти инстинктивным чувством, направлявшем мою жизнь. Материально для этого мне нужно было немного – иметь отдельную комнату, хотя бы почти пустую, где я мог бы читать и размышлять или фантазировать, а фантазия у меня работала интенсивно, да немного пищи – я в ней был всегда умерен – для поддержания нормального здоровья, вот все что мне требовалось, в чем я нуждался. Одевался я всегда плохо и небрежно, меня это не тяготило; даже насчет чистоты я был крайне нетребователен в молодости. Единственно, чего я хотел – это путешествовать, видеть новые места, иную природу. Бродяжничество с научными целями было моей всегдашней и лучшей отрадой – и таким я остался, с этим странным вкусом, до конца своей жизни. Мне всегда импонировали слова Султана Бабура, великого могола, воителя и писателя: «Жизнь – дорога, счастье – конь, а наш отдых – караван-сарай!». Обстоятельства как-то благоприятствовали, хотя и не до конца, не до намеченной точки, моим стремлениям к путешествиям, но я не достиг того, величайшего, о чем всегда мечтал – попасть на несколько лет, с целью научного исследования, в тропический лес, безразлично на Конго, Амазонку или на острова Малайского Архипелага. Этого высшего счастья на мою долю не выпало!

В Казани на первых порах, мне пришлось туго. Поступив в Университет, я, выражаясь политически, был принужден наподобие современной Англии, растратить весь свой золотой запас, – какие-то 60 рублей у меня были действительно в золоте, в золотых николаевских 5-рублевках, а посему сесть на мель. 40 рублей золотом – ужасно подумать! – я внес за учение в Университет: 25 – общих и 15 – профессорского гонорара по часам лекций, 5 рублей заплатил хозяйке за комнату и остался с 15 рублями, а может быть и с 10, на целый семестр. Даже при всякой скромности жизни, эта сумма не могла обеспечить меня боль-

ше, чем на месяц; ведь нужны были кроме еды еще книги и разная учебная мелочь. Но, с одной стороны, у меня уже был некоторый опыт жизни, а с другой стороны, как всегда, помогли знакомые. Профессор Гордягин написал обо мне своему другу, профессору Поленову, а Ливанов – брату; эти два оба пришли ко мне на помощь. Профессор Поленов, минералог, был солидный и важный человек, а его супруга Мария Федоровна – пышная дама, с удивительно пушистыми, светлыми волосами, очень нарядная и любезная; она была одной из заправил так называемого «Общества вспоможения бедным студентам» при Казанском университете. Для нас, нуждающихся студентов, она была прекрасной, хоть и немного строгой, богиней – вроде Афины-Паллады. За ничтожную сумму, а иногда и бесплатно, она давала нам билеты в столовую, которую содержало общество; по этим билетам нам там отпускали обеды, простые, но приличные. В минуту трудную можно было пройти в столовую даже по самому дешевому билету: кружка молока, кажется за 5 копеек, а пройдя в столовую, мы могли есть сколько угодно черного хлеба, соленых огурцов и пить кваса, ибо все это добро стояло в неограниченном количестве на столах и не порционировалось; наевшись этих нехитрых яств и запив кружкой молока, мы уходили до известной степени удовлетворенные.

Помимо билетиков в столовую, я получил еще один репетиторский урок рублей за 7 и был доволен, ибо был таким путем обеспечен прожиточным минимумом. Я стремился, конечно, прежде всего, к серьезным занятиям в Университете. Начались лекции и практические занятия в лаборатории, особенно много последние отнимали времени в химической лаборатории, по анализу.

Казанский университет в то время имел неплохой профессорский состав, хотя блестящий период Университета уже был в прошлом. Тем не менее, мы очень скоро пришли к убеждению, не знаю оправданному ли фактически, что самая непроизводительная затрата времени – это слушать лекции профессоров: большая часть их читалась посредственно, по крайней мере нам так казалось – без вдохновения, без особых идей. К тому же по всем курсам тогда, в противоположность современности, были вполне подходящие по объему и содержанию учебники, печатанные или гектографированные, или написанные самими же профессорами, или ими рекомендуемые. Мы считали, что сидя дома над такими учебниками, в тишине и средоточии, мы могли гораздо скорее и лучше усвоить их содержание, вдумываясь в него и критически к нему относясь, чем воспринимая его на слух, на лекции, часто читаемой плохо даже с внешней стороны и к тому же в довольно шумной аудитории. Только лекции, которые сопровождались регулярными демонстрациями и опытами, мы посещали непрерывно; на остальные ходили почти по очередям, для порядка, чтобы не пустовали аудитории, ибо начальство (декан) тогда сердилось, и до известной степени мы не хотели, кроме того, огорчать лекторов отсутствием слушателей; в этом отношении у нас была какая-то общественная коллективная этика. Основное свое внимание мы отдавали лабораторным занятиям – по существу в лаборатории мы и учились; в них мы себя чувствовали, как дома. Провинциальные Университеты, уступая столичным по подбору профессоров и иногда по богатству оборудования, имеют, однако, свои преимущества – прежде всего, в них студенту легче использовать лаборатории, ибо число занимающихся студентов гораздо менее значительно, лаборатории свободны, оборудование в них относительно, считая на душу студента, больше и оно легче доступно; так, что, если у студента есть охота за-

ниматься, то в провинциальном Университете он может сидеть и работать в лаборатории сколько угодно. Я говорю, конечно, об общих лабораториях, вроде лаборатории химического анализа или анатомического музея. Мы так и делали; целые дни проводили за анализом, что позволяло углубляться и проходить анализ быстрее.

Мои личные симпатии сразу же раздвоились между химией и ботаникой; совсем как в «Горе от ума» – «он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник»; поэтому я пропадал в обеих этих лабораториях. И в обеих, помимо науки и поучения, меня ожидали встречи с людьми, оставившие глубокую память в моей психике.

Не помню, как и когда именно, но, по всей вероятности, в химической лаборатории, я встретился с одним сокурсником, студентом, которого я мог бы считать единственным другом мужского пола, который был в моей жизни и который оказал на меня сильное влияние; его звали В.И. Никифоров. Судьба нас разлучила через полтора года после начала нашего знакомства, сперва, казалось, временно, а потом, как это любит устраивать насмешница Судьба, навсегда, ибо Никифоров был во время германской войны выпущен, наряду с другими студентами, в офицеры и пропал без вести на каком-то боевом участке фронта; так я и не знаю, был ли он убит или попал в плен, и где и как он кончил жизнь. Для меня он был чем-то вроде сверкнувшего в темном небе, пришедшего из тьмы и обратно в нее скрывшегося метеора. Однако внешне он вовсе не был блестящ и вовсе не подходил, даже по своему характеру, на метеор. Напротив, характер у него был несколько флегматичный, хотя быть может, это только казалось, ибо он обладал, в контраст со мной, очень большой выдержкой, упорством в достижении цели; и в то же время это был мягкий характер, по-видимому, способный к большой любви. Он был очень серьезен, вдумчив и развит не по летам; его уже никак нельзя было назвать недорослем; вероятно, во всем курсе он был единственным вполне взрослым, сформировавшимся интеллектом, хотя он и был не старше нас по годам. Даже учитывая возможные ошибки моего суждения, которые могут быть результатом моей тогдашней молодости, я все же всю жизнь вплоть до настоящего времени считал и считаю, что В.И. Никифоров, был самым талантливым, самым умным человеком, которого я встретил в жизни. Он вместе со мной занимался химией, без всяких колебаний в сторону биологии, напротив, с явным уклоном в сторону физики и математики, и я убежден, что, если бы Судьба его сохранила, он был бы великим химиком – вторым Менделеевым, а может быть и более великим. Будучи студентом 1 и 2 курсов, он поражал даже профессоров и доцентов глубиной и оригинальностью своих суждений в различных проблемах химии; это выражалось в том, что он подходил к вопросу обычно с такой неожиданной стороны, с какой обычному уму не приходило в голову подойти, и путем ряда особых заключений приходил к верному и часто особому решению. Мне кажется, гениальность, талант ученого и состоит именно в способности видеть вещи не с той стороны, с которой их видит или способно видеть большинство людей, нормальные умы; подходить к вопросу иначе, не с того конца, с какого подходит обыкновенный ум, а с, казалось бы, случайного и несущественного пункта, который, однако, как оказывается, дает ключ к разгадке или пониманию вопроса. Гениальный ум – это абберация, сильное отклонение от обычного строения человеческого мозга, от нормы. Когда читаешь, например, «Математические начала естественной философии» Ньютона, то поражаешься

именно его способностью мыслить вещи не так, иначе, чем мыслят их или мыслили другие люди и, казалось бы, и нам нормальным их мыслить. Недаром гении вроде Ньютона по временам впадают в сумасшествие; структура их мозга слишком необычна, им очень немного нужно, чтобы совсем выйти за пределы понятного с точки зрения нормальных людей. Вот таким необычным, с совершенно особой структурой мозга, умом обладал и В.И. Никифоров. Когда он был молод и беззаботен, как юноша, он внешне производил совершенно нормальное впечатление, он был хорошо воспитан, сдержан и вежлив, одевался аккуратно, конечно без всякого щегольства, любил чистоту и порядок, и опять-таки в меру нормы, но кто знает, каким он бы мог стать или действительно стал, когда заботы или горе воздействовали бы на столь необычную голову. Уже после того, как мы с ним расстались – я перешел в 1913 году в Ленинградский университет – я услышал от одного знакомого студента, нашего сокурсника, что В.И. стал чудить, перестал заниматься и лето 1913 года провел в одиночестве, на берегу Камы, сторожа какой-то луговой заповедный участок, что было уже совсем не дело его специальности. Сам я, поглощенный ботанической работой, экспедицией в Среднюю Азию, которая открыла мне новый, упоительный и целиком меня захвативший в свои чаровные сети, мир, не нашел ни досуга, ни желания написать письмо своему другу – мы оба были молоды и слишком беспечны, а я, кроме того, чересчур эгоистичен, и так мы потерялись друг для друга и уже навсегда. Хорошо это или плохо – я не умею сказать, не могу решить, но, во всяком случае, так, как случилось, В.И. Никифоров остался для меня самым дорогим образом жизни – рыцарем ума, без пятна, страха и упрека. Он был белокур, с почти льняными, всегда коротко остриженными, не пышными волосами, с лицом обычным, русским, не красивым, но приятным; особенностью его был низкий лоб, прорезанный, что нас, помню, удивляло, тремя мощными поперечными складками; глаза имел серые, а рост средний. Он был, кажется, пятым или даже седьмым ребенком в своей семье, учителя или инспектора гимназии в Царицыне, т. е. был моим земляком по губернии; у нас в Университете еще сохранялась какая-то традиционная тень землячества. О семье он отзывался всегда тепло, и семья ему помогала материально, так что он жил значительно лучше меня.

По-видимому, влияние его на меня было особенно значительным потому, что в лице его я впервые встретил сверстника, товарища, который общественно был развит и мог быть для меня руководителем, учителем в этой сфере. Мой школьный товарищ Б.С. Виноградов с общественной точки зрения был абсолютно пассивен, индифферентен, общественными вопросами не интересовался и никогда о них не говорил. Напротив, В.И. Никифоров имел уже вполне сложившиеся моральные и социальные взгляды; когда я стал взрослым, я понял, что в таких случаях решающим фактором является семья, ее влияние; очевидно, у В.И. семья была интеллигентна и умна. В сфере моральной В.И. был безупречно честен, стоек и целомудрен; в нем не было ни тени цинизма, ни внутреннего, ни внешнего. О каких-либо сексуальных проблемах, о которых так любит говорить молодежь, или о любовных делах он никогда не говорил, даже под хмелем, а мы иногда, больше под воздействием товарищей-студентов, а не по собственному почину или позыву, особенно в Татьянин день, выпивали; несмотря на то, что он был остроумен и иногда бывал в веселом настроении, он никогда не рассказывал анекдотов, в которых было бы нечто сальное. Если случайно приходилось говорить о женщинах, он говорил о них с уважением и, помню, даже как-то случай-

но, вскользь, он упомянул о девушке в Царицыне, к которой он чувствует любовь, но которая к нему равнодушна. В сфере социальной, политической он был вполне грамотным. Очень религиозным он не был, умеренно интересовался теологическими проблемами – нам с ним пришлось заниматься и сдавать экзамен, правда, сведенный в то время на фикцию, по богословию, но я не слышал от него ни одного осуждения по адресу церкви и религии, которые были тогда столь модными. Политически он был стойким и определенным либералом, наверное – кадетом; меня, например, он сразу познакомил с газетами всех направлений, от марксистских до монархических и дал характеристику как их, так и их идейных вождей, и руководителей. Для меня это было совсем новым знанием, целым открытием; при его горячей рекомендации я начал и любить единственную, по его мнению, достойную чтения газету «Русские ведомости», которую издавал коллектив московских профессоров. Газета, действительно, была хорошей.

Конечно, основой темой наших разговоров были вопросы химии, физики и математики, в меньшей степени – биологии; В.И. всегда страшно удивлялся, зачем я занимаюсь ботаникой, имея столь большие наклонности и способности к химии: это мнение я позже много раз слышал и от других, и сам высказывал его себе про себя. Общественные же разговоры у нас были случайными и отрывочными – мы были слишком заняты учебой и наукой – и вели их только в редкие минуты усталости и отдыха. Тем не менее, вероятно, мои общественные и политические симпатии были в основном оформлены, фиксированы именно под воздействием В.И. Никифорова; наши духовные существа, видимо, в значительной степени совпадали, вплоть до чувства патриотизма, но он, как старший по развитию, был руководителем и фиксировал в форме сознательных определений то, что соответствовало нашему духовному складу. Особенное значение для меня и, наверное, для него имели наши беседы по естественной философии. Невозможно даже при большом уме – а мы оба им обладали – передумать все и оформить сознательно все мысли или обрывки их, скользящие в голове следы мыслей, в самом себе, в одиночестве, без общения с другим или другими умами, которые подталкивают, исправляют и направляют наши собственные суждения. Позднее для обдумывания, формулировки, уточнения своих суждений я пользовался докладами в научных кружках и обществах, своими лекциями для студентов, иногда даже просто заставлял кого-нибудь, иногда жену, себя слушать, зная, что во время речевого изложения, особенно если при этом встречаются возражения и замечания со стороны слушающих, всего лучше, яснее и логичнее складываются твои собственные суждения – здесь играет роль напряженность внимания, ответственность за слова, даже просто необходимость сделать их понятными и ясными для слушателя, который иначе ведь не станет и слушать. На первом курсе Университета мы едва осмеливались, и то в редчайших случаях, выступить в кружках, так что беседы вдвоем были самым важным методом развивать логические суждения, и мне кажется, что именно в беседах с В.И. я впервые приучился к стройному логическому анализу и синтезу, к точному оформлению мысли, что позднее стало моей как бы врожденной потребностью.

Можно, конечно, до какой-то известной степени гордиться этой способностью, остро и строго логически мыслить и излагать, но с другой стороны, признаюсь, эта способность доставила мне впоследствии массу личных огорчений, потому что, во-первых, показала мне, к моему великому огорчению и разочарованию, отсутствие у большинства ученых-биологов этой способности – а не

очень весело, при моей жалостливой натуре видеть обездоленность в других, в коллегам, которые таким образом, оказываются неполноценными в науке, а, во-вторых, эта способность постоянно выводила меня из сферы принятого в науке, освещенного научной традицией, и тем самым ставила в оппозицию к большинству, державшемуся священной традиции.

В.И. Никифоров был светлым пятном в моих соприкосновениях с человечеством: мы встретились с ним случайно; мягко и на одинаковых уровнях и правах сошлись во взаимном умственном общении; ни одна размолвка, сколько помню, не нарушила наших, в общем, не близких отношений, и мы расстались случайно, без огорчений, сохранив добрую память друг о друге. Возможно, что в моем изображении этого человека есть какая-то доля идеализации, но я могу честно сказать, что именно таким и не каким-либо иным он мне представляется, а я здесь рассказываю только правду, т. е. то, что мне самому кажется правдой. Ведь всякое наше суждение субъективно, и наши истины являются таковыми только для нас, их ощущающих, а свое объективирование они получают лишь по мере того, сколько людей и с какой силой убеждения к ним присоединяются, их принимают за истинное. Во всяком случае, после знакомства с Никифоровым я всю жизнь страстно искал действительно талантливых в умственном отношении людей, уже безразлично к их возрасту, быть может бессознательно желая сравнить их с ним, и мне удалось увидеть несколько человек выдающихся, а одного даже талантливого, но такой умницы, каким был В.И. я уже не встречал.

Я не хочу ни сам впадать в ложную и смешную мистику, ни вовлекать в нее других, но все же иногда мне кажется странной случайностью то, что обоих выдающихся людей, оказавших на меня сильнейшее влияние, Никольского и Никифорова, звали, по имени и отчеству, одинаково, а фамилии их начинались на одну и ту же букву Н. Равным образом оба они одинаково имели не заслуженную ими, совершенно не соответствующую их дарованиям, судьбу.

Казань, после Саратова и Вольска, показалась мне грязным, пасмурным и неудобным городом, и мне было странным вспоминать, что родные моей матери, выходцы из Казани, отзывались о ней с таким теплым чувством. В значительной мере, вероятно, мое отношение к Казани определялось тем бедственным существованием, которое мне там пришлось вести – плохой комнатой, которую я все же оплачивал один, не желая жить вдвоем, недостаточным питанием и плохой одеждой. И действительно мне было трудно. Вместо урока, я стал подрабатывать перепиской: добрейшей души человек, профессор физиологии растений В.В. Лепешкин, наверное, из желания дать мне заработок, предложил мне каллиграфически, от руки, переписывать его рукопись Курса физиологии, который он готовил к печати. Это имело для меня двоякую пользу – с одной стороны такая работа приятнее, чем репетировать тупого мальчишку, который глуп и к тому же не хочет учиться, а с другой, переписка выправляла мне почерк, ибо, чувствуя ответственность, я старался писать возможно яснее и аккуратнее. Но все же к весне, после зимней сессии экзаменов и перед весенней, более ответственной, я выдохся настолько и, по-видимому, очевидно для посторонних, что супруги Поленовы опять вмешались, свели меня с ученым лесничим А.А. Юницким и перед весенней сессией, оформив отпуск в Университете, отправили меня к Юницкому в Паратское лесничество в лес, на сдельную работу; там я должен был вести наблюдения – делать промеры и определять плодоношение срубаемых выборочно сосен. В лесу еще лежали пятна снега, весна почти не чувствовалась. Промерив

назначенную к срубке сосну, это были крупные деревья, я отходил в сторону, а рабочие, мужички, принимались ее подпиливать, определив на глаз, в какую сторону она будет падать. И вот внезапно лесной великан клонился, а затем быстро и грозно падал, ломая свои ветви, ослепительно белые неправильные обломы которых, торчащие из светло-коричневой коры, в точности напоминали обломы костей. Сосны мне казались столь же живыми, как и люди, и мне чудилось, что они чувствуют боль и страдание.

Недалеко от Паратского лесничества лежала знаменитая в Казани Раифская Пустынь – мужской монастырь, окруженный с трех сторон чудеснейшим, заповедным, монастырским бором. Хотя природа здесь суровее, чем у нас, в Саратове, однако – это чудесное место. Почва могучего бора покрыта зеленым бархатным ковром мха; с другой стороны монастыря, в ельнике или мелком лесу, дымится туманом озеро; ранним утром из розового небосклона через кроны деревьев и клубящиеся туманы озера пробивается, восходя, яркое солнце, согревающее тело, скованное рассветным ознобом. Хлопотливые черные фигуры монахов снуют между белыми домиками и стенами обители, разнося приезжим богомольцам чай, баранки, просфоры. И весь этот маленький уютный мир замкнут в лесах, далеко от сутолоки и огорчений города.

А.А. Юницкий был живой, образованный, молодой и холостой мужчина, вечно полный замыслов и ко мне отнесся с искренним расположением. Ему хвалили меня и Поленовы, и на кафедре ботаники, где я работал зимой; чередуя работу там с работой по химии. Кафедра ботаники в тот год переживала или вернее доживала кризис, связанный с именем ее профессора и руководителя К.С. Мережковского. Это был родной брат известного писателя и тоже большой художник. Только в другом, худшем смысле. В первую зиму моего пребывания в Университете 1911–1912 годов, его не было в Казани, он был за границей в научной командировке; номинально кафедрой заведовал В.В. Лепешкин по совместительству – у него была своя кафедра на Арском поле, а фактически работу на кафедре вел доцент Б.А. Келлер, будущий академик. Мережковского мы увидели только на второй год, зимой 1912–1913 годов, а весной 1913 года он имел уже странный конец, после чего всякий след его в мире затерялся.

Нам рассказывали, что Мережковский появился в Казани всего немного лет тому назад, ассистентом кафедры зоологии позвоночных. Старый профессор этой кафедры, Остроумов, как-то летом, будучи на отдыхе, в одном из курортов Финляндии, встретил там страшно понравившегося ему, симпатичного человека; тот рассказал Остроумову, что он занимался археологией и ампелографией¹⁸ в Крыму, даже ботаникой в США, много бывал за границей и был бы не прочь, если угодно профессору, заняться и зоологией. Очарованный талантами, манерами и разнообразием интересов Мережковского, Остроумов взял его с собой в Казань и сделал своим ассистентом. Однако на этой кафедре уже был ассистент, кажется Мейснер, человек твердый, немецкой железной воли, которому новый пришелец не понравился; университетская мораль бытия всегда заключается в устранении конкурентов. Эту мораль Мейснер тотчас применил к Мережковскому. Тогда тот апеллировал к сердцу ботаников, в частности профессора Гордягина, и просил дать ему возможность работать по старой специальности. Итак, Мережковский стал снова и уже окончательно ботаником. Он был, несомненно,

---

¹⁸ Ампелография (от греч. *αμπέλος* – виноград и *γραφία* – описание) – наука о видах и сортах винограда, о закономерностях изменчивости их свойств под влиянием среды и направленного воздействия человека.

талантливый человек – об этом можно заключить по брату; он прекрасно знал иностранные языки и вообще получил, видимо, хорошее образование и воспитание. Поэтому, он легко и быстро приготовил магистерскую диссертацию «Законы образования эндохрома у диатомовых водорослей»; он очень умно занялся низшими растениями, ибо Гордягин и его окружение, Келлер, Янишевский и Смирнов, были специалисты по высшим, в силу чего они с большим уважением относились к труду Мережковского по водорослям, а в то же время могли только очень плохо разобраться в том, что он собственно написал в этом труде. Во всяком случае Гордягин пропустил (принял) этот труд в качестве диссертации Мережковского и своим авторитетом доставил последнему законное звание магистра ботаники. Непосредственно после этого начались художества Мережковского; он стал претендовать на профессию, и чтобы усилить свои позиции сделался активным деятелем монархического «Союза русского народа», озадачив этими двумя выступлениями не только Гордягина и его сотрудников по кафедре, но видимо, и многих других профессоров, большинство которых были, как водится, либералами. На кафедре началась гражданская война, в ходе которой Мережковский сделал ловкий тактический ход. Летом, когда все разъехались на работы в экспедиции, он внушил им очарованному декану факультета, микологу Сорокину, послать в Министерство от имени факультета просьбу последнего назначить магистра Мережковского экстраординарным профессором кафедры, что Сорокин и сделал. Мережковский уже сам присовокупил к этому лестный отзыв о себе со стороны «Союза русского народа» и, кажется, губернатора. Министром просвещения был тогда известный погромщик Университетов и либеральной профессуры Кассо, и поэтому нечего удивляться, что, когда осенью члены факультета, профессора съехались в Казань, они обнаружили – многие с досадой – в своей среде Мережковского, как равного коллегу – *Collegis par*. Взбучка, устроенная раздраженным факультетом своему декану, уже ничего не могла изменить в законном провозглашении императором, т. е. профессором, магистра Мережковского; декан лишился в свалке только еще несколько пучков и без того редких волос. Профессор Гордягин, враг всяких ненаучных житейских потрясений, еще молодой и холостой, сбежал с боевого фронта в только что открытый Саратовский университет, забрав с собой Янишевского и оставив льву на растерзание Келлера и Смирнова. Впрочем, он знал, кого оставлял. Хотя и теснимый со всех сторон, почти изгнанный с Кафедры, Келлер все же сохранил хоть по внешности нормальные отношения с Мережковским и, когда на следующий год последний почему-то решил уехать на всю зиму за границу, Келлер фактически его замещал и в этом положении мы кафедру и застали. В.И. Смирнов, человек кроткий, забился в какую-то темную комнату, всю заставленную гербарными шкафами и почти не разговаривал, ограничиваясь односложными междометиями. Б.А. Келлер был очень популярен на факультете, он был кадетом, либералом, охотно занимался со студентами, охотно делал доклады и писал свою магистерскую диссертацию «Кальджирскую долину»; на кафедре у него было до десятка студентов, специализирующихся в ботанике, и он вел их студенческий кружок. Он был очень живой человек, как все немцы в России явно стремившийся сделать карьеру, способный, но не глубокий, ярый сторонник немецкой науки и культуры; его кумирами тогда были Варминг, экологическую школу которого он популяризовал у нас, и Баур, генетика которого, действительно образцовая книга, Келлером тогда горячо пропагандировалась – я сам, по его настоя-

нию реферировал на кружке некоторые главы из нее – а потом, по мере изменения политической ситуации, столь же горячо порицалась.

Вольск лежит среди немецких поселков – «колонок» как их у нас называют – и в Реальном училище у меня было много сверстников-товарищей немцев – Финк, Шмидт, Валькер, Фишер, Раушенбах и др. Я, поэтому, хорошо знал эту публику. Тогда мы были абсолютно чужды всякого национализма, и нам никому даже в голову не приходило делать различие между русским и немцем; все мы были абсолютно на равной ноге и между собой, и в глазах школьного начальства. Поэтому, я помню, как во время Германской войны я был поражен переменой – все мои немцы товарищи, с которыми я встречался, были абсолютными патриотами Германии и нисколько не сомневались в ее победе, в поражении России, что просто и не таясь высказывали, даже как будто не думая, что мне, русскому, слышать это могло быть и больно. Я тогда понял, что немцев, хотя они и живут среди нас столетия и даже почти позабыли родной язык, нельзя переделывать, превратить в русских духом. События, последовавшие после революции, еще более укрепили меня в этом убеждении. Келлер также происходил из наших саратовских волжских колоний, его отец был врачом в Сарепте. До Германской войны, в обстановке гражданского подъема, либеральной активности русской интеллигенции, и он был либералом и русским, я думаю даже искренно; и жена у него была русская. Немецкая наука была в зените, в своем высшем расцвете, и мы все уже привыкли, под влиянием немцев, живущих в России, считать ее первой в мире, руководящей, что казалось правдоподобным даже и при критическом подходе. Мы, однако, почти полностью пропускали достижения английской и французской науки, и уже это немецкие интеллектуальные агенты могли себе засчитывать в актив; французская или английская научная книга была редкостью в наших лабораториях и кабинетах. Келлер проводил ту же систему в сфере своего влияния. После Германской войны, уже будучи профессором в Воронеже и женившись вторично на немке, он, очевидно, имел те же ясно сформировавшиеся во время войны, немецкие патриотические настроения, как и его сородичи, а мои товарищи – немцы-колонисты. Связи с зарубежными немцами он установил еще в Казани, когда на Волгу приезжала экскурсия немецких ботаников, во главе с знаменитым Энглером, и Келлер сопровождал ее в Сарепту. Он с воодушевлением нам рассказывал о простоте и веселости немецких ботаников, с которыми ездил.

Несмотря на мое величайшее уважение к Энглеру, руководившему экскурсией, я, однако, позволяю себе думать, что эта экскурсия накануне войны, была не случайной и преследовала не только одни чистые ботанико-познавательные цели; она, вероятно, выясняла и настроения колонистов.

Ко мне лично Б.А. Келлер всегда относился двойственно, с одной стороны, помогая, поощряя, согласно традиции Гордягина, с другой – немного насмешливо и с недоверием. В более позднее время в 30-е годы, последнее отношение ко мне в нем явно преобладало – мне с ним случайно пришлось тогда встретиться, – но он был уже совсем не тот Келлер, каким был в Казани, и весь мир был уже не тот. *Tempora mutatur et nos mutamur in illis!* В казанский же период я получил от его советов кое-что; его книги «В области полупустыни» и «Кальджирская долина» представляют интересные, талантливые и новые для России по экологической направленности, в то же время очень чисто, аккуратно сделанные монографии. Вся дальнейшая научная продукция Келлера качественно была уже много

ниже, вплоть до полной вульгаризации и профанации науки в последний период его деятельности.

История Мережковского закончилась весной 1914 года неожиданным финалом, почти трагическим – вроде конца Дон Жуана в драме Пушкина. Какое-то числа, точно не помню, как гром среди ясного неба, в «Русских ведомостях» появилась большая статья, целый подвал, в котором подробно и ярко рассказывалось, как «столп отечества», махровый националист, казанский профессор Мережковский уже много лет занимается растлением малолетних девочек, которых он берет к себе в дом – дом холостяка – в качестве воспитанниц, якобы из добродетельной благотворительности; дотошный корреспондент передавал и свидетельства последней жертвы нравственного уродства Мережковского, и ее матери, якобы уже подавшей в суд и укрываемой в Казани либеральными деятелями от мести Мережковского и его высоких покровителей. Статья произвела впечатление разорвавшейся со страшной силой бомбы, и, говорят, вечером того же дня Мережковский, спасаясь от неизбежного уголовного преследования, бежал при тайном попустительстве властей за границу, где бесследно исчез уже навсегда.

После весенних экзаменов, которые для меня были целой эпохой и жизненной гранью, по рекомендации Келлера, я уехал на лето в Пензенскую губернию для ботанических исследований и съемки, производимых по всей площади губернии Губернским земством. Эти почвенно-ботанические или как их деловито называли – оценочно-статистические работы, проводились большой, специально сформированной организацией, руководимой почвоведом Н.А. Димо. Их необходимость объяснялась потребностью в инвентаризации и бонитировке почв и угодий в связи с проводимой Столыпиным земельной реформой. В обследовательской организации были ученые, в первую очередь почвоведы во главе с Н.А. Димо, были геологи, в частности будущий академик А.Д. Архангельский, ботаником был И.И. Спрыгин, а я наряду с другими был его помощником-экскурсантом. Однако он быстро увидел, что я обладаю достаточными, хотя и небольшими знаниями, инициативой и любовью к бродяжничеству, исследованию и писательству, а потому снарядил мне небольшую одноконную бричку с лошастью, кучером, молодым татаринном Николаем, и, благословя сердечно, отправил одного для обследования северной части губернии, которую он лично знал менее, чем остальную территорию. Так началась моя экспедиционно-исследовательская деятельность, которая и составила – наряду с писанием в зимние периоды научных работ – основное содержание моей жизни, в течение теперь почти уже сорока лет. Борьба между химией и ботаникой в моей душе кончилась, по крайней мере, в отношении выбора специальности, хотя вопросы химии и физики навсегда сохранили надо мной непреодолимую власть; до последнего курса Университета я продолжал числиться на химическом отделении. Однако страсть к бродяжничеству и путешествиям была настолько сильна во мне, что вся душа моя возмущалась и протестовала, когда я думал о том, что, взяв специальностью химию, я буду принужден вместо того, чтобы бродить по неизведанным странам, сидеть в лабораториях даже летом, в той городской обстановке, которую я всегда с трудом переносил. Этот мотив я выставил и перед В.И. Никифоровым, когда вернулся из Пензенской экспедиции.

В продолжение двух с половиной месяцев почти без других остановок, кроме ночного отдыха в каком-нибудь селе или деревне, я колесил на своей бричке по северной части губернии – Инсарскому, Саранскому и Городищен-

скому уездам, описывая более интересные участки дикой растительности – лесной, степной и луговой, и собирая гербарий – для познания флоры. Через Городищенский уезд я и вернулся «рабочим ходом» в Пензу, обремененный материалом, заслужив великую похвалу и одобрение со стороны моего начальника И.И. Спрыгина. Действительно я работал с упоением, не отрываясь, и я был горд в душе, хотя и не говорил этого вслух, ибо внутренне убедился, что по способности понимать явления природы, вникать в их сущность, я стою много выше других; а знания, я думал, придут потом. У меня с собой не было ни ружья, ни удочки – мне некогда было этим заниматься, да и не хотелось. Но скитаясь по лесам и полям, я все время, даже при самой интенсивной работе, был в природе, под ее очарованием, и во время переездов, сидя в бричке или идя пешком по маршруту, я мог упиваться, сколько мне хотелось, ландшафтами, игрой красок на небе, величиим лесов, тишиной полей, извивами и блеском рек. В полной мере, на большой площади, я почувствовал тогда красоту и очарование нашей среднерусской природы, которую обычно считают, в лучшем случае, скромной. А я хорошо помню, какой нежной, несравненной красоты и таинственности были полны почти бесконечные по протяжению и чистые березовые леса Пушкинского лесничества на границе Краснослободского уезда. Я раньше, да и после, нигде не видел таких чудесных березовых лесов; они, кстати сказать, погибли под топором в первые годы революции, когда пришлось паровозы перевести на топку дровами. Мне было тяжело слушать про это, такие леса, конечно, должны были быть заповеданы – они были уникальны и изумительно красивы. Ослепительно белые стволы берез, их веселые зеленые кроны создавали радостный ландшафт; разбросанные среди них поляны были покрыты свежей, свежей травой и местами пестрели цветами. Нежные голоса мелких птичек даже ночью звенели в кронах деревьев. Недаром в этих лесах были расселены мордовские пчельники, и именно в столь очарованном ландшафте мордва проводила свои языческие праздники, пляски и пенье, одевшись в национальные костюмы. Эти праздники – я на них попадал – были, несомненно, отзвуком ответной, тысячелетней традиции, совершенно естественно притягивая в столь прекрасный ландшафт живущих здесь людей, вливая в их души радость и свежесть, впрочем, подкрепленную крепким хмельным медовым напитком. Я даже не представлял, что это сладкое питье может так радикально валить с ног; после одного такого праздника, а я пробыл на нем всего два часа, я уже не смог вернуться к своей бричке, к лесной сторожке, а так и проспал короткую летнюю ночь в лесу, среди белых стволов, под трели каких-то пичужек, по-видимому, пропевших всю ночь над моей головой. С необычайной силой врезался в мою память также ландшафт лесостепи, где-то на границе Саранского и Мокшанского уездов, на открытых степных местах пересеченный знаменитым историческим валом, который в эпоху царя Алексея Михайловича был фактической границей и оплотом нашего государства с юга, со стороны степи, от степных кочевников. Вал этот местами еще хорошо сохранился, но, конечно, весь крепко зарос дернистой зеленой травой. Там и здесь по обе его стороны видны перелески, а между ними – зеленая луговая степь. Ландшафт необычайно жизнерадостен и весел. Я несколько раз к нему возвращался, и он мне все более нравился.

Когда переезжаешь из Саранского в Городищенский уезд, то попадаешь как будто в новый мир. Вместо спокойных, несколько ленивых речек Мордовии, здесь в несколько гористом ландшафте бегут быстрые журчащие, почти горного

типа потоки. Лес заполняет всю страну, степных просторов и обширных полей, обычных в Саранском и Инсаранском уездах, здесь нет. Почва крутых склонов камениста; ни она, ни крутой рельеф, ни обилие леса не благоприятствуют земледелию. Немногочисленные поселки имеют промышленный характер – здесь были и стекольные и суконные фабрики, с рабочим, а не крестьянским населением, а леса местами стояли еще почти девственными. На топографической карте, которой я пользовался, почвовед, проезжавший с этой картой раньше меня, сделал около с. Нижнего Шкафта отметку: «девственный лес». Я его, конечно, осмотрел; дубы и липы, действительно в нем были непомерной толщины и большой высоты, но внутри леса ждало разочарование: там, очевидно, пасли скот и поэтому никакой девственности, с точки зрения геоботаника, лес не имел – подлесок и естественный травяной покров в нем были уничтожены. И я сам здесь потерял девственность. Одна молодая, веселая и здоровая деревенская девушка открыла мне душу, сердце и тело, и мы несколько ночей наслаждались друг другом, с жаром, который может иметь только первая сила, в воздухе лесов и травы, в безмятежной жизни деревни. И я позже раза два делал круговые петли маршрутов, чтобы иметь возможность через 6–7 дней вернуться в это место и получить в нем то, что я и сам возвращал с лихвой. Вероятно, И.И. Спрыгин сильно удивлялся этим странным извивам маршрутов, когда потом просматривал мой путевой дневник; вряд ли, однако, в скрещении петель он видел, как я, смеющиеся серые глаза, а тем более нечто, чему они являлись только потешным и приятным дополнением. Не суди строго, читатель: наша жизнь дорога, а отдых – караван-сарай! Такова была наша жизнь, наша профессия.

Совершенно изумительными были в те времена засурские боры около деревни Иванырса. На огромном пространстве этих боров росли, составляли бор, такие огромные и такой непомерной толщины сосны, каких теперь вряд ли кто-либо увидит. Это был лес великанов, лесных гигантов, которым нечто подобное представляют разве «мамонтовые» деревья Калифорнии. Ничего более величественного я не видел. Кроны сосен были подняты над землей так высоко, что до них трудно было даже добросить камнем. Когда к вечеру мы уже почти выезжали на край этих боров, к Суре, начался грозовой шторм, и лес приобрел страшный вид. Из черно-серого неба сверкали злые короткие молнии; гигантские стволы дико со скрипом раскачивались, а кроны так зловеще и громко шумели под яростными порывами шторма, что мы, застигнутые бурей на лесной дороге – наша бричка вместе с нами – ей казалась козявкой в гигантском лесу; у нас, глубоко внутри леса, даже не чувствовался ветер, бушевавший где-то высоко над нашими головами – стали думать, что пришел наш последний час: стоило только какому-нибудь гиганту рухнуть, и под ним погибли бы двадцать таких козявок-бричек, как наша. С превеликим трудом, среди дикой величественной панорамы гигантских сосен, бьющихся как бы в агонии в страшных порывах шторма, в блеске молний и прохватающего пронзительного ливня мы кое-как, уже в полной тьме, выехали на Суру, к перевозу, и, переправившись на ту сторону, нашли спасение, тепло и отдых в селе Лунино – знаменитом центре пензенского луководства. Под свежим впечатлением я тогда же описал засурские боры, и, кажется, так хорошо, что И.И. Спрыгин, по его собственным словам, часто перечитывал мое описание «как поэму».

Я вернулся в Казань осенью, в начале занятий. Материально мое положение стало несравненно лучшим, ибо я, во-первых, получил за отличную учебу про-

шлого года стипендию, а, помимо того, подработал некоторую сумму за летнюю экспедиционную работу. Как сейчас помню, с каким странным чувством, удивленным и, признаюсь, радостным, я держал в руках, первый раз в жизни, полученную мной при расчете в Пензе сторублевую ассигнацию: никогда я еще не имел такой крупной суммы в своем полном распоряжении. Первые радости – самые большие радости! Они скоро становятся обычными и перестают быть радостями. Человек самое странное существо; он постоянно чего-нибудь добивается, к чему-то стремится, иногда с бешенством, с упоением или, стиснув зубы, страдая, а достигнув цели стремления, вскоре начинает чувствовать ненужность полученного. Для человека более интересна цель, стремление к ней, борьба за свой идеал, чем самая цель, сам идеал. Вполне идеально только то, чего нельзя достигнуть – нечто духовное, не осуществимое реально; поэтому, наверное, так упорно живет в сознании человечества идея о вечной жизни, вечной молодости и вечной любви. И не случайно, не ложно, в молодости мы клянемся в вечной любви: бессознательно мы передаем врожденное в человеческом племени, как целом, стремление к недостижимому, к идеалу, и не умаляет ценности этой клятвы то, что обычно мы ее не исполняем, что в реальности мы оказываемся слабыми и жалкими, а жизнь слишком жесткой, чтобы мы были в состоянии выдержать свои обещания.

Реально – человек жалкое существо, ничтожная щепка, крутимая и несомая в бурных волнах жизненного океана, но в душе каждого из нас, людей человеческого племени, есть крупинка прометеева огня, то большая, то меньшая в отдельной личности, но в сумме в человечестве поразительно большая. «Если бы завтра наше солнце нашей земле ее путь осветить позабыло, завтра бы мир осветила мысль безумца какого-нибудь». Сознание, что в человечестве и в немногих личностях есть эта сила прометеева огня, мирит нас с обычным рядовым обывателем, имя которому легион.

Я плохо работал в эту зиму по линии университетских занятий. То ли от необычных впечатлений от экспедиционной работы, то ли от первой разделенной любви, пусть кратковременной и случайной, мои духовные мускулы как-то расслабили, и я не мог ни сосредоточиться, ни заниматься усердно. Неясные стремления, импульсивная неудовлетворенность сковали меня и сделали бессильным, и даже влияние В.И. Никифорова мало помогало, быть может потому, что и сам был в сходном состоянии. А вдобавок среди зимы, кажется в январе, ко мне пришло от той же организации Н.А. Димо и И.И. Спрыгина предложение ранней весной выехать в экспедицию в Хиву, в низовья Аму-Дарьи. Я уже не помню, какие внутренние переживания были у меня в связи с этим – это почему-то совершенно выпало из моей памяти, но остается фактом, что я цепко ухватился за это предложение и, сколько помню, в середине февраля, с разрешения университетского начальства – не знаю, что оно думало по этому поводу, а быть может ничего не думало – я выехал в Ташкент. Для меня во всяком случае это был великий перелом в жизни, ибо величавая природа Средней Азии, я и теперь скажу, более величавая, чем где-либо в ином месте нашей Родины, а для натуралиста представляющая совершенно исключительный интерес; для личности темпераментной, способной раствориться в новой, необычайной природе, покоряющая, очаровывающая – захватила меня целиком, душой и телом, и не выпускала из своих жарких великих объятий 30 лет. И она же оторвала меня от Казани, куда я уже больше не вернулся, а перекинула в Санкт-Петербургский университет,

ближе к Ботаническому саду, в котором только и можно было обрабатывать ботанические материалы из Туркестана; Казань, не давала, мне казалось, для этого возможностей.

Мимолетны были впечатления от дороги в скором поезде. Мимолетно и первое впечатление Ташкента: тенистый Кауфманский сквер в центре города, с его знаменитыми в виде гигантских метел, позднее погибшими и вырубленными карагачами; среди них, в центре сквера, «чугунный Кауфман и трубач», потом поверженные на землю и долго валявшиеся там – эмблема падшего величия; зеленый газон под карагачами, и помню, меня поразившие тогда, особые, не русские, воробьи, прыгавшие по траве газонов. Я не буду говорить об арбах с гигантскими колесами, о снующих толпах «сартов» в пестрых халатах, о стройных тополях, создающих высокие зеленые стены на улицах. Ташкент не произвел на меня в то время сильного впечатления. Теплая любовь к этому городу зажглась в моем сердце, чтобы согреть его до сих пор, только позднее, в 20-х годах, когда я стал жить в нем как постоянный житель. Как чудесно раннее утро весной в Ташкенте: в еще прохладном воздухе, от только что политых улиц пахнет непередаваемыми тонкими запахами влажной пыли. На глиняных дувалах и крышах как алые огни горят в утренних лучах восходящего солнца маки; они кажутся горячими, пламенеющими: лучи низкого солнца пронизывают их насквозь. Тишина, люди еще спят. В темных кронах высоких деревьев – Ташкент в 20-х годах был более похож на огромный сад, чем на город – нежно и упоенно воркуют египетские горлинки, радостно приветствуя прекрасное утреннее солнце.

Лишь кое-где слышен грохот колес арбы на уличной мостовой. Салар быстро и как-то таинственно несет свои мутные воды вдаль. А чуть позднее начинается людское оживление. Потягиваясь от сна, узбеки-торговцы и чайханщики в белых рубашках и белых штанах, с тубетейкой на голове, начинают открывать свои лавчонки и чайханы. Сотни разносчиков, торговцев цветами вливаются в город с огромными подносами на головах – на подносах горы красных пышных тюльпанов; движение арб и экипажей усиливается, пыль густо повисает в воздухе, маки осыпают свои лепестки, а горлинки замолкают; теперь 8–9 часов, и люди, проснувшись, овладевают городом.

Чудесный, милый, старый Ташкент, в виде сладкого сна ты гредишься мне, и я отдаю себе отчет с печалью, что никто никогда больше, в том числе и я, не увидят тебя таким, каким ты был раньше, желанным и теплым, как возлюбленная, и также прекрасным как она. Широкие асфальтовые шоссе-проспекты пересекали тебя теперь, большие дома съели твои сады, и горлинки улетели прочь, испуганные шумом автомобилей. А где теперь старый город и мечеть Шейхантаура, где когда-то ночами в уразу мы гуляли в густой толпе, в свете тысяч фонарей и свеч, зажженных по случаю ночных празднований, среди дикой какофонии всевозможной музыки, веселых шумов и голосов? И где Урда, на границе старого и нового города, в которой мы провели столько приятных часов? В углу между Саларом и Боссу, когда на последней еще не было плотин и она свободно несла свои воды в узком каньоне, в 5–6 километрах от центра города, были такие прекрасные сады, виноградники в арочных галереях и обширные плантации земляники, что ходить туда на прогулку было почти все равно, что попадать в преддверие рая. Казалось, что гурии скользили там между цветущими яблонями и нежно розовыми кустами персиков, над белыми полями земляники.

Через несколько дней мы были уже в Чарджуе, на Аму-Дарье. И вот мы плывем на 2-х лодках вниз по этой великой реке, к ее низовьям. Лодки были солидно сделанные, но неуклюжие и тяжелые, наподобие наших старых волжских лодок. Лоцманами, вожатыми, были у нас два уральских казака, из тех ссыльных, не служилых, которых царское правительство, кажется, за раскол, лишило воинского казачьего звания и переселило в низовья Аму-Дарьи. Но они все же еще носили красные лампасы на штанах, и их основным занятием были охота, рыболовство и лоцманство. Реку они, конечно, знали прекрасно. А Аму-Дарья очень серьезная река и требует осторожности: течение в ней быстрое, фарватер не постоянен, берега непрерывно подмываются, то там, то здесь с грохотом обрушиваются в воду. Течение настолько быстро, что, если тяжелая груженная лодка сядет на мель и повернется боком к течению, ее может перевернуть. Также нельзя пристать на ночь к берегу где угодно; берег может быть смыт, может обрушиться, и лодка будет унесена быстрым течением. Парходам там передвигаться трудно и не надежно. По течению, вниз по реке лучше плыть лодкой. Так мы и плыли в последние мартовские дни 1913 года. Через 3–4 дня после отплытия из Чарджуя мы оказались уже на величаво широкой реке в глубине великой пустыни. Быстро, быстро, деловито, не теряя секунды на постороннее, пролетели над нашими головами, обгоняя нас, серые чайки. Весна только что начиналась, и тугаи (прибрежные леса) стояли почти оцепенелыми, в зимнем виде, без зеленых листьев. Но вот однажды вечером уже в темноте, когда мы были на берегу, надвинулись на небо темные тучи, молнии осветили струящуюся поверхность реки и пошел теплый, настоящий весенний ливень. Позади тугая, где мы раскинули палатки, в свете молний можно было видеть желтоватые возвышенности – каменные занесенные песком горы, окаймляющие долину. После ливня, воздух стал таким нежным, теплым и так хорошо пахло чем-то, а река и горы над ней казались столь величественными в своем диком уединении, что хотелось встать на колени перед рекой и произнести, к ней обращаясь, радостную молитву благодарности – за бурю и теплый дождь. В ночной тишине из пустыни доносились смягченные дальностью расстояния жалобные рыдания шакалов – как будто плакал ребенок. А на следующий день, под теплыми лучами солнца, деревья тугаев зазеленели как бы по волшебству; было поразительное столь быстрое действие одного единственного теплого ливня; только в пустыне можно наблюдать такие чудесные превращения.

И так мы плыли днями среди великой молчаливой песчаной пустыни, розовые пески которой, движимые ветрами, местами как валы моря вкатывались – из глубины пустыни на гребни прибрежных останцовых возвышенностей и, обессиленные, сползали к реке по крутым склонам возвышенностей как ровные мягкие скатерти. Узкие полосы тугаев, прибрежных лесов из туранги, джиды и колючих кустарников, тянулись по плоским, невысоким речным террасам, сложенным илистыми наносами самой реки. Кое-где из кустарников поднимались высокие стебли гигантского злака, нюнка (*Erianthus purpurascens*), на громадных дерновинах которого можно было сидеть как на стуле; местами были заросли тростника, но травы, как у нас на лугах – мягкого зеленого дерна, нет в этих пустынных лесах. Разливы реки слишком велики, капризы ее слишком необузданны, а потому почва тугаев слишком непостоянна и часто осолонена, чтобы на ней могла расти нежная злаковая трава. Здесь может ужиться только большая, в

один – два, даже три человеческих роста и жесткая трава – камыш, нюнк, рогоз и гигантский вейник.

В тугаях мы останавливались на ночевки. В них жили кабаны, местами множество фазанов и бегали воробьиные шакалы. Однажды ночью наш лоцман-уралец вдруг почувствовал во сне, что кто-то тащит его за ногу. Он спал в сапогах, чтобы быть готовым ночью вскочить и подбежать к лодкам, если быстрая прибывь воды или капризный поворот течения будут угрожать сорвать лодки с приколом и частью берега. Ночью нога его в сапоге высунулась случайно из палатки, где он спал; мимо пробежала шакалка, запах и вкус смазанного салом сапога ей понравился и недолго думая, не очень беспокоясь, что сапог на живой ноге, она схватила его зубами и пыталась утащить. Евтихий проснулся, немного даже испугался, потом разглядел в темноте шакала и принялся проклинать по-русски и узбекски, весь несчастный род этих животных. Утром мы много смеялись над этим происшествием.

Ранними утрами, а иногда вечерами, я имел возможность подниматься из тугаев на каменистые возвышенности, обрамляющие долину реки, и смотреть с них вдаль на таинственную песчаную пустыню. Безгранично и молчаливо простирались ее волнистые дали, розовеющие на утренней и особенно вечерней заре. Ночью сверкающее звездами небо, прозрачное и светлое, каким оно бывает только в пустыне, опрокидывало над ней свой чудесный шатер. Посмотришь сверху на реку – за темной полоской тугая видна сверкающая поверхность гигантской реки; противоположного берега не видно. Из тугаев ветер иногда приносит теплые волны очаровательно-сладкого аромата цветущей джиды; эти волны как бы охватывают тебя, их чувствуешь почти физическим осязанием, не только обонянием – так густ и силен запах, даже на расстоянии километра. Он значительно сильнее и слаще запаха цветущих лип. Были ночи, впрочем, уже позднее, в апреле, когда я караваном, один с узбеком-проводником, пробирался через песчаную пустыню к Нукусу, когда в тугаях пели одновременно сотни соловьев, перебивая один другого. А пустыня и горы-останцы высоко над рекой, слушали, молча и загадочно, их песни. Эти останцы, часто почти правильной формы осеченного широкого конуса, мне напоминали сфинксов, лежащих в горячем песке пустыни, а Аму-Дарья – сказочный Нил. Душа моя погрузилась в жизнь пустыни, слилась с ней, и до настоящего времени я не знаю ничего более прекрасного и величественного, чем пустыня ночью или на утренней и вечерней заре. Потом я долго, годами, изучал жизнь пустыни, так что теперь я говорю сам, про себя, несколько фигурно: «Я вышел из песчаной пустыни и смотрю глазами сфинкса на людей и их дела, и они мне кажутся очень маленькими по сравнению с великой пустыней и небом, ночью покрывающим ее». Так и Иоканнаан ушел в пустыню, питаясь диким медом и акридами, но голос его доносился оттуда, как рыканье льва. И оттуда он прорычал на весь мир: «А после меня придет тот, у которого я недостойн разрезать даже ремня на сандалии его». Действительно потом пришел тот, кто единственный посмел и мог сказать: Я – омега и альфа [т. е. вся мудрость человечества], я первый и я последний [ибо жизнь человечества была неполноценной до него и будет таковой, если о нем забудут], я – начало и я – конец [т. е. он дал первый человечеству его величайшую этику и уже ничего не будет более великого, чем эта этика].

С пустыней, вероятно, первично связаны все великие религиозные движения человечества: в пустыне родились и христианство, и ислам. Но христианст-

во, родившись в пустыне, ушло на запад и там слилось с великими культурами Эллады и Рима, а ислам так и остался в пустыне, религией пустынных племен; поэтому первое обогатилось в своем содержании, впитав в себя западные науки и искусства, всю тонкость и сложность культуры, а ислам остался столь же простым, каким был при своем рождении. Кажется, в старом Эрмитаже я видел картину, от которой не мог отвести глаз: в ней весь ислам и его простота. Мечеть на фоне пустыни – больше ничего. Величественный портал мечети с характерной арабской аркой. На каменной низкой террасе, находящейся как всегда, перед порталом, – 2–3 коленапреклоненных фигуры арабов в белых бурнусах: очевидно, вечерний намаз. Загорелые лица спокойно сосредоточены. Кругом обширнейшая пустыня, ровная, каменисто-песчаная, розовеющая от света заходящего солнца. Ни деревьев, ни кустов – ничего, даже не дано никакого рельефа: ни холма, ни горки – только голая розовая пустыня, горизонт и чистое небо без облачка, но оранжевое на закате.

Мне кажется, что художник знал пустыню и понял ее. Не помню его фамилию, во всяком случае это не был ни Верещагин, ни Фромантен, хотя они оба могли бы написать такую картину. В ней в какой-то мере, возможной для картины, отразилось все величие и простота пустыни и ислам, неизбежное ее порождение в человеческом духе.

Переправившись у Нукуса через Аму-Дарью, я присоединился к своей экспедиции в Ходжейли, и оттуда мы пошли к Куня-Ургенчу и далее по пустынным такырам к Сары-Камышской впадине. Такыр – особый вид пустыни: гладкая, ровная, жесткая как камень и всегда почти голая пустыня на аллювиальной, нанесенной рекой глинистой почве. Подкова лошади почти не оставляет следа на такыре, они идеальные ипподромы, где лошадь может скакать без дороги десятки километров. Они были совершенно пусты и безжизненны, но когда-то здесь проходил рукав Аму-Дарьи, и еще Геродот сообщал, что Оксус (Аму-Дарья) впадает в Гирканское (Каспийское) море. На севере, над ровными такырами белой отвесной стеной поднимается чинк Усть-Урта, обрыв третичного плато, лежащего на 100 метров выше такыров. Меня неудержимо привлекал этот обрыв: на нем росли замечательные растения – почти колючий гулявник с крупными желтыми цветками, растение, которое мне открыло часть прошлых тайн, прошлой истории пустыни. Величественная брошенная крепость хивинских ханов, Деу-Кескен-Кала, возвышаясь прямо на краю Усть-Уртского плато у самого обрыва чинка; очевидно, она была поставлена для защиты с севера, со стороны русских, но как-то случилось, что вода совсем перестала идти из Аму-Дарьи по такырам на запад, и Деу-Кескен-Кала, как и вся такырная равнина под ней была оставлена людьми – она была настолько пуста, что за месяц путешествия по ней мы встретили, и уже очень удивились что встретили, единственного человека, бедного киргиза с женой, которые для чего-то пересекали такыры, пробираясь пешком на Усть-Урт. Да еще раз, ранним утром к нам подскакала на чудесных туркменских скакунах группа номудов просить написать русскому губернатору жалобу на хивинского хана, за обиды и притеснения, которые он чинил туркменскому населению. На следующий год у них разыгралась гражданская война, туркмены взяли штурмом и разграбили столицу хана, Хиву; сам хан бежал через Аму-Дарью в русские пределы, и русскому губернатору пришлось посылать войска на ту сторону, чтобы защитить уже хана и его народ от туркмен, а не туркмен от хана.

Я не был зоологом, мне некогда было заниматься этой отраслью естественной истории, но я всегда очень любил животных и никогда не отказывал им в разуме, в понимании вещей и событий, как это делают многие, даже зоологи. Я никогда не ставил человека много выше животных, и мне всегда казалось нелепой претензия рядового человечества, обывателя, считать себя «царем природы», пупом вселенной. Я любил наблюдать животных, особенно птиц, и мне при моих скитаниях приходилось встречаться с ними нередко и видеть их в массах. Такие уголки природы, где было много животной жизни, мне казались особенно очаровательными. Так и в этой поездке, меня поразила и очаровала песчаная пустыня, окружающая озеро Итемес недалеко от Нукуса. Бесчисленное количество водяной и болотной птицы собиралось на пролетах на лишенных человеческой жизни, безлюдных, и потому спокойных берегах этого озера. Гуси стаями полоскались в мелкой прибрежной воде и не только не улетали, когда я подходил вдоль самого уреза воды, но спокойно вылезали из воды и отходили на несколько десятков шагов в сторону на песок, чтобы дать мне пройти, а потом снова спускались к воде. Сотни куликов бегали по всем направлениям в мелкой воде и прибрежной грязи, в том числе длинноклювые кулики-сороки, которых я видел впервые, и обращали на меня столь мало внимания, как будто я был один из них. Я, конечно, даже не попытался нарушить эту идиллию и, хотя бы для шутки испугать доверчивую птицу. Она, очевидно, была очень утомлена перелетом и голодом, а также сразу поняла, что я для нее безопасен. Однажды на Аму-Дарье, спускаясь на лодках, мы спугнули с песчаной отмели серую цаплю. Едва успела она подняться немного вверх, как со скалистого обрыва, ограничивающего долину реки, сорвался беркут и стремительно направился к цапле. Она, быстро и круто усиленно махая крыльями, стала подниматься кверху, а беркут спирально поднимался за ней, все время сужая, сжимая, обороты спирали. Взмахи крыльев цапли все учащались, но беркут все ближе подвигался к ней, и цапля чувствовала, что спираль полета беркута становится для нее мертвой петлей. Они были уже очень высоко в небе, так что мне трудно было следить за их смертельной борьбой. Но цапля вдруг сложила крылья и стала падать с высоты по отвесу, как камень. Беркут, не ожидавший такого хода со стороны цапли, моментально изменил, однако, свою спираль поднятия на спираль спуска и, усиленно взмахивая крыльями, попытался перехватить цаплю на падении, но конечно не смог успеть за падающим телом. Над самой водой цапля распустила крылья и села у той же отмели, с которой ее спугнули, в воду, а когда беркут почти тотчас оказался над ней, она встретила его как копьем, своим длинным клювом. Беркут ничего не мог с ней сделать и, очевидно, разочарованный снова сел на свою скалу. Наши лодки уже спустились низко, и мы не увидели, чем закончилась борьба беркута и цапли. Но во всяком случае, описанная сцена ясно показала, что даже цапля – не слишком умная птица – рассчитывает воздушные эволюции также быстро и точно, как самый искусный человеческий пилот, и знает законы свободного пикирования не хуже, чем он. Даже уже почти находясь в когтях смерти, в агонии, она нашла наилучший путь к спасению.

Человечество много потеряло в богатстве своей духовной жизни, когда бессознательно уничтожало богатый мир животных, среди которого само когда-то выросло и размножилось. Книга джунглей Кипплинга – не сказка, а гениально-прозорливое воспроизведение того, что было на утренней заре человечества, когда его еще было мало, а зверя много. Тогда человек действительно знал язык

зверей – медведя Балу и пантеры Багиры – и понимал крик мудрого коршуна Чилия и болтовню обезьян. Он был просто одним из них, живых существ, населявших землю, и смотрел на остальных не только как на добычу и пищу, но часто как на друзей, во всяком случае сожителей, у которых можно было кое-чему научиться.

Мне выпало счастье видеть места, где зверь еще господствовал. Однажды, в 1930 году, мне нужно было посетить ущелье Тарешек на самой советско-афганской границе. Офицеры пограничной охраны на посту Кара-Чоп долго отговаривали меня от этой поездки. С 1917 года граница от Кара-Чопа до Кашак-Рабата не охранялась, разбойничье афганское племя Хазара своими набегами отгоняло туркмен-кочевников на 150 километров вглубь нашей территории, так что участок границы на 100 километров вдоль нее и на 150 вглубь оказался совершенно безлюдным. С винтовками на седлах и нагруженные обоймами патронов настолько, что трудно было слезть с седла и особенно подняться на него, мы все же въехали в этот район. Мы могли стрелять только в случае нападения на нас хазарийцев, не для охоты; выстрелы как раз могли привести на нас шайку разбойных афганцев. На ночевки мы останавливались до захода солнца, разжигали костры до наступления темного времени и еще засветло их гасили. Ночью два человека стояли на карауле. Конечно, мы плутали в безлюдье, забирались и на афганскую территорию, но все же благополучно добрались до Тарешека. Наш путь шел по холмистой стране предгорий Паропамиза. Это была полупустыня, с высокой, до колен, но уже давно высохшей от засухи весенней травой. Повсюду были разбросаны рощицы и перелески фисташковых деревьев. Скучные роднички были редки. В общем природа не только не была роскошна, но даже прямо скучновата. И тем не менее вся местность была густо заселена зверем. Днем не было часа, чтобы перед нашими глазами не виднелось стадо или группы антилоп-джейранов, мирно пасущихся на склонах холмов. Иногда выбегали небольшие группы желтых муфлонов – диких баранов. Кабанов было множество; бывало, что они поднимались днем прямо из-под ног лошадей и, отбежав сотню метров, опять ложились в траву; ночью, они отпугивали от родников наших лошадей и верблюдов, так что приходилось их отгонять камнями. Вечером, когда мы приехали на Тарешек, барс не хотел нас пустить к роднику, и страшно рычал, когда мои люди туда приближались. Он, явно, был возмущен, что какие-то нахалы нарушили его право на родник, который он привык считать своим. Одним словом, в этой безлюдной местности зверя по числу голов было больше, чем когда-то людей; и он размножился столь сильно за каких-нибудь 15 лет. Когда я раньше читал путешествия Пржевальского, его описания Тибета и бесчисленных стад диких животных на нем, мне казалось, что это восторженные преувеличения энтузиаста-путешественника; как может быть так много животной жизни на суровом и бедном Тибетском плоскогорье, думал я, когда даже в благословенных долинах Грузии, в райских ореховых лесах Ферганы его мало. Только увидев Тарешек, я понял, что в самых скучных местностях будет много зверя, если человек его не тревожит. Здесь играет роль не только прямое избиение. Еще большее значение имеет для зверя психологический покой, уверенность в безопасности; тогда он здоров, легко жиреет, легко переносит непогоду и охотно размножается. Если же человек непрерывно нарушает его покой, особенно выстрелами, охотой, то даже в самых чудных природных условиях зверь будет себя чувствовать нервным, он легко поддается эпизоотиям, совсем перестает размно-

жаться. Нетрудно его понять. Какому солдату на фронте, под ураганным огнем немецкой артиллерии захотелось бы устраивать семейный очаг, заводить детей; каждый, кто был на фронте, знает, какая нервная напряженность охватывает все существо человека, удел которого каждую минуту смотреть в глаза смерти; как почти неудержимо, по инстинкту сохранения жизни, хочется уйти в тыл, в безопасность, бежать с фронта, вопреки рассудку и чести, которые требуют остаться. У зверя нет этого категорического императива, который ему предписывал бы остаться: он прекрасно знает, что он ничего не может противопоставить ужасным, смертоносным орудиям человека, которые тот одинаково направляет и против себе подобных, и против зверей. Объятый ужасом ежеминутно угрожающей смерти, зверь с мутными глазами мечется в беспокойстве, спит нервным беспокойным сном, теряет способность сопротивляться болезням, возможность спокойно питаться, и исчезает – просто как будто тает. Человек в своем безумии разрушает то, что было основой его физического и нравственного здоровья – через зверя, своего сожителя, общаться с природой. Впрочем, это не безумие, это скорее просто бездумье, простая неразумность, которая столь свойственная рядовому человеку. Между тем, неизбежно наступит время, когда он сам содрогнется, увидев мир опустошенным – леса порубленными, степи распаханными, зверя и птиц уничтоженными. Вот тогда, «царь земли», он почувствует тоску и пустоту одиночества и начнет лихорадочно восстанавливать леса, разводить луга, покрытые дикими цветами, населять природу зверями и птицами. В таком случае, не лучше ли уже теперь принять меры к сохранению этих ценностей, столь же больших, как наши музеи – картины и скульптуры, – библиотеки, но более живые чем они. Принимаемые меры явно недостаточны. Почему бы не запретить всякую охоту на птицу и зверя, особенно так называемую любительскую; неужели она является в какой-то мере необходимой – это уничтожение прекрасных живых существ для потехи, для развлечения. Я не могу поверить, чтобы нельзя было воспитать человечество в обратном направлении – в любви к живому, к природе, в отвращении к истреблению, к гибели беззащитных и безвредных существ, которые виноваты только в том, что они слабы.

В конце мая я вернулся из хивинской поездки в Москву и тотчас получил предписание выехать в Черниговскую губернию, где производились такие же земские оценочно-статистические работы, в том числе и почвенно-ботанические, как в прошлом году в Пензенской. Снова я оказался в Европе, в России, правда уже наполовину украинской. Сперва я колесил на бричке по Конотопскому уезду и мне он не понравился – он был очень густо заселен, люден; земли почти все были распаханы, а леса, островные в этом лесостепном углу, повырублены; потом я пересек с юга и на север всю губернию, через Стародубск и Новгород-Северск добрался до Суража и опять начал – уже на парной коляске, для ускорения работы, осматривать в сплошной съемке Суражский и Мглинский уезды, самые северные в этой губернии. Суражский уезд, более дикий, с характером Полесья, с еще сохранившимися лесами по р. Ипути, с бесчисленными блюдцами-озерками на водоразделах, наполовину белорусский по населению, мне показался приятным. Я с удовольствием ездил по нему. Но все же даже по сравнению с Пензенской губернией, я не говорю уже о пустынях на Аму-Дарье, Черниговская губерния в целом производила с точки зрения природы жалкое впечатление. По существу, природы там уже не было. Лесные массивы, – некогда, по видимому, дремучие леса, полные дичи, бобров, обиталище туров, представляли

в мое время жалкие остатки. Население было густое и привычное к экономической деятельности, к торговле: губерния в большом масштабе экспортировала лес, домашнюю птицу, и в то же время жила бедно. Самое сильное впечатление произвела здесь на меня не природа, а человеческая жизнь. Самой характерной чертой ее, по крайней мере, для меня, было глубокое проникновение евреев в гущу местного населения; губерния лежала в пределах так называемой черты оседлости, где евреям разрешалось жить, где угодно, в городах, деревнях и селах, и заниматься чем им угодно. В каждой сколько-нибудь значительной деревушке жила хоть одна еврейская семья, обычно державшая лавку и ссужавшая деньги в долг крестьянскому населению. Мне пришлось близко соприкоснуться с этими еврейскими семьями; они жили в хороших чистых домиках, обычно с чистыми окнами, на которых стояли цветы, с изящными занавесочками на окнах. Кроме как у них, по существу, негде было и ночевать. Крестьяне жили так бедно, а их избы были столь неуютны, грязны, переполнены насекомыми, что ночевка в них была чистым мучением. Поэтому, как только вечером мы въезжали на ночевку в деревню, мы тотчас направлялись к еврейскому домику, прося пустить нас на ночь. Меня поражало то, что ни в одном случае нам не было отказа, причем, понятно, что с нашей стороны не было ни угроз, ни назойливости, ни обещаний хорошо платить. Мне казалось, что эти еврейские семьи так скучали в своих деревенских захолустьях среди неподходящего для них и довольно враждебного крестьянского населения, что они с радостью принимали интеллигентного человека, надеясь услышать от него что-либо новое, интересное, просто, чтобы хоть немного развлечься. Даже в пятницу перед шабашем¹⁹ они впускали меня ночевать. Меня поразила чистота, аккуратность их домашней обстановки, традиционность обрядов, религиозного быта. Одеты они были хорошо, особенно девушки, многие из которых были красивы, и в их поведении не было ничего неприятного – ни недоверчивости, ни заискивания: оно было просто и радушно, и они были вполне равнодушны к деньгам, к оплате услуг. Я немного знал суетливое городское еврейство, алчное и неприветливое, затаенно враждебное, и не мог надивиться, почему черниговские деревенские евреи совершенно не походили на своих городских собратьев, как будто принадлежали к другому племени. Они вообще казались западно-европейскими культурными поселенцами, совершенно чуждыми стране, в которой они жили, по уровню культуры. Больше всего они походили на поляков, и, может быть, они действительно были выходцами из Польши, из которой вынесли и культурность, и формы жизни. Во всяком случае, несмотря на всю парадоксальность этого положения, встречи с деревенским еврейством были, кажется, единственным светлым воспоминанием в моей черниговской эпопее.

Осенью мне пришлось снова ехать в Туркестан – изучать солончаки и их растительность в нескольких пунктах вдоль железной дороги от Ташкента до Бухары. Даже для меня, бродяги, это было немного чрезмерно – я, кажется, сделал в этот год 40 000 километров пути. Но Н.А. Димо, который поручил мне эти исследования, был так любезен и мил, передавая мне на даче в Москве поручение и деньги на поездку, что я не имел сил отказаться. Кажется, я только заехал в Петербург, оформил перевод в тамошний Университет и немедленно выехал в Ташкент. Жгучий август месяц с пылающим раскаленным солнцем на безоблач-

---

¹⁹ Шабáш (суббота). Заимствовано в XVIII в. из польского языка, в котором *szabas* – «суббота» передает еврейское *schabbes* – тождественно древнееврейскому *šabbāth*.

ном пыльном небе, белые скатерти солончаков, которые слепили глаза среди желтых сожженных пустынь; темно-зеленые оазисы где-то вдалеке от меня, волшебное одиночество в пустыне, когда ночью засыпаешь прямо на земле, около повозки, под спокойными взорами звезд и слышишь вдали вой волчьей стаи, вышедшей на охоту, или крики шакалов и ночных птиц. В такой обстановке я провел несколько недель, грязный, пыльный, иссушенный солнцем и сухими ветрами, проеденный соленой пылью торов, но счастливый и довольный, погруженный в мечты и нелепую, с точки зрения европейского ботаника, своеобразнейшую флору пустынных солончаков. Позднее, вместе с Н.А. Димо, мы много занимались этой солончаковой растительностью. Н.А. Димо – известный почвовед, ныне академик сельскохозяйственной академии им. Ленина (ВАСХНИЛ), был многолетним моим начальником и до известной степени руководителем; до 1917 года я работал временным ботаником в его экспедициях, а с 1920 по 1927 годы постоянным сотрудником в его Институте почвоведения и геоботаники при Ташкентском государственном университете. За 15 лет совместной работы я, конечно, мог узнать его близко. Это был в высшей степени интересный человеческий образец. Он был молдаванин по национальности, по-видимому, из простой крестьянской, молдаванской семьи, вероятно, довольно зажиточной. Его мать, которая жила с ним в Ташкенте, была совсем простая, малограмотная женщина и даже плохо знала по-русски; он с ней обычно говорил по-молдавски. Образование он сам, конечно, получил русское и, я думаю, он сам считал себя русским. Почвоведческий уклон, специализацию, он получил в Ново-Александровском (около Люблина) Сельскохозяйственном институте, где его учителем был крупнейший почвовед Сибирцев, ученик Докучаева. Таким образом, он принадлежал к самой крупной и вполне самобытной русской школе почвоведов, традиции которой он сохранял. Я не видел человека более блестящего, чем он, по природным задаткам. Только южане могут производить такое впечатление. Я всегда сравнивал его в уме с Наполеоном – он и был маленьким Наполеоном. Чрезвычайно красивый тонкой и яркой южной красотой, в молодости с румянцем на бледной коже, с огромными черными глазами, полными жизни. Несомненно, своим успехом в молодости он был обязан в значительной степени своей внешности. Молодой, без связей человек он стал во главе крупной научно-исследовательской организации – в земствах Саратовском, Пензенском и Черниговском, а потом с 1914 года князь В.И. Массальский, начальник Отдела земельных улучшений при Министерстве земледелия поручил ему организацию особого Бюро почвенно-ботанических экспедиций в бассейнах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи – по обследованию ирригационных фондов земель, пригодных для хлопководства. Это все были организации с бюджетами в сотни тысяч рублей золотом. Большую, по-видимому, роль в его продвижении сыграло его знакомство и дружба с таким же «орлом», блестящим инженером Ризенкампом, строителем первого ирригационного сооружения в Средней Азии – Романовского (Голодпопского) канала. Я видел их как-то вдвоем, в конторе Ризенкампа. Оба молодые, лет по 30, оба красивые, стройные, тщательно одетые и оба с авантюристическим карьеризмом в глазах – два маленьких наполеона.

Н.А. Димо, к сожалению, не получил в детстве ни хорошего воспитания, ни образования; он даже не знал иностранных языков и с трудом разбирал немецкий текст научной книги. В отношении же воспитания он был в таком же положении, как я; его воспитывала только самостоятельная жизнь и свой собствен-

ный опыт. Я думаю, как далеко он мог бы пойти, если бы в детстве он получил воспитание и образование наподобие того, как его получил Пушкин или Толстой, или хотя бы Тимирязев. Я говорю это потому, что я не видел человека, более блестящего не только по внешности, но и по умственным способностям. Это не был творчески-глубокий, проникновенный ум северного человека, каким обладал, как я описал выше, В.И. Никифоров; Димо никогда не был Менделеевым или выше его, каким бы был Никифоров, но Димо был блестящ поистине, как метеор. Он тонко понимал природу, был блестящим натуралистом-исследователем; мысли, может быть, не глубокие, но точные и яркие вспыхивали в его голове, когда он был молод. Его небольшую статью, о роли термитов в жизни пустынных почв Голодной Степи можно назвать шедевром наблюдателя-натуралиста; пробил такой же блестящий этюд из жизни природы, каким прославился французский энтомолог Фабр. Оба были южане, яркие, ослепительные, но мысль их никогда не была такой углубленной, сосредоточенной, полной силы, хотя иногда и неуклюжей по форме, какой она была у Никифорова. Здесь вполне сказалась противоположность между умом северного европейца, альбиноса и флегматика, не яркого, но морально бесконечно стойкого, умственно глубокого и сосредоточенного, добирающего до dna вещей, и умом южанина, молдаванина или кельта, тонкого, точного, быстрого, как бы всегда одинаково настороженного, но идущего более по поверхности вещей, которая ему видится страшно ярко, но не проникающего в их глубину, в сумеречную область непостижимого, необычного, чуждого обычному человеку. Проще сказать, северяне – мистики и тяжеловесны, южане – реалисты и блестящи. И еще одна особенность разделяет эти два умственных типа. Южанин созревает раньше, но останавливается в умственном развитии, тяжелеет, грузнеет поразительно рано. Это самое я с огорчением видел и в Н.А. Димо: в период 1914–1919 годы он был вдохновленный исследователь-энтузиаст, к 30-м годам уже остановился в развитии, как бы пресытившийся наукой человек, более заинтересованный в какой-нибудь организационной задаче, чем в научной проблеме.

Недостаток воспитания сказался тяжело в общественной карьере Н.А. Димо. Он, как и я, не умел ладить с людьми, у него не хватало выдержки, такта, умения смягчить временные и случайные недоразумения. Несмотря на огромные организаторские способности, на изумительную энергию и настойчивость в достижении цели, ему было трудно создавать крепкие, сильные научные коллективы, потому что наилучшие сотрудники с ним расходились, в конце концов, из-за мелочей, из-за его «дурного характера», который казался иногда характером деспота-самодура. На самом же деле характер у него был добрый, приятно-общительный, мягкий, но отсутствие воспитания не научило его уметь сдержаться в нужный момент, скрыть случайную досаду, огорчение, под вежливой или хотя бы нейтрально-безразличной фразой. Я думаю, что в глубине своего существа он сам тяжело переживал расхождения с людьми, но из-за самолюбия никогда в том не признавался и не просил извинения. Меня всегда поражало в нем полное, как мне казалось, отсутствие интересов к поэзии, искусству, философии, общим вопросам политики, экономики и т. д.; это обстоятельство я опять-таки отношу к отсутствию образования: в семье он не мог получить интересов к общим вопросам, школа, по-видимому, также попала ему неудачная; стремление же сделать карьеру принуждало его заниматься исключительно специальностью, отбрасывая остальное как второстепенное. Он, конечно, разбирал-

ся в нашей внутренней русской политике. В душе, я полагаю, он был либералом, как все мы, люди того поколения – как Б.А. Келлер, И.И. Спрыгин, Г.А. Ризенкампф, с которым он более или менее был дружен, но после Октябрьской Революции он усиленно надевал на себя плащ коммуниста – опять-таки как реалист-южанин, к тому же всегда стремящийся к карьере, остро сознавая, что без этого ему не будет хода. Он даже нас, своих сотрудников, старался выдавать за коммунистически-настроенных, хотя мы просто пассивно смотрели, что же получится из всей этой, нам казалось странной, политической акции и осторожно просто сходились с большевистскими работниками по деловым вопросам, не возбуждая политических вопросов и не подчеркивая идейных расхождений. Димо же доходил до того, что уверял в своем близком знакомстве с Свердловым, даже чуть не в совместном с ним участии в революционно-террористических актах, чего вообще никак не могло и быть. Но в то время коммунисты верили, одни, которые попроще, искренне, а другие, более образованные, наружно, для поощрения таких попутчиков, подобным басням, и Димо процветал, пользовался авторитетом, добивался того, что ему нужно было для Института, Университета, своего сельскохозяйственного факультета. Нужно отдать ему справедливость, он не был не рвачом, ни алчным лично. Он вел всегда очень скромную, умеренную жизнь. Мне кажется, в его крови, как у всех у нас людей, старого воспитания, сидела какая-то закоренелая честность, неприязнь к личному обогащению за счет казны, вообще бытовой пуританизм. Как все красивые люди, а особенно южанин экспанс, он был самовлюблен – подобен Нарциссу, с восхищением рассматривающему собственное отражение в зеркальной воде источника. Конечно, все мы, как это сформулировал Уайльд в своей обычной форме парадокса, полагаем, что самой увлекательный объект романа для нас – это мы сами, но все же некоторые из нас, в какой-то степени, способны замечать и нечто интересное в других, а к себе относиться с известной критикой, чего, мне кажется, в Димо совершенно не было. Он производил впечатление полнейшего эгоизма, и он с удовольствием, как Наполеон, написал бы на своде законов для других «*quod placuit principi legis laberet vigorem*»; таков был по существу и его собственный идеал начальника, а таковым он всегда во всех случаях хотел быть и считал без колебаний, что он должен им и быть. Меня всегда умиляла эта цельность его натуры, цельность, лишенная малейшей трещины, на не знающих его близко производящая отталкивающее впечатление, меня же, его хорошо знавшего, всегда заставляющая задумываться о странных противоположностях в формировании психических структур у различных людей. Такая самоуверенность в собственном превосходстве над всеми другими однажды привела Н.А. Димо к тяжелому конфликту. В 1919 году в Москве – тогда задохнувшейся в объятиях голода и смерти – он принимал активнейшее участие в формировании Ташкентского (тогда Туркменского, позднее Средне-азиатского) университета; думаю, что его поразительная энергия много помогла этому начинанию и многое материальное ему прибавилось – грузились целые составы с библиотеками, лабораторным оборудованием для Университета, приглашались десятки, сотни сотрудников – профессоров, доцентов, ассистентов и т. д. Для получения и отправки всего этого нужно было непрерывно, настойчиво и умело просить высших представителей новой власти, доходить до самого Кремля, даже до Ленина, и, конечно, большую роль в этом играл Н.А. Димо, особо приспособленный для подобных дел.

В феврале 1920 г. был отправлен первый эшелон нового Университета из Москвы в Ташкент, в специально выхлопотанном для этого огромном санитарном поезде Юго-Западного фронта; и я ехал в этом эшелоне. До Ташкента мы добрались только через 52 дня, уж в апреле; это показывает особые трудности, в которых тогда приходилось вести подобные дела. Не было ни паровозов, ни топлива, на некоторых станциях сидели днями, в дороге ведрами наливали воду в паровозы, в Актюбинске эшелон простоял, даже две недели; не было продовольствия, меняли вещи на хлеб и т. д.

Из голодной умирающей Москвы согласилась уехать в Ташкент масса научной публики; нужно признать, что в первые 5 лет вновь сформированный Ташкентский университет был блестящим по составу. Совершенно естественно, что большинство профессоров и доцентов, приехавших в Ташкент, были по направлению правыми; левых, т. е. готовых сотрудничать с новой властью, было меньше и они имели, по возрасту и положению, меньший авторитет. Н.А. Димо, оставшийся в Москве в качестве ректора для того, чтобы сформировать и отправить второй эшелон, в глазах правой профессуры, приехавшей в Ташкент, был мавром, который сделал свое дело и должен уйти. Они, не дожидаясь его приезда, т. е. летом 1920 года, так дело и повели, стали обвинять Димо в том и другом, одновременно настойчиво проводя идею об избрании нового, постоянного ректора из состава первого эшелона, т. е. из своей среды. Они были авторитетны, с научными именами, умели выступать на советах, собраниях, импонировали, даже власти, своим почтенным видом, ученостью, солидностью и потому считали свое дело верным. Два кандидата были выдвинуты ими как возможные для избрания в ректоры: почтенный, уже престарелый, прекрасно воспитанный и очень образованный, но лукавый ученый арабист, А.Э. Шмидт, о котором так тепло отозвался позднее академик Крачковский в своей известной популярной книжке «По следам рукописей»; другой, более, как им казалось, приемлемый для власти – хитрый и энергичный толстяк, хирург-медик профессор П.П. Ситковский. Только протесты некоторой части молодежи против такого пронунциаменто – провозглашения нового ректора при живом старом, оставшимся где-то далеко в Москве, тогда мало доступной для писем и телеграмм, заставили власть замедлить с делом избрания нового ректора. Но все же положение было очень напряженным, заседания совета и факультетов были очень бурными: Университет внутри клочкотал, как вулкан, лава которого готова вырваться наружу. В такой обстановке поздно осенью 1920 года, уже в ноябре, оказался Н.А. Димо, привезший, наконец, второй эшелон. Если бы он был большим дипломатом, он попытался бы обещаниями и любезностью обхождения, уступчивостью в тактике отношений к власти, смягчить правых, сделать себя более для них приемлемым; если бы он был менее эгоистичен, менее уверен в собственном праве быть хозяином, принципалом, университета, он пожал бы плечами и осторожно под благовидным предлогом, подал в отставку. Но Н.А. Димо не был ни дипломатом талейрановского типа, ни странным человеком; он считал только себя достойным быть ректором и решил начать открытую борьбу против правых. Конечно, на бурных общих собраниях совета и он, не обладающий даже умением мягко и ловко говорить, и мы, его молодые сторонники, потерпели полное фиаско; были разбиты на голову подавляющим большинством право настроенного совета, Димо пришлось уйти, но власти не допустили и избрание ректора из правых: Шмидт и Ситковский были заблокированы, и на посту ректора, к общему недо-

умению и смущению, а для некоторых как предмет зубоскальства, оказался студент 3-го курса, молодой коммунист, фамилию которого я уже забыл; потом он был инженером и одним из строителей Турксиба.

Н.А. Димо тяжело переживал эту историю: подобное отношение к себе со стороны им же созданного университета он, очевидно, считал чудовищной неблагодарностью. В порядке некоторой компенсации, он был назначен деканом сельскохозяйственного факультета, который он действительно поставил на прочную солидную ногу. Одновременно, он создавал свой личный Институт почвоведения и геоботаники, который стал очень крупным научно-исследовательским учреждением. Кажется, в 1931 году, спустя 3 года после моего перехода из Ташкента в Ленинград, Н.А. Димо – я не знаю по какой причине – подвергся опале, был выслан из Ташкента в Тифлис, где стал заместителем директора Мелиоративного института, его же собственный Институт почвоведения и геоботаники был раскассирован и перестал существовать.

1914 год я встретил уже в Ленинграде. Я снял комнату на Песочной улице, в семье рабочего, токаря-металлиста, Васильева, и здесь впервые познакомился с бытом индустриального пролетариата столиц. Васильев был еще молодой человек, лет 30 с небольшим, имел жену и 2-х ребят. Характер он имел легкий, почти беспечный; довольно красивый, с шикарными длинными черными усами, он был большой ходок по женской части – не в серьез, а так, все с шуткой и прибауткой, с порядочной долей цинизма и распушенной снисходительности. Конечно, при этом неизменно фигурировала выпивка, веселая компания, к которой он очень подходил, ибо был весельчак и балагур, играл на гитаре и пел песни под ее аккомпанемент. Жена его, как все они, жены индустриальных рабочих, большая мещанка по духу, плотная и полная женщина телом, часто устраивала забулдыге-мужу домашние сцены ревности, небольшие скандальчики; для этого у неё были и порядочные материальные основания, помимо обиды женской ревности: выпивки и подруги, уносили у ее мужа большую часть заработка, который был не мал – около 75 рублей в месяц. Иногда она даже выходила в дни расчетов к проходной будке завода, чтобы сразу вытянуть из мужа получку, как только он появлялся у заводских ворот; и здесь у них иногда возникали крупные сцены. В общем жизнь их была довольно бесшабашной, главное какой-то бесцельной, жизнью текущего дня, без иных идеалов и стремлений, кроме как провести данный день, особенно праздник, возможно приятнее, веселее; конечно, это создавало для них и известную легкость, незамудренность бытия – вероятно, так живут почти все простые люди, обыватели, которые могут считать себя «солью земли» – в противоположность нам, «мирским захребетникам».

В жизни Васильева было нечто, однако, и более серьезное, что имело большое общественное значение – это его заводская жизнь, общение с товарищами; бывая иногда в их компании, обычно в пивной или каком-нибудь ресторанчике, я чувствовал ту солидарность, спаянность рабочего класса, которая позднее привела его к захвату власти; даже я поддался их тогдашним настроениям и некоторое время считал себя всерьез социал-демократом, покуда горечь военного разгрома 1917 года не выела у меня все следы таких настроений; не классовые, а государственные задачи, вопрос о судьбе отчизны, сыном которой я всегда себя чувствовал, больше волновали меня; принести такие жертвы, как мы принесли в войну 1914–1919 годов и отказаться в столь ужасном, беспомощном состоянии, во власти стихий, без власти, без силы, без надежд на лучшее буду-

щее, более бессильными, чем крошечная Бельгия, потерявшими даже честь, какими мы оказались в 1917 году, казалось мне ужасным крушением всех патриотических чаяний – чаяний великой страны и великого народа. «Волга, Волга, весной многоводной ты не так наполняешь поля, как великою скорбью народной переполнилась наша земля».

Санкт-Петербург, столица царей, мне одновременно нравился и не нравился. Не нравился он мне какой-то несвойственной тогдашней русской провинции суховатостью и, несмотря на внешнее богатство, скудноватостью жизни – все в нем было более рассчитано и более урезано, чем в провинции; я думаю, в этом сказалось не русское чухонско-немецкое влияние, переполнявшее город. Даже хлеб в нем был невкусный, без нашего аромата и приятности – какой-то индустриализированный, нейтральный; можно его есть, а можно и не есть, все равно вкусовых удовольствий от него не получишь. Дешевые обеды, доступные для меня и мне подобных как в столовой Университета, так и в частных домах – а таких частных домов, отпускавших обеды для посторонних, было множество в тогдашнем Петербурге – были очень дурны, часто из несвежих или недоброкачественных продуктов; они мне, помню, внушали отвращение – в них заключался дух растленности большого города, пороки урбанизма и культуры больших городов. В противоположность ядреной, здоровой, сытной провинции, скорее не знающей куда деть избыток своих сил и достатков, молодой по духу, действительно могучей – из нее ведь вышли и Менделеев, и знаменитый математик Ляпунов и др., гениальный Шаляпин и Ленин и все наши прославленные писатели – Гоголь, Некрасов, Толстой и Тургенев, урбанистическая культура, которую у нас в то время больше других городов представлял Петербург, всегда мне казалась довольно хилой и испорченной старухой, с помощью немецко-французского грима, неловко и неумело размалеванной под молодую нарядную даму. Я и сейчас держусь того мнения, что она плоха, что в больших городах, с их дымом и газами фабричных труб и автомобилей, с миазмами гигантских канализаций, с заплеванными тротуарами вместо полей, покрытых травой и цветами, с лесом закопченных труб и столбов вместо леса из душистых сосен или могучих дубов, с грязными дворами-колодцами, которые заменяют городским детям чистые горные родники и побережья речек провинции, нельзя вырастить здорового телом и умственно, сильного и нравственно стойкого потомства. Действительно, в Петербурге все выдающиеся деятели науки и искусства были людьми, пришедшими из провинции; Петербург был только губкой, впитывающей все лучшее, что порождала провинция, но сам не создавал ничего значительного – поколения исконных петербуржцев самое большее могли лишь поддерживать культуру, не ими создаваемую, и они действительно – нужно им отдать справедливость – ее поддерживали. Петербург и его население всегда как-то особо отличались от всей прочей России именно, упорядоченной окультуренностью, которая ощущалась ясно уже когда садился в Москве в Петербургский поезд. Этот петербургский дух сохранился до последней войны, когда во время блокады немцами Ленинграда коренное население последнего или погибло жертвой голода, или в уцелевшем остатке рассеялось по другим городам.

Меня, молодого человека, конечно, поражала и пленяла в Петербурге концентрация интеллектуальной силы, великое множество научных, общественных и политических деятелей, необычайный расцвет искусства, который там имелся в то время; Петербург того времени во много раз превосходил не только нынеш-

ний Ленинград, но и современную Москву. У нас сейчас не хотят задумываться над тем, почему это происходило, почему при всех пороках урбанизма, разьедавших и его, все же такое обилие и блеск, высокий уровень культуры наблюдался в Петербурге, столице царей. Здесь в то время, правда, уже доцветал, но все же еще сохранял свое обаяние несравненный Шаляпин, в котором, быть может, больше, чем в ком-либо другом, мы можем видеть воплощение великих сил и возможностей русского народа. Подняться в столь короткий срок из малокультурной безвестности мелкого провинциального чиновника до мировых вершин художественного понимания и исполнения, вложить в последнее столько души – когда нужно страстной или гневной, когда нужно – поражающе трогательной, грустной – мог только человек с великим умом и великим сердцем. Шаляпин повторил путь Петра: стремительный подъем из некультуры и безвестности в мировое величие, пожалуй, только русские способны на подобные взлеты.

Петербургский университет мне, в общем, мало понравился. Для студента он был много хуже Казанского, он был переполнен, в лабораториях и аудиториях было тесно, и профессура мало обращала внимание на молодежь, относилась к студенчеству скорее, как к стаду, в котором она не успевала различать индивидуальности. Некоторые профессора и преподаватели даже позволяли себе быть грубыми со студентами, чего не было в Казани; таким грубияном был, например, и наш декан, в общем очень заслуженный в науке, зоолог Шимкевич. В Химическом и Физическом институтах мне бросилась в глаза другая неприятная черта. Там еще была жива память о великом Менделееве, дух которого там и хотели сохранить. Но поскольку фактически этого духа, т. е. духа великого ума, его приемники не имели, то они сохранили от Менделеева лишь его грубоватое, бесцеремонное и страшно требовательное отношение к студенчеству; больше ни в чем уподобиться своему славному предшественнику они не могли. Для студентов этого было мало. Они могли сносить неприятные черты характера Менделеева ради его замечательных трудов и ценных поручений, но сносить от его приемников неприятности ничем не компенсируемые, хотя бы имеющие «менделеевский оттенок» они не имели ни желания, ни оснований. На этом примере я впервые реально познал то явление, которое носит название «эпигонства»: эпигоны сохраняют от своих великих учителей лишь какие-то внешние формы их дел, творений или характера и, часто прикрываясь тенью учителя, как кольчугой для самозащиты, страшно снижают уровень тех дел, тех творений, того духа, которые они якобы продолжают, сохраняют или развивают. Другой блестящий пример эпигонства я видел своими глазами в области географической. Н.М. Пржевальский был воистину великий, гениальный человек. Его путешествия, создавшие эпоху в изучении до того почти неведомых земель Центральной Азии, Тибета, Монголии, Северного Китая, были созданием исключительного характера – воли, энергии и, главное, безграничной любви к природе, соединенных с редким умом. Книги Пржевальского – почти поэмы, таким страстным чувством, таким сильным темпераментом они проникнуты. После Пржевальского слава его дела толкала на подобные же дела десятки исследователей – сперва это были его ученики Певцов, Роборовский, Козлов, а потому уже просто ученики по духу, например, В.И. Липский, написавший 3 тома «Путешествия по Горной Бухаре», Н.А. Буш «По горному Дагестану», и т. д. Уже у непосредственных учеников Пржевальского мы видим снижение, иногда значительное, и исследовательского, и литературного таланта, а ученики по духу – уже просто смешны:

совершенно беспомощны и в исследовании, и в литературном изложении: от всего внутреннего богатства книг Пржевальского у них остались только толщина томов, перечень маршрутов и обывательский рассказ, как их встречали, угощали и провожали местные власти или жители. Природа, ее особенности, ее черты, столь остро подмечавшиеся, и прекрасно, вдохновенно описанные Пржевальским, у его последних эпигонов совсем теряются в хаосе мелких, бытовых, и часто личных подробностей.

Кафедра ботаники, которая меня, естественно, привлекала, была в то время (1914–1915 годы) занята профессором Христианом Яковлевичем Гоби. Это был уже глубокий старик, заслуженный профессор, которому полагалось по годам уйти в отставку, но который все же держался на кафедре благодаря каким-то связям при дворе; рассказывали, что он будто бы в прежние времена преподавал ботанику царю Николаю II, когда тот был еще юношей и наследником престола. По этой причине никто не смел трогать Гоби, хотя по закону он уже должен был уйти в отставку. Лекции он читал очень плохо, по каким-то старым запискам, в которых он и сам по слабости глаз, плохо разбирался; помимо того, по старческой немощи на половину лекционных часов он совсем не приходил. Ботанический институт, помещавшийся в особом небольшом и неказистом, двухэтажном, старой постройки домике во дворе, был превращен им в затхлую, пропыленную, но тем не менее неприступную для русских ботаников крепость-развалину. Два русских доцента, позднее ставшие академиками, В.Л. Комаров и Н.А. Максимов, тогда средних лет, очень живые и свежие, довольно талантливые научные деятели, принуждены были читать факультативные курсы для интересующихся биологов в Физическом институте; в «свой» Ботанический институт их Гоби не пускал. В чужих же институтах проводил занятия ботанического студенческого кружка В.Л. Комаров. Это было очень интересным и нередким в России явлением, даже тогда, когда Россия вела с Германией тяжелую войну. Немец, обычно даже дрянной – как специалист и человек – сидел на каком-нибудь важном и почетном месте, прикрытый как щитом дворцовыми, иногда очень отдаленными связями, ненавидел и презирал русских, делал все, что было в его силах, чтобы нанести возможно больше ущерба русской культуре и лично русским деятелям в данной области, а русские, – с позволения сказать «хозяева» в своей стране, – стояли, отодвинутые подальше в тень, поставленные в наихудшие для работы условия. Случай с Гоби был особенно удивительным. До его воцарения на кафедре, ту же кафедру занимал почтенный и талантливый русский профессор, Н.А. Бекетов, учениками которого были многие выдающиеся русские ботаники: К.А. Тимирязев, И.И. Кузнецов, А.Н. Краснов, В.Л. Комаров. Бекетов был прекрасным профессором, руководителем, написал ряд хороших учебников, умело внедрял стремление к научной деятельности среди студентов, одним словом, создал эпоху в развитии русской ботаники. Он был, видимо, большой барин, помещик, русский хлебосол и прекрасной души человек. Каким удивительным путем после него перехватил кафедру в главнейшем университете страны немец Гоби, довольно открыто враждебный всему русскому, заморозивший кафедру и ботаническую науку на десятки лет, остается для меня неясным. Очевидно, это произошло с помощью многих петербургских немцев, ботаников и их неботанических покровителей в так называемых «сферах», конечно, при этом, с помощью интриг и доносов. В частности, у Бекетова был талантливейший ученик, можно сказать почти гениальный научный деятель А.Н. Краснов. Бекетов даже очень

симпатизировал ему, но тем не менее ничего не мог сделать, чтобы предоставить ему кафедру в Петербурге. В конце концов, по совету Бекетова, Краснов принял кафедру общего земледования в Харьковском университете, а в Петербурге ее получил после смерти Бекетова бездарный Гоби. Мы, специалисты, вполне понимаем, какие печальные результаты из этого последовали. Вместо того, чтобы талантливый, яркий исследователь, прекрасный педагог-профессор Краснов мог продолжить развивать ботаническую школу в Петербургском университете, было устроено так, чтобы бекетовское дело создания русских ботанических кадров было оборвано, и на 30 лет кафедра была выведена, по существу, из строя. Никто не сможет убедить меня, что все это произошло случайно. Это был сознательно обдуманый и настойчиво проведенный немецкий план подрыва русской культуры. Результаты его вполне очевидны: после революции Ленинградский университет в области ботаники оказался на провинциальном уровне. Усилия В.Л. Комарова ничего не могли выправить, ибо он сам не обладал ни большими качествами ученого, ни высоким характером, подбирая около себе бездарностей и угодников. Создание крупной русской ботанической школы, столь успешно начатое Бекетовым, таким образом, было остановлено быть может навсегда. И в настоящее время на этой кафедре подвизаются еврей С.В. Юзепчук и армянин А.Л. Тахтаджян, первый абсолютно бездарный, а второй поталантливее, но, конечно, абсолютно чуждый русскому духу и делу!

В те же самые годы, в связи с ботаническими работами в Туркестане, я попал в другое высшее ботаническое учреждение страны, в котором также шла борьба русского и немецкого, с большим все-таки успехом, хотя не столь ясным как в Университете, в пользу последнего. Я имею в виду Петербургский ботанический сад – учреждение в своей специальности мирового ранга по богатству коллекций, библиотеки и по продолжительности научной деятельности, более чем 100-летней. Только два учреждения за границей равнялись по калибру нашему Ботаническому саду: Лондонский Кью-Гарден и берлинский Далем. Нельзя не признать, что Ботанический сад в Петербурге был создан в основном немцами. Почти все его директора, начиная с Фишера, были немцами, и большая часть научных работников тоже были русскими немцами. Наилучшего расцвета Сад достиг при директоре Э.Л. Регеле, швейцарском немце, переехавшем работать в Россию и ставшим директором Сада в 70-х годах. Э. Регель был действительно выдающимся и даже необыкновенным человеком по энергии и трудоспособности: он напечатал более 3000 работ; помимо всяческих специальных, он написал также Русскую дендрологию, Русскую помологию, Руководство к культуре комнатных растений и т. д. Это был настоящий культуртрегер. Он был не только первоклассным систематиком, но и ученым практиком садоводом; именно он создавал чудесные живые коллекции растений в оранжереях Ботанического сада, которые при нем были не только музеями для осмотра экскурсиями, а настоящей живой лабораторией для огромной, им лично проводимой, ботанико-систематической и садоводственной работы. После его смерти все это пошло под гору, превратилось в эпигонское, бездарное, никому не нужное, но дорого стоящее обезьянничание!

После смерти Э.Л. Регеля немцы-ботаники в саду начали хиреть. Еще сохранялись некоторые довольно бездарные особи их, вроде Винклера, и даже в 20-м столетии приглашались совершенно бесполезные Михельсоны, Минквицы и Кнорринги, но качественно они становились все хуже, а количественно начали

тем более уступать русским. На рубеже двух столетий в Саду выросли три крупные фигуры не немецких ботаников: В.Л. Комаров, В.И. Липский, Б.А. Федченко. Последний, самый молодой из них и самый неталантливый как ученый, оказался, однако, самым ловким практически. Ему был тем более легок путь к карьере, что его мать, урожденная Армфельд, была немкой и имела крепкие связи в немецкой среде. Она и сама работала в Саду, и сыну своему там обеспечила руководящее положение: он стал заведующим Гербарием, а также руководителем ботанических работ знаменитых экспедиций Переселенческого Управления. Для последней роли он совсем не годился по своей малой геоботанической квалификации, и благодаря ему, эти многолетние экспедиции, обладавшие огромными возможностями, дали несравненно меньше того, что они могли бы дать при хорошем руководстве. Для практических целей землеустройства они почти ничего не давали, а для научного познания растительности давали нечто только случайно, помимо даже воли или сознания руководителя, в тех случаях, когда исполнителем работ, начальником экспедиции, оказывался настоящий ученый геоботаник, например, Б.А. Келлер, В.И. Смирнов, И.М. Крашенинников. Может показаться странным, что несмотря на то, что имелись первоклассные русские ученые геоботаники, которые действительно по-настоящему могли бы руководить большим государственным делом Переселенческих экспедиций (можно назвать такие имена, как А.Н. Краснов, Н.И. Кузнецов, А.Я. Гордягин), Правительство ни одному из них не нашли возможным поручить столь ответственное дело, а нашло, как будто специально такого ища, самого неподходящего, неквалифицированного руководителя. Было бы совершенно неправильно говорить, что в данном случае имело место сознательное вредительство. Столыпин был слишком умный человек и истинный патриот, но такие назначения как начальника ботанических работ Переселенческого Управления проходили, очевидно, без его санкции и вне его влияния, что и использовалось определенными, немецки настроенными силами в Петербурге. Вряд ли сам Б.А. Федченко мог иметь какое-либо отношение к злему умыслу; он, подобно большинству специалистов, обладал преувеличенным представлением о своих способностях и своих силах: он, наверное, искренне считал себя много более пригодным для роли руководителя геоботанических работ, чем Краснова, Кузнецова, или Гордягина. Меня вообще всегда интересовало общественно-политическое мировоззрение этого полурусского, полунемецкого ученого мужа. Какое-то чувство русского патриотизма по отцу у него, несомненно, было, но с другой стороны и тяга к немцам у него была очевидна; это именно он, будучи начальником, протаскивал в экспедиции и в Сад, абсолютно непригодных и неподготовленных людей немецкого происхождения, вроде Михельсона, Минквица, Эндена и т. д. Конечно, отчасти он это делал по настояниям, советам, рекомендациям своей матери, которой он был многим обязан, но все же без его личной склонности в эту сторону вряд ли это столь неудачное и запоздалое онемечивание Сада могло получить такой широкий размах.

Б.А. Федченко был сам большим дипломатом; он не раздражался, был вежлив, никогда не говорил лишних слов, но, когда нужно мог переменить фронт в любую сторону, сказать любезность самому нелюбезному для него человеку и сделать любой коварный удар своему недругу, сохраняя личину благосклонности. Словом, в плане карьеры он имел и сам подходящий характер, и нужное воспитание. Меня всегда в нем, однако, трогала одна черта его характера, ради

которой ему многое можно было простить: безусловно глубокая и искренняя привязанность к своей науке, к научной деятельности, тем более при условии, что он мало к ней был способен. Но его трудолюбие и энтузиазм, если можно назвать энтузиазмом чувство такого тяжелого на первые подъемы, флегматического человека, не покидали его до последних часов его жизни. Заботился он о науке – в пределах своего понимания – трогательно и трудился для нее неустанно. Благодаря его усилиям было построено прекрасное здание Гербария и, благодаря его стараниям Переселенческие экспедиции, хотя в данном случае и используемые не по прямому назначению, собрали прекраснейшие и обильнейшие материалы для этого Гербария.

Внешне Б.А. Федченко был огромного роста, очень массивный, медлительный в движениях человек, прямо богатырь, с большой головой, в которой, казалось, должна быть ума палата, хотя этой палаты ума там фактически не оказывалось. Несмотря на свою неуклюжесть, флегматичность и некрасивое лицо, он был до конца своих дней большим любителем женщин, большим ловеласом. Но эта черта, очевидно, как-то вообще коррелировала очень тесно со склонностью ученого к ботанике; очевидно большее, чем у обычных людей, стремление к красоте – определяет стремление ботаника к цветам и женщинам.

Непримиримым и ненавистным недругом для Б.А. Федченко в Саду, был другой крупный ботаник В.И. Липский. В.И. был оригинальным человеком, своеобразной личностью. Очевидно во времена Александра III стала складываться в России прослойка интеллигентов – «мелких сановников»; они были мелкопоместными или даже беспоместными служилыми дворянами, а иногда разночинцами; они были решительно против революционной и даже либеральной интеллигенции – против всяких марксистов, социалистов, даже кадетов. Они тяготели к романовской монархии, к патриархальным царям, вроде двух последних Александров и к патриархальным порядкам старой России, как они полагали, и не без основания, сильной, здоровой, не очень европеизированной, самобытной, православной и хлебосольной; любили ордена – Анны, Владимира и др. – для достоинства; носили мундиры, когда нужно и шпагу; в домашней жизни привыкли быть верховными главами семей. Солидная служба с приличным жалованием, добросовестным, обычно серьезным выполнением обязанностей с почтением в своей среде, была их идеалом. С подобным «маленьким сановником» я имел случай близко познакомиться; это был мой дядя по матери, П.П. Дмитриев. Они смотрели на все, что ниже их, с некоторым подозрением; они могли относиться к плебсу с нисхождением, даже с отеческой любовью, если он был почитателен, покорен, трудолюбив, но революционный плебс вызывал у них чувство возмущения. Мой дядя часто говорил: «Он придет к власти, этот великий хам, и тогда не будет больше России». Собственно, он правильно предвидел будущее; он и люди ему подобные обладали умом и прозорливостью. Их бедой было то, что они сами мало делали для торжества своих идей, своих принципов; они предпочитали довольно пассивно поддерживать режим Николая II, который их все время огорчал и шокировал нелепыми бросками из стороны в сторону, бессилием, бесплановостью и изменой национальным интересам. Даже, кажется, к Столыпину они относились без энтузиазма, Витте не больше нравился, фигура же Победоносцева им импонировала. И несмотря на свое довольно критическое отношение к царствованию Николая II, все недостатки которого они ясно видели, они все же отстаивание своих идеалов возлагали на него вме-

сто того, чтобы за них бороться самим; они или не знали, или не любили методов активной политической борьбы; они были слишком избалованы жизнью.

К таким «маленьким сановникам» старался присоединиться и В.И. Липский. Он имел все достоинства этой категории: был добросовестен, серьезен в работе; больше того, он обладал исключительным трудолюбием, трудоспособностью. Достаточно посмотреть три тома его «Путешествий по горной Бухаре», 3 вводных тома «Флоры Средней Азии» или «Историю Санкт-Петербургского ботанического сада», чтобы вполне оценить, с каким напряжением он мог работать. Особенно его привлекало исследование всяких архивных материалов, касающихся истории ботанических исследований в пределах СССР и биографии отечественных ботаников. Благодаря его трудолюбию, в частности, появились в печати документальные материалы о жизни замечательного натуралиста, ссыльного артиллерийского офицера Г.С. Карелина. В.И. Липский много работал и как флорист, систематик по высшим растениям, сперва на Кавказе, потом особенно долго и настойчиво в Средней Азии. Он всегда стремился к фундаментальным трудам. «Флора Кавказа» – по существу довольно беглый список флоры Кавказа и «Флора Средней Азии», из которой появились только три первых тома, касающиеся истории исследования, а также 3 тома «Материалов к Флоре Средней Азии» свидетельствует об этом его стремлении.

Как исследователь, по таланту, он, конечно, стоял много выше Б.А. Федченко, последний поэтому и не любил его: трудно одному специалисту выносить превосходство другого. Б.А. Федченко сделал много дурного в отношении Липского и, можно сказать, испортил последнему пятнадцать последних лет его жизни, устроив так, что Липский не смог – после двух лет отсутствия – восстановить себя на работе в Ботаническом саду. Федченко очень ловко провел в этом случае интригу, к которой он всегда был склонен. Липский уехал на Украину, откуда он был родом, и там почти в полной бездеятельности провел остаток своей жизни. Это было очень дурно, непорядочно со стороны Федченко; нельзя было столь мстительно лишать крупнейшего специалиста возможности продолжать свою полезную деятельность. Но в Ботаническом саду такие методы действия всегда процветали и сохранились до наших дней; там больше заботятся о теплых местах для себя, чем о пользе науки; даже про патриотизм там в этих случаях забывают.

В.И. Липский вырос на Украине и как ботаник-систематик оформился в киевской школе И.Ф. Шмальгаузена, автора знаменитой «Флоры Средней и Южной России», профессора Киевского университета. Идеологически это была очень слабая школа, хотя сам Шмальгаузен был одновременно и систематик, и палеоботаник. Единственным его крупным достоинством было серьезное трудолюбие, отвращение к научной халтуре, и это качество Шмальгаузен сумел, кажется, передать обоим своим крупным ученикам – Липскому и Пачосскому. Но он ничего не мог им дать в смысле систематических идей; у него самого их не было. Также и В.И. Липский, при всех своих заслугах, поражал именно каким-то полным пренебрежением к идейной стороне науки. Казалось, что он больше ничего не хочет, как описать возможно больше растений и составить «Флору», например, Средней Азии или Кавказа. У него не поднимались в голове вопросы, каковы цели флористической науки, каковы цели науки вообще; какие методы должны быть применены в отдельных случаях. В то время как его современники, профессора Университетов, Краснов, Кузнецов, Комаров, Коржинский, каждый

более или менее ясно и соответственно своему таланту останавливался на этих вопросах и заимствовал из Европы те или иные идеи, относящиеся к данному кругу проблем, В.И. Липский не только не стремился к постановке и решению, но даже считал такое занятие излишним. Поэтому он до несправедливости резко критиковал, например, работы Краснова, которых он просто не понял; Комарова он ценил только как составителя «Флор» и т. д. Меня, я помню, просто поражала такая ограниченность научного кругозора. Казанские ботаники, особенно А.Я. Гордягин, мне казались утонченными мыслителями по сравнению с такой примитивностью. Позднее я понял, что настоящая наука может иметь место в Университетах – там, где науку преподают. Там профессор или доцент, принужденный читать лекции перед аудиторией, неизбежно, почти автоматически, по-нуждается мыслить, ставить вопросы, искать решение их, логически их излагать. Ему постоянно приходится смотреть литературу. Уча других, он все время учится сам. Окруженный в Университете коллегами различных специальностей, так или иначе общаясь с ними, он расширяет свои горизонты, привыкает интересоваться многим, а это обогащает его специальные труды. Иное мы видим в специализированных научно-исследовательских институтах, каким был и Ботанический сад. Их специалисты, оторванные от преподавания в ВУЗах, очень скоро забывают все теоретические основы их науки, погружаются в технику науки, снижают качество своих работ. В.И. Липский никогда не был связан с преподаванием в Университете, всегда был одиночкой, индивидуалистом-исследователем. Быть может, в такой изоляции от других, если она сознательна, есть своя мудрость; в этой изоляции можно больше работать индивидуально, продуктивнее, как бы только для себя, использовать свое время для научной работы, но, как всегда, эгоизм платит за себя, в данном случае сужением научных горизонтов работника. С такими суженными горизонтами был и В.И. Липский. У него, несомненно, был природный талант, способность видеть и чувствовать явления природы, по своему их обдумывать; достаточно прочесть его очерки по Тянь-Шаню, чтобы почувствовать это, но поразительно, каким образом он остался совершенно чужд более широким ботанико-географическим и систематическим идеям своих современников, коллег, с которыми он даже лично соприкасался. До некоторой степени тут играло роль преувеличенное мнение о самом себе – чувство, столь свойственное специалистам (!), а Липский, кроме того, чувствовал себя маленьким сановником, важным лицом в ботаническом мире, имеющим право строго судить других. Он и судил часто очень несправедливо, например, Краснова. Особенно же он не любил немцев, в первую очередь немку О.А. Федченко-Армфельд, что и было *casus belli* между ним и Б.А. Федченко. *Semper mulier terribilis belli causa fuit!* Свою нелюбовь к немцам, в общем, вполне обоснованную, Липский доводил по экспансивности своего характера до несправедливости. Так, при малейшей возможности он критиковал Э. Регеля за допущение будто бы тем ошибки в обработке Туркестанской флоры; по большей части, однако, Липский сам выдумывал эти ошибки: Регель их редко делал, несмотря на колоссальную по объему работу, которую он выполнял; мы всегда с удивлением смотрели на поразительно ясный и четкий глаз Э. Регеля как систематика. Ему много помогало то, что он был не только гербарный работник, но и культиватор; массу описанных им растений он видел живыми, выращенными в оранжереях или на грядках Ботанического сада. Липский, упрекая в ошибках Регеля и Краснова, делал сам ошибки чаще, чем они. Он не дошел до той истины, которая оче-

видна для нас: систематик постоянно делает ошибки; выправляя одни, он делает другие, что зависит от множественности его объектов и ничтожности деталей, которыми он принужден пользоваться при различении видов и родов; никакая самая ясная память не в состоянии их держать в себе, без того, чтобы они не стирались и не смешивались. Про систематика, поэтому, можно сказать, что не ошибается тот, кто ничего не делает! Систематик постоянно ошибается, и оценка его работы может считаться хорошей, если процент ошибок, им допущенных, не превышает 40 или 30. Липский, несмотря на то, что всю жизнь занимался систематикой, не дошел до понимания этой истины; ему мешало его самомнение; он считал, что он не ошибается, а между тем, мы, его преемники, хорошо знаем, какое множество ошибок он делал сам в систематической работе.

В.И. Липский был очень живой, подвижный, худощавый и очень деятельный человек; в молодости, судя по портретам, он был очень красив; в пожилом возрасте имел приятное лицо. К нам, молодежи, он относился с искренним сочувствием и очень охотно оказывал содействие в вопросах систематики. Много любопытного рассказывали мне в Киеве о последних годах его жизни. Он был, чуть ли не первым президентом Украинской академии наук. Однако, естественно, по своему мировоззрению он недолго смог пробыть на этом посту. Он не скрывал своих политических симпатий. Когда ему, как Президенту, революционные власти предложили организовать большой Ботанический сад и для этой цели стали предлагать реквизируемые помещичьи усадьбы в совершенно потрясающем и несообразно большом количестве гектар, Липский вначале категорически отказывался, а, когда на него произвели давление, спокойно сказал: «Ну, хорошо, возьмем, все равно придется скоро их отдавать».

Когда его, как почетного гостя, принимали в Таджикистане, и власти на банкете, в честь него устроенном, вздумали похвалиться достижениями нового Таджикистана, Липский молча выслушал, а потом коротко добавил: «Я был лет 20 тому назад здесь у пристава, в Душанбе (Сталинабаде), мне показалось тогда лучше». Хозяева были смущены этой репликой. Покинув президентский пост, Липский последние 10 лет прожил в Одессе, где и умер.

О третьем ботанике сада, достигшем известности, о В.Л. Комарове мы скажем после. Став президентом Академии наук, он превратился в знамя Ботанического сада, в его божка. Если Б.А. Федченко можно назвать Маратом ботаники, Липского – Дантоном, то Комаров больше всего соответствовал Робеспьеру Революции: не без способностей, с исключительным трудолюбием, фанатичностью Робеспьера, он сочетал его самовлюбленность и его житейскую ловкость, в смысле умения оседлать волну, оказаться на ее гребне, в то время как другие были поглощены ей.

Спокойно я мог заниматься в Университете и в Саду только один год. Уже в следующем, 1915 году положение в Ленинграде очень ухудшилось; начинал чувствоваться недостаток продуктов, отопления; нормальная жизнь кончилась. Страна вступала в полосу великих потрясений. Лето 1915 года я еще спокойно путешествовал в «Горной Бухаре», как тогда ее называли; еще, как прежде, там была патриархальная жизнь, полнейшее спокойствие, но уже зима принесла первые военные лишения. Внутренняя атмосфера накалялась. Где-то далеко, в Августовских лесах, под Варшавой, Львовом шли ожесточенные бои, но мы в тылу их слабо воспринимали, мы жили еще какой-то отвлеченной жизнью и плохо

понимали, не чувствовали, что подходим к великой перемене, к роковой грани своего общественного и личного бытия.

Зимой 1915 года я женился. Это вышло чисто случайно. У своей сестры я встретил ее подругу, студентку того же сельскохозяйственного института, здоровую и не очень красивую девушку. При второй встрече мы жарко обнимались, а на следующий день она пришла ко мне и осталась ночевать. Я почему-то очень легко отнесся к этому делу; любви я не чувствовал, но потребность в живом, женском существе около себя несомненно была, и я решил, жена пусть жена. Конечно, это было легкомысленно, в такое тяжелое и зловещее время связывать себя и что-то обещать другой. Но повторяю, я жил малореальной жизнью; я совершенно не предвидел событий, был слеп и глух к всему внешнему, что находилось за пределами моей личной жизни; а она сосредотачивалась на глубоких чувствах, порожденных природой Средней Азии и ее несравненной флорой. Я больше ничего не хотел знать: в этом было что-то упоительное, всепоглощающее. Я грезил пустынями, горами, жарким солнцем, солончаками и снежными вершинами Гиссара и Келифа. Мне была безразлична война; я не обращал на нее внимания. Я почти покинул занятия в Университете, проводя время в Ботаническом саду. Я писал свои первые ботанические статьи, описывая новые виды растений. Под неудачной звездой мы родились и неудачниками мы были с самого начала! То, что казалось нам началом эпохи развития, культуры, науки; началом восходящей кривой, было на самом деле началом трагической схватки с действительностью, дико изломанной кривой – подъемов, провалов, а временами полного застоя, подобного смерти, когда мы, ученые или хотевшие быть учеными, голодали, как дикие звери, носили рубища и валялись в холодных нетопленных комнатах, болели всякими болезнями обездоленных людей. Конечно, по существу нам не на кого жаловаться; виноваты мы сами. Нет другого врага у человека, кроме него самого; потушите гордость в сердцах и на коленях молитесь Всевышнего о прощении ваших грехов и ваших ошибок! Кто же другой будет думать о вас, кроме вас самих; людей слишком много, а благодетеля, могущего думать о всех, никогда не было.

Помню, что зимой 1915 года я усиленно занимался систематикой рода *Silene*²⁰. В БИНе уже было холодно, и мне приходилось приносить гербарий из Сада домой, на квартиру, где тоже не было очень тепло, но все же было более терпимо в смысле температуры. У меня не было друзей, но в Ленинград приехали мои сотоварищи по туркестанским работам, ботаники из тех же экспедиций Отдела земельных улучшений, Е.П. Коровин и М.В. Культиасов, мои ровесники и впоследствии сослуживцы по Ташкенту. Е.П. Коровин – франтоватый молодой человек, сын провинциального художника из громкой фамилии художников. Не знаю, были ли они в родстве с прославленным Коровиным. Е.П. сам хорошо рисовал, наследственная способность сказывалась, и имел знакомства в среде молодых художников из Художественной академии. Мы пытались привлечь эту художественную молодежь из Академии к рисованию растений, которые мы описывали; это были новые виды из Туркестана. Получилась полная неудача. Нам нужен был точный схематический рисунок, скорее чертеж-схема, а они заботились о «композиции»: подрисовывали листья и цветки, там, где их не должно было быть, изменяли пропорции частей, чтобы сделать рисунок красивым. Среди этой художественной молодежи был один, потом снискавший известность

---

²⁰ *Silene* (лат.) – смолевка – род цветковых растений семейства гвоздичные (Caryophyllaceae).

как художник; кажется, Савицкий. Он появился у Коровина с молодой девушкой, которую я принял за его сестру, она была очень кокетливая, худенькая, нервная, хорошо одетая особа, лет 20–22. Как-то утром, не очень уже рано, я зашел по делу к Коровину; на мой стук в его дверь, я услышал его голос, что он не может в данный момент выйти или принять меня у себя; уговорились, что подожду его внизу на лестнице, так как нам нужно было куда-то идти. Я очень удивился, что неожиданно из его квартиры выпорхнула эта девушка, одетая и собирающаяся уходить. Я спросил ее, когда мы увидим ее брата. Она на секунду сделала удивленное лицо, а затем захохотала: «да разве он мне брат». Я почувствовал себя отчаянным идиотом; оказывается, он был ее муж. Первый раз в своей жизни я столкнулся с таким откровенным и не смущающимся флиртом, который так характерен для художественной среды.

М.В. Культиасов, из какого-то татарского рода, осевшего в Пензе, был человек иного склада; туповатый, но практически ловкий, как почему-то все инородцы в России крайне привязанный к материальным благам, с настойчивым стремлением ими возможно полнее овладеть; идеалом его, мне всегда казалось, было возможно вкуснее и плотнее поесть, иметь хорошую квартиру, обстановку; плотную и вкусную жену-хозяйку. Он успешно этого добивался; какие-нибудь принципы для него ничего не значили, он их, мне кажется, вообще никогда не имел; быть всегда на стороне сильного, чтобы добиваться своей основной материальной цели, это был его единственный принцип. Он трогательно заботился о своих братьях, которых у него было много; тоже особая черта характера, которая очень хорошо выступает и в воспоминаниях С. Айни («Бухара»).

Так прошла зима 1915–1916 годов. Рано весной 1916 года я снова был в Средней Азии. В начале апреля вместе с женой я переехал в Самарканд. Как раз цвела белая акация, которая заполняет улицы этого города. Было восхитительно нарядно на чистых улицах, упоительно пахла акация, ласково сияло на еще не запыленном небе весеннее солнце. Самарканд тогда содержался в изумительной чистоте; его губернатором был Н.С. Лыкошин, очень просвещенный человек, ученый ориенталист²¹, потом, после Октября, он был сослан куда-то в Хорезм. По улицам во множестве катили нарядные извозчики – таджики, на прекрасных лошадях, запряженных дышлом парой в фронтоны, высланные внутри красным плюшем. Цена в пределах города была 20 коп. в любой конец, а за пределы русского города – по согласованию. Вообще порядок был изумительный. Какой контраст с тем, что потом я увидел в Самарканде, когда жил там во время войны 41–44 годов. Этот контраст как нельзя лучше показывает тот упадок человечества, по крайней мере, европейского, который явился результатом двух гигантских войн народов, двух Мировых войн. То, что было достигнуто трудами столетия, прошедшего после Наполеона, мирного и культурного столетия, было в каком-то нелепом безумии растрачено европейцами за 30 последующих (после 1924 года) лет. Конечно, мы быть может, судим односторонне и пристрастно и уже, конечно, не по-марксистски, но мы остаемся в твердом убеждении, что главной виновницей этой европейской катастрофы была Германия, ее правительство, и ее народ. Для марксистов война 1914–1918 годов является схваткой империалистических хищников в борьбе за пределы мира. Они стараются или, по крайней мере, старались уравнивать вину между ее участниками. То, что произошло в 1914–1944 годах, в значительной мере подправило их воззрения: Германия преподавала

---

²¹ Ученый – специалист по ориенталистике, востоковед.

им жесткий урок. Для нас же, более разбирающихся в истории Европы, обе мировые войны были безумной попыткой Германии вернуть немецким племенам то положение в Европе, которое они занимали в Средние века, когда Европа оказалась, после падения Римской культуры, в руках варварских германских племен. Мрачное Средневековье было создано именно ими. В течение столетий они душили более культурные племена – романо-кельтов, поляков, чехов. Опираясь на дикую силу, они даже нежнейшую и кроткую христианскую религию, католицизм, превратили в жесткую и мрачную опору своего владычества. До настоящего времени католицизм не может освободиться от этих обвинений, которые по существу следовало обратить к германскому владычеству: это последнее заставляло церковь служить ему. Папству не было выхода; ему была представлена дилемма; или погибнуть, быть уничтоженным физически, или попытаться, служа новым господам Европы, медленными усилиями, тонкой политикой, обратиться к культуре самих господ, этих диких и страшных маркграфов, герцогов, князей, которых германские племена разбросали по всей Европе, от Испании до Литвы. Как феодальные отношения, так и фанатичный католицизм были порождены, созданы германскими властителями Средневековой Европы; они явились инструментами владычества над покоренными, более культурными народами. Католицизм, пожалуй, в общем, выбрал правильный путь, хотя очень мучительный и долгий; он спас остатки греко-римской культуры в монастырях, церквях Средневековой Европы; он спас этнические группы от физического уничтожения германцами; он окультивировал, в конце концов, и сам германизм, одновременно сумев создать ему этнические противовесы в Италии, Испании, Франции. Постепенно Германия была окультивирована и политически ограничена. Но католицизм, в глазах непонимающих истории масс населения, принял на себя хотя бы отчасти грехи германского варварства; гонения свободы мысли, жестокости инквизиции, невежества и раболепия перед властью. В этом смысле германские властители Средневековья проявили политический разбойничий талант: свои чисто политические задачи удержания власти над покоренными народами они облекли в одежды идейной борьбы, религиозного одушевления христианским рвением. Это обычный прием всех деспотий, но германская средневековая деспотия оказалась умнее и долговечнее других, впрочем, может быть только потому, что она развернулась на фоне культурной Европы. Но все же это была деспотия, по целям и методам; цели – высасывание материальных благ из подчиненных народов; методы – угнетение, моральное и материальное. И вот таким идеалом прониклась германская нация в 19-м веке. Монархия Карла Великого ей представлялась законным установлением, которое должно было быть восстановленным. Материальные ресурсы Европы должны были быть предоставлены полностью ей. Эти германские мещане, лавочники и купцы, техники и промышленники, даже ученые и дипломаты, увлекаясь только внешней формой Каролингской монархии, как эмблемой германской мощи, не понимая ее разбойничьей и антикультурной роли, решили восстановить Каролингские порядки в Европе. Не будучи еще ни достаточно культурными, ни достаточно политически дальновидными, основываясь главным образом на своей промышленной мощи, они возомнили себя избранным народом, законными властителями Европы, а, стало быть, мира. Такой страшный вред народам могут принести исторические воспоминания, взятые из далекого прошлого и перенесенные без поправок, без исторической корректировки, в настоящее! Развращенные националистической про-

пагандой, недостаточно культурные, чтобы уловить фальшь в ней, немцы почувствовали себя несправедливо обиженными, якобы лишенными чего-то принадлежавшего им по праву. Франция, Италия, Россия, славяне вообще, стали им казаться узурпаторами их прав, врагами, которых нужно побить, чтобы отвоевать обратно свои мнимые права: права на грабеж и угнетение культурных народов.

Вильгельм II, его правительство и его народ, еще сохранившие некоторый налет культурности, который был им привит Европой, не очень старались обнаружить свои средневековые тенденции. Но Гитлер уже прямо, не стесняясь, их выражал; по культурному уровню он сам не далеко стоял от какого-нибудь средневекового германского маркграфа. Вот в нем папство могло увидеть мрачную обратную сторону своей столь долго и настойчиво проводимой политики восстановления Европы: пришел новый ее разрушитель. И снова, через 1500 лет, перед папством становилась дилемма, признать этот мрак и попытаться снова признать его светом, или бороться с ним, имея за спиной еще больший мрак. Нельзя винить папство в колебаниях: они естественны и диктовались осторожностью.

В результате германской обозленности и близорукости разразилась война 1914 года. Россия не могла начать войны; она внутренне была расстроена, а царская фамилия была прямо на стороне Германии; Англия, на которую многие пытались возложить вину за начало войны, говоря, что она якобы своей двусмысленной политикой развязала руки Германии, на самом деле в течение столетия охраняла мир и спокойствие Европы: ее превосходство было столь значительно, что ни одна страна не могла начать войны без ее явного или тайного согласия. Если, в данном случае, ее неясная позиция дала возможность Германии заступать (в 1914 году) кулаками и вызвать взрыв, то быть может, это было не «коварство Альбиона», о котором так любят говорить, а просто огорченная мудрость; она давала понять, что она не будет зачинщиком схватки. И даже если бы ее окрик в то время остановил Германию, что вообще сомнительно – а англичане больше всего не любят бесцельной политической декламации – то она прекрасно понимала, что при том развитии, которое получила Европа, все равно, через 10–15 лет Германия не остановится и перед запретом, протестом Англии. Как своей наибольшей опасности Германия боялась усиления России; возможные ресурсы Франции и Англии ей были ясны, но возможности России ее пугали; ее агенты, столь многочисленные у нас, сообщили, что экономическое развитие России идет с поразительной быстротой. Столыпинская земельная реформа давала свои результаты. Правда, Столыпин немцами был физически устранен без того, чтобы они формально могли быть уличены в его смерти, так же как они в свое время устранили Александра II. Через свое влияние на царицу они создавали затор в политическом развитии России, но все же они видели, что на этом козыре нельзя долго выигрывать. И они убедились, что царь, даже если бы он хотел, не может привести Россию в союзники Германии: инцидент с договором в Бьерках им это ясно показал. Одним словом, от событий в России они могли ожидать для себя только худшего. Они решили: пока не поздно, ударим. По существу, безумное решение: они били по самим себе. В России почти не было антинемецких настроений – они их создали; в России был царь по крови немец и всегда симпатизировал Германии больше, чем России; они его уничтожили. Они имели в России огромное немецкое население, богатое, процветающее – они его обрекли на гибель. Они сами себе создали в России своих могильщиков. Где она теперь, Германия – довольно культурная, богатая, вставшая во главе мировой науки и

техники, какой она была до 1914 года? Разбитые обломки государства, потеря независимости, всего достояния, всего, что она добилась за столетие – таков результат ее нелепой политики; между тем, если бы, сохраняя мир, хотя бы вооруженный – они продолжали свою торгово-промышленную и научно-техническую деятельность, они могли бы культурно завоевать всю землю, создать мощные немецкие колонии, поселение в Южной Америке, в Африке, в России, в Азии, а продвинувшись по пути интеллектуальной культуры, они могли бы стать властителями мира без войны и разрушения. Основной ошибкой была недооценка значения интеллектуальной, духовной культуры. Именно она в цивилизованной Европе, а не пушки и штыки, являются самым сильным оружием. И немцы были уже не слишком далеки, чтобы овладеть этой высшей культурой; во время Наполеона они ей обладали даже в большей степени, чем позднее. К концу 19-го века они регрессировали в этом направлении; промышленное делачество их слишком захватило и снизило их культурный уровень. Если бы они больше вдумывались в дух и творение Гете, они не стали бы сторонниками Бисмарка с его лозунгом «железа и крови». Поднявший меч, от меча и погибнет! Так и случилось с ними. Их отдаление от католичества также было их огромной, политической ошибкой. Они тем поставили себя вне культурной Европы.

С Гитлером рухнула последняя надежда германизма; его гибель была финалом 1500-летней борьбы Германии с Европой; постепенно германизм уступал, а Европа им овладела; но в рецидиве ярости он скинул с себя европейское одеяние, попытался в виде голого воина Арминия нанести смертельный удар Европе и в этой безумной попытке погиб; теперь, кажется, уже никакой ход истории его не сможет оживить: германский период европейской истории кончился. Мы не знаем, что принесет Европе будущее, оно очень туманно, но что германизм не воскреснет, можно сказать уверенно.

Даже еще в 1916 году, после 2-х лет войны, в Средней Азии был полный порядок и старый уклад жизни; казалось, что ничто там не изменилось в худшую сторону. Я, помню, как в апреле мы ходили на казенном, полувоенном пароходе из Чарджуя в Керки. Бухарский чиновник, небольшого ранга, Мирза-боим не получил места в каюте; ему пришлось ночевать на палубе. В страстную субботу команда парохода была у заутрени на берегу в Керках, а утром нам в каюту матрос принес кулич и пасху, и поздравление с праздником от команды парохода; это было трогательно и деликатно.

Кажется, в Чаршангу мы сошли с парохода, и пересели в поезд новой железной дороги, при мне в прошлом году построенной: Каган–Карши–Келиф. Я помню, был поражен, с какой быстротой и как прекрасно она была построена в течение нескольких месяцев; приятно было ехать в ее новых чистеньких вагонах. Невольно приходит в голову сопоставление. Тогда такая постройка не привлекла почти никакого внимания, была выполнена без всякой натуги, криков, специальных поощрений. В наше же время, например, при постройке Турсиба то же самое дело являлось чуть ли не общегосударственным, крупнейшим событием, причем выполнено было много хуже и потребовало много больших сроков. Это показывает, что до войны страна имела несравненно больше материальных ресурсов, а главное квалифицированных технических работников всяких специальностей; война их физически уничтожила, и даже в данный момент, спустя 40 лет, мы даже в малой мере не приблизились к техническому богатству, которое имели в 1915 году. Институты и техникумы старого времени выпускали дейст-

вительно квалифицированных специалистов, а помимо них была еще армия талантливых самоучек-техников без дипломов, но первоклассных практиков с громадным опытом. Еще же важнее было то, что тогда было традицией – среди служилого люда – я не говорю о верхах, те может быть и халтурили, и воровали – работать добросовестно. Вот эта добросовестность, добротность работы в наше время почти совершенно исчезла; не по злему умыслу, а просто потому, что исчезла традиция, стал иным дух служивого люда; уж очень легки они стали, без солидарности.

В Калифе, куда мы приехали, нужно было, прежде всего, нанести традиционный визит беку, по-нашему губернатору провинции. Келифское бекство – бедное, и бек его – малозначительное лицо, довольно простенький, небольшой, полный старичок, которому я вручал небольшие подарки. Через день тронулись верхами к горному хребту Кугитанг, цели моей экспедиции. Бегло я его посетил еще летом 1914 года, потом более подробно осмотрел с южной стороны весной 1915 года, а теперь дополнил свои исследования по его северной стороне.

Хребет Кугитанг, давно нанесенный на топографических картах и представляющий юго-западный конец одного из Гиссарских, наиболее далеко уходящий в пустыню, ботанически был открыт мной в 1914 году, когда я летом попал на него, в составе экспедиции почвоведом Ножиным. Ботанические находки, сделанные на нем, о которых мной было сообщено в 1915 году, оказались столь интересными, что Ботанический сад тотчас же решил идти по моим следам. Б.А. Федченко, организатор этого дела, применил старую немецкую тактику: создания конкуренции. По этой части у Сада был давний опыт. Когда в 40-х годах 19-го столетия замечательный человек и ученый, ссыльный офицер Оренбургского гарнизона, Г.С. Карелин начал свои прекрасные исследования Южного Алтая, Тарбагатая и Джунгарского Алатау, впервые им открытых с точки зрения флоры, директор Ботанического сада, Фишер, вместо того, чтобы помочь Карелину, перебивавшемуся кое-как со средствами, нанял за высокую плату немца-путешественника, неудачливого поэта Шренка и послал его в те же места, которые исследовал Карелин. Конечно исследованиям последнего был нанесен крайний ущерб, а его моральному состоянию тем более. Такой же метод был применен Садам и в отношении меня. Не успел я где-либо появиться в Средней Азии, Сад немедленно слал туда своих сотрудников: в Султан-Уиз-Даг тотчас после меня был направлен И.М. Крашенинников, в Кугитанг – Е.Г. Бобров и С.А. Невский, в Могол-Тау – О.Э. Кнорринг. Мне оказывали тем самым большую честь; это было признанием того, что там, где проехал я, всегда будет нечто интересное. Но, с другой стороны, конечно, это очень сильно мне мешало; я не только не получал помощи, но и постоянно ставился под удар – потерю приоритета и потерю возможности публикации своих исследований. Я работал в маленькой организации «Бюро по исследованию почв и растительности в бассейне рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья», которая не имела своего печатного органа; к тому же наш начальник Н.А. Димо ревниво относился к выдвиганию своих сотрудников; они ему были нужны как технические помощники в составлении планов ирригационных возможностей обследуемых районов, создавать им репутацию ученых-исследователей не входило в его планы и не соответствовало его духу; он только себя считал достойным этого. Так мы и оставались на положении подмастерьев, в провинции и без возможности печатать свои работы, а работники Сада, имея несколько ведомственных журналов, такой возможностью были

наделены в избытке. Нужно сказать, что после 1917 года положение с печатанием научных трудов стало еще более тяжелым; почти все журналы были закрыты, научная печать приобрела совершенно нерегулярный характер, стала зависеть от произвола случайных людей, руководителей учреждений, обычно совсем далеких от науки, подозрительно относящихся к печатному слову и большей частью его совсем не понимающих и им не интересующихся. Поразительно то количество научных материалов, быть может иногда второстепенных, но все же полезных, которое было собрано бесчисленным количеством экспедиций в период 35 лет после 1917 года и законсервированных в виде рукописей в архивах ведомств. Постепенно они терялись, исчезли с непрерывной реорганизацией учреждений, так что потом снова организовывались исследования в тех же местах и опять повторялась та же история. Учреждения не боялись расходовать 100 000 на экспедицию, но упорно отказывались истратить 20 000 на опубликование трудов этой экспедиции. Понятно, что при таком ведении научной работы ее результаты оказались ничтожными, квалификация научных работников снижалась, накопление научных материалов, прогресс науки шел очень медленно. В настоящее время мы, кажется, дошли до предела ничтожества.

С Кугитангом у меня связаны прекраснейшие воспоминания молодости. Даже теперь, почти через 40 лет после первых его посещений, я помню несравненное ощущение душевного восторга, наслаждения чудесами экзотической горной природы, которые меня тогда переполняли. Глубоки, как ножом или пилой врезанные каньоны, ущелья по северному склону этого небольшого узкого, но высокого хребта. Змеистыми линиями, щелями, они прочертили его круто наклоненные к северу толщи серых известняков. Южная сторона имеет совсем другой характер. Известняки обрываются туда грандиозными обрывами, уступом, далеко внизу под которым начинаются поперечные разработанные долины Кемпыр-Тюбе и Кизия-Алмы. Асимметрия хребта, различие между его двумя склонами, поразительно. На северном склоне, особенно в ущельях в то время росли прекрасные парковые арчевые леса; на южной стороне было больше лиственных кустарников и деревцев, миндаля, фисташки. Гребень над обрывом был гол; это уже субальпийский пояс с подушками колючих акантолимонов, трагантов, среди них и мной открытый колюче-подушковый качим (*Gypsophila popovii* G. Preobr). Как-то в один из подъемов на этот гребень я ночевал там у последних арчей, чтобы были дрова для костра. Был заход солнца, когда мы сидели у огня и пили чай. Далеко, далеко, за линией бесконечных пестроцветных холмов предгорий, расстилающихся западнее Кугитанга, в насквозь пыльном золотистом от пронзающих его солнечных лучей и лиловатом горизонте медленно двигался далеко ниже нас огромный красный овал заходящего солнца. Арчи около нас чернели в угасающем освещении неба, голый острый гребень хребта становился сине-серым, холодным, а разреженный воздух (здесь 3000 м н. у. м.) приобретал холодную прозрачность. Мои спутники-узбеки нарубили арчевых веток и постлали их прямо на голый, серый и гладкий камень наклоненного пласта известняка. Холодный и жесткий, но прекрасный ночлег! Во сне вздрагиваешь от усиливающегося холода; открываешь глаза – внизу едва различимые, таинственно чернеют молчаливые леса, на гребне белеют пятна снега, постукивают копытами по камню озябшие ослики, пережевывают с хрустом какую-то сухую траву. Далеко от всего мира и высоко над ним! Нигде не видно следа человеческой деятельности: ни огня, ни крика, ни лая собаки. Одиночество и пустыня до края да-

лекого горизонта. И только два человека, узбека, закрывшихся с головой под своими халатами, спят около тебя. Почти как в космическом пространстве между землей и луной.

Много раз потом, позднее, я бывал в таких же изумительных местах, как Кугитанг, среди природы, покоряющей своим очарованием: и в благословенных теплых долинах западного Копет-Дага, одну из которых, Айдере, мои сотрудники невольно и искренне называли «земным раем», и в величественно прекрасных, заросших стройными шренковыми елями ущельях Заилийского Алатау, и сидя высоко в горах, глядя на далекие безграничные ландшафты, расстилающиеся внизу под горами, думал я о том, как странна, фантастична жизнь человека. Вот я, мальчишка из мещанской среды маленького убогого волжского городка, кое-как получивший образование там, на неприветливой и скудной родине, теперь исследую флору столь далеких и прекрасных стран, брожу в величественных горах где-то у преддверия таинственной Гималайи, наслаждаюсь такой природой, о которой не мог раньше даже мечтать, вижу такую красоту и величие, каких не мог себе раньше и представить. Я знаю, что ботанически я открыл Среднюю Азию, и первый ее понял так, как она того заслуживает, и никто не может оспорить этой моей научной заслуги. Почему мне именно это удалось, что не удавалось ученым академиком, вроде Коржинского, таланты которого были столь велики, Комарову или Липскому, которые тоже всю жизнь занимались Средней Азией и ценили ее так же, как я.

У них не было той впечатлительности, силы воображения, соединенной с способностью логического суждения, которая была у меня; они не умели так сливаться с природой, как умела делать моя душа. Я стал собственно истинным жителем новой для меня страны, которая мне стала интимно, тончайшим образом знакома. Для того, чтобы истинно познать и показать страну, нужно в ней жить, а не только приезжать в нее; пожалуй, также важно, чтобы личная интимная жизнь, которая всегда имеется у всякого человека, сплелась с этой страной, соединилась с ней неразрывными узлами. Не знаю, как другие, но я не умею отделять своей личной жизни от моей научной деятельности; я, пожалуй, слишком большой индивидуалист. Хотя личная жизнь моя была не богата, но она все-таки была; хотя я никогда не любил женщин глубоко, но я любил их часто, постоянство не было моим достоинством, ни в этой сфере жизни, ни в какой другой; и все наиболее сильные эмоции любви, так или иначе, были связаны у меня с природой Средней Азии, что увеличивало мое обостренное ее восприятие, соединяло для меня, мои самые сильные переживания, самые сильные чувства именно с ней – с ее различными уголками. Я так же вдохновенно могу воспевать ее пыльную вечернюю улицу, облепленную глиняным дувалом, розовеющим под лучом заходящего солнца, или хруст соленой корочки под ногой на голом солончаке, покрытом сорными, бесформенными кустиками солянок, как и красоты самых величественных ее ущелий или водопадов.

Я никогда не любил женщин идеально, платонически; быть может, по грубой примитивности своей натуры – в ней было что-то топорное, мещанское – я в женщине видел женщину, источник физического наслаждения. Я никогда не был циником, цинизм в отношении женщин был противен моему духу; всякие скабрёзности мне были ненавистны, и всякое неуважение к женщинам мне представлялось отвратительным. Но мое мировоззрение реалиста, натуралиста, не позволяло мне видеть в женщине лично для меня ничего идеализированного, вне пре-

делов естественного обладания, в так называемой низменной животной страсти, когда в мужчине просыпаются величайшие импульсы к духовной деятельности, стремление к свершению наибольшего. Полагаю, что и душа мужчины устроена так же, только или лицемерят, или не додумывают своих отношений к женщине, и по лицемерию или глупости портят жизнь себе и своим подругам. Я любил многих женщин и еще многими другими я хотел бы обладать, но вовсе не потому, что у меня какая-то особая развращенная натура, а просто потому, что добиваться женщины и получать ее – значит как-то разбивать монотонность и скуку обыденной жизни и получать сильные чувства, побуждающие к новым мыслям и новым делам. Я имею в виду для себя лично научные дела. Без эмоций любви нельзя творить. Женщины, конечно, могут обидеться на то, что они являются как бы каким-то вспомогательным средством мужчине для совершения им дел, к ним собственно не относящимся, своего рода духовным возбуждающим веществом, но обида их не может быть признана основательной; они сами являются партнерами в игре и могут ее использовать в тех целях, как и мужчина. Только для этого они должны отказаться от мещанских воззрений о «моем муже» как о чем-то им всецело, душой и телом, на всю жизнь принадлежащем. Нельзя превращать мужчину, во всяком случае, всякого в «недвижимую собственность»; это противоестественно и не может вести к прогрессу. На этом разбилось уже столько челнов человеческого счастья. Оно, впрочем, всегда на чем-нибудь разбивается, если не на любви, так на имущественных недостатках, катастрофах, на болезни или на дурно направленных детях, или на чем-либо ином. Счастье – фантом, мираж, за которым гоняются люди, никогда этого миража не достигая. Если бы люди умели логически, научно рассуждать, они легко поняли бы, что понятие счастья не определимо, мистично. Практически еще ребенком, человека нужно воспитывать таким образом, чтобы он был убежден, что счастье не достижимо и что он не должен к нему стремиться, что цель жизни не поиск личного счастья, а служение обществу, выполнение долга наиболее по его индивидуальности подходящим образом, что жизнь не сад, усаженный розами, а юдоль печали и слез, бочка дегтя, в который пущена ложка меда. Я вовсе не хочу сказать, что следует воспитанием возбуждать мрачную меланхолию. Пусть человек научится брать хорошее, приятное от жизни, поскольку оно в ней дается; этому даже не нужно учить: естественная жизнедеятельность здорового человеческого существа сама сумеет выловить ложку меда в бочке дегтя жизни. Но нужно ребенку сообщить, внушить понятие о правде жизни, чтобы он не строил иллюзий, в которых потом разочаруется к своему ущербу, не тратил зря сил на погоню за недостижимым. Вообще воспитание юношества – важнейшая задача всякого хорошо организованного общества, и оно, пожалуй, нигде в мире не осуществляется так плохо, как в нашей благословенной России, из чего логически нужно заключить, что у нас нет даже подобия хорошо организованного общества. И его действительно нет! Наверное, нет в мире более индивидуально талантливого народа, чем русские, но и нет народа, более чем они, общественно неорганизованного, и я до сих пор не могу понять, происходит ли это печальное положение по природным свойствам самих русских или оно является результатом внешних неблагоприятных влияний; культурной отсталости народных масс, засоренности нации инородцами и иноземцами, долгому пребыванию у власти не национальной династии и другим извиняющим обстоятельствам. Пожалуй, этот вопрос и не может быть решен теоретически, да вряд ли он когда-либо может быть прове-

рен и практически, ибо почти невероятно, чтобы когда-либо в будущем русские образуют монолитную и свободную в своих действиях нацию. История, большая плутница, устроила так, что русские, помимо их воли, осуществили огромную территориальную экспансию номинально как победители и хозяева, фактически сами поработанные и угнетенные, культурно и общественно не подготовленные, может быть, и не пригодные для роли носителей национального суверенитета. Их положение везде оказалось ложным и дома, в центре России, где величаемые оплотом отечества и как таковой употребляемые в качестве бесконечно выносливых солдат, храбрых уже потому, что им нечего было терять, кроме оков, а на самом деле униженных и обездоленных; на многочисленных чужбинах, на Украине, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, Маньчжурии окруженные даже более культурными и воспитанными инородцами, они представляли объект насмешки или ненависти, а почтением пользовались лишь тогда, когда имели в руках винтовку, а на голове солдатскую или офицерскую шапку. Проникновеннейший поэт гражданин Н.А. Некрасов прекрасно выразил чувства всей русской культурной интеллигенции в своем замечательном стихотворении «Ты и великая, ты и несчастная; ты бессильная, ты и могучая, матушка Русь». Культурные русские с тех пор, когда у них зародилось гражданская литература, со времен Великого Петра, переживали эту трагедию двойственности: великого унижения внутреннего и возвеличивания внешнего. Их руками, «великого русского народа», руками, держащими штык и пушку, создавалась огромная держава, а сами они, русские, всегда оставались поработанными, оттесненными от управления не только державой, но и своей собственной судьбой. Их руками угнетали поляков, финнов, грузин, узбеков, делая их пугалом, объектом ненависти или, по крайней мере, неприязни, а самих держали в еще большем угнетении. Все это оказывалось возможным, только благодаря культурной отсталости массы русского населения, многовековому воспитанию в нем чувства покорности властям предрасположенным, рабских привычек, из которых главной явилось отсутствие внутренней солидарности. Это дурное воспитание народа начали еще на заре его истории варяжские иноземные князья, особенно северные, правившие в суровом холодном климате тайги, где сама природа принуждает людей к большей покорности власти; оно продолжалось и при после петровских «императорах» и «императрицах» – этих жалких немецких обманщиках, прикрывавшихся украинским именем «Романовых». Романовы – это была русская великая семья, произведшая Петра и создавшая менее чем за столетие действительно Великую Россию, а после петровские «императоры», вроде Павла или Александра I, были жалкими немецкими ублюдками, лично ничтожными, презираемыми русскими и презирающими Россию, приносящими ее в жертву немецким симпатиям или ничтожному корыстолюбию. Чего стоит, например, такая «великая императрица» как Екатерина II. Нахальная авантюристка и обманщица, она вертела такими гигантами как Орловы, Потемкин, Суворов, жаловала или разжаловала их, как хотела, двигала армии, перекраивала карту Европы. Что же, разве Суворов, европейски воспитанный и культурный, гениальный не только как полководец, но как гражданин, не понимал ничтожности и вредности таких фигур на троне, как Екатерина II или Павел I. Конечно, понимал! И разве у него не было войска в руках и преданного ему офицерства, чтобы сделать попытку сбросить к черту эту немецкую императорскую сволочь с престола и стать на нем самому? Было войско, и офицеры! Но что-то ему мешало? Мы не знаем и никогда не узнаем его

мыслей, что он думал в часы унижений и опал, которым его подвергали цари после его самых великих деяний; мы не можем сомневаться, что он думал о военном перевороте, но никогда не знаем, какие именно побуждения его заставили отказаться от его применения: опасение своих соперников, или недоверие к народным массам, или личная нерешительность. Невозможно только думать, что это была личная трусость. И все же Суворов не стал Царем, Генрихом IV, Кромвелем; он предпочел оказаться в опале, бросив отечество и своих граждан во власти проходимцев, их губящих. Не сказала ли и на нем рабская привычка к повиновению, столь издавна привитая русскому народу?! И второй раз уже при Кутузове, когда Наполеон был в Москве, а Кутузов с своей армией стоял неподалеку от нее, был счастливый случай избавиться от ничтожного, но хитрого шарлатана, сидевшего в Петербурге в качестве русского императора и не имевшего тогда ни сил, ни способности противостоять Кутузову. Наполеон с радостью пошел бы на сделку. Русский поход для него был обузой, навязанной ему Александром. Для России война с наполеоновской Францией ради Германии была государственным абсурдом, совершенной политической нелепостью. Кутузову ничего не стоило подписать мирное соглашение с Наполеоном и совместно двинуть несколько корпусов в Петербург, чтобы вымести оттуда императорскую нечисть. Несомненно, Кутузов и сам подумывал об этом: наверное, много и горько размышлял о том же и Александр, сидя в отрезанном от России Петербурге и отпускавая на всякий случай «русскую бороду», именно поэтому Александр с такой ненавистью отнесся к победителю Наполеона, спасителю Отечества, Кутузову. Он не мог ему простить, что тот держал в своих руках его «царственную» судьбу и голову. И, честное слово, Кутузову было поделом, что к нему была проявлена столь черная неблагодарность. У Кутузова не было извинения, что он не знал характера своего царственного клиента; он его успел хорошо изучить во времена Аустерлица и Прейсиш-Эйлау. Следовательно, только нерешительность самого Кутузова в памятные дни московского сидения Наполеона вернули Александру трон и власть – на несчастье Родины и самого Кутузова. Русскому народу постоянно отравляют сознание восхвалением, возвеличиванием войны с Наполеоном, называют ее «Отечественной». Все это ложь и обман. Война эта была национальным преступлением, упорно проводимым Александром. Он добивался двух целей за раз: унижение Наполеона как врага Германии, т. е. противного интересам России результата; в области внутренней политики – уничтожения в горниле войны доблестного дворянского офицерства – единственной реальной силы, которой боялось самодержавие, силы, которая, как Александр знал из опыта своего деда, свергавшей царей. Александру удалось добиться обеих целей, а Кутузов, который все знал и понимал, помог ему в этом против своей воли, желания и намерений. Кутузов, как не было больно признать это в отношении столь великого сына России, сам заслужил свою печальную участь. Нельзя колебаться и отступать в столь ответственные моменты истории, имея на руках такие большие козыри, чтобы выиграть политическую игру. Ставка была велика: вся Россия. Россия под властью Кутузова была бы великой державой, под властью псевдо-Романовых она еще столетие оставалась гигантом на глиняных ногах, постоянно ввергаемой в несчастье.

Я, однако, слишком отвлекся в сторону от своего личного повествования; моя маленькая жизнь, конечно, представляется ничтожной по сравнению с историческими событиями, о которых только что шла речь; совершенно естественно, что она заслоняется ими, даже в моем личном сознании. Благодаря образованию,

я ясно вижу зависимость моей собственной судьбы от тех исторических процессов, которые происходили в России и за ее пределами, в связи с русскими делами. За эти события мы, русские, платили очень дорогую цену. Я, конечно, понимаю, что и другие страны переживали не меньшие страдания. Когда Франция, уцепившись за полу наполеоновского серого сюртука, сделав чуждого ей корсиканца национальным кумиром, в конце концов пала, проливши всю свою кровь, разбросав всю свою силу по полям сражений в России, Германии, Испании, Египта и Италии, разве ее культурные сыны тоже не переживали события как трагедию своей страны и свою собственную. Не меньше досталось горького и сынам Германии после двух страшных поражений в последних мировых войнах; и в Германии были люди культурные, которые все понимали и ощущали; Германия не состояла только из оголтелых националистов, опьяневших от могущества лавочников, юнкеров и чиновников; там были и умные, культурные люди, к сожалению, в меньшинстве – совершенно также как во Франции или России – которые понимали абсурдность политики Бисмарка, Вильгельма и Гитлера и страшно переживали печальные события, в которые Германия была ввергнута, в результате этой политики. Они с полным правом могли считать Версальскую и Потсдамскую трагедию совершенно незаслуженными германским народом, ибо последний в своем подавляющем большинстве не проводил никакой политики, он был жертвой политики определенной группы, которая сумела навязать свою волю всему народу. Сами народы, т. е. подавляющее большинство жителей страны, вообще не занимающиеся политикой; они живут – трудятся; едят; развлекаются, как умеют; ссорятся друг с другом, без чего считают свою жизнь не полной, и совсем не думают о политике, а если думают, то вкривь и вкось, потому что ничего в ней не понимают. Именно по этой причине активным политикам любого толка так легко мобилизовать себе сторонников в среде массы населения. Я хорошо помню, какое преклонение именно в среде простого населения, обывателей, было до революции 1905 года в отношении царя и веры; было опасно малейшее неуважительное выражение по отношению к «помазаннику божию»; и не потому, что полицейские и жандармы тебя схватят; нет, само население могло тебе нанести оскорбление, даже побои за непочтительность к царю или к православной вере. Даже политически не очень квалифицированный, но многочисленный духовный и чиновнический аппарат царского правительства своими речами, проповедями, газетами, парадами, всей своей жизнедеятельностью, оплачиваемой правительством, сумел внушить массе населения желаемое ему настроение. Черносотенные погромы 1905 и 1906 годов были красноречивым показателем этого настроения. Население было определенным образом настроено против либеральных влияний. Я хорошо помню, как на одной лекции М.М. Ковалевского в народной аудитории в Соляном городке, после того, как маститый лектор процитировал английский стих невинного содержания: «Когда за прялкой Ева, когда пахал Адам, какое было место на свете господам?» один паренек из простого сословья в негодовании поднялся с сидения и стал громко возмущаться антирелигиозным содержанием стиха; полицейский агент в форме, обязательно присутствовавший на лекциях, дипломатично и тихо вывел паренька из лектория, и лекция продолжилась. Я почти уверен, что этот паренек был позднее большевиком и проявил такой же фанатизм и на почве новой идеологии. Дело здесь просто в том, что некультурность обывателя позволяет легко убедить его в той или иной доктрине и всегда создает в нем чувство нетерпимости к иным взглядам...

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ВИДА И ВИДООБРАЗОВАНИЯ

В связи с общей дискуссией по проблеме вида, начавшейся с 1952 года на страницах биологических журналов, участники общегородского философского семинара для биологов из явили желание высказаться по проблеме вида и видообразования. Обмен мнениями состоялся в текущем году на основе доклада доцента А. Г. Егорова: «Проблема вида и видообразования в свете современной биологии». В развернувшейся дискуссии приняли участие научные сотрудники Иркутского государственного университета, Восточно-Сибирского филиала Академии Наук СССР, Иркутского противочумного научно-исследовательского института, Иркутского научно-исследовательского института вакцин и сывороток. Дискуссия заняла шесть семинарских занятий. На каждом занятии присутствовало в среднем 60 человек.

Предметом дискуссии явились высказывания академика Т. Д. Лысенко по проблеме вида и видообразования, опубликованные им в ряде статей. Доклад т. Егорова заострил внимание участников семинара на спорных вопросах и вызвал довольно оживленное обсуждение.

С развернутыми сообщениями выступило восемь человек. Отметим наиболее интересные выступления.

Профессор М. М. Кожов в своем выступлении привел примеры образования новых форм фауны Байкала. Формы, проицившие в р. Ангара из Байкала, меняются. Переходы от одних форм к другим наблюдаются только на протяжении от истока Ангара до Иркутска. От Иркутска до Енисея встречаются животные, уже не имеющие переходных форм между байкальскими и енисейскими видами. Приспособление байкальских организмов к глубоководному образу жизни, по мнению М. М. Кожова, происходило различными путями. Одни формы приобретали крупные размеры, другие же, наоборот, — мелкие. По анатомическому строению как первые, так и вторые формы близки. М. М. Кожов склонен считать, что при потере связи тех или иных форм с их родоначальниками также происходит возникновение новых форм. Объяснить образование видов только гибридизацией, как это делает профессор М. Г. По-

пов из Восточно-Сибирского филиала Академии Наук СССР, будет неверно, так как это уводит в сторону от принципов мичуринской биологии. Скачкообразной изменчивости при изучении фауны Байкала М. М. Кожову не приходилось наблюдать. Он считает, что в старом виде зарождается новый, но пути этого зарождения для разных организмов будут различными.

В. А. Флоренсова, работник института вакцин и сывороток, свое выступление посвятила изменчивости микроорганизмов. За последние годы накоплен большой фактический материал по изменчивости этих организмов как в природе, так и в эксперименте. Эти изменения настолько глубокие, что они приводят к возникновению новых видов. Касаясь стадийного развития микробов, В. А. Флоренсова отметила, что существенным отличием их развития от развития высших растений является: начало развития с доклеточных форм, а не с клетки; нерегулярность прохождения стадий и зависимость периодов развития от условий внешней среды; исключительная способность приспособления молодых стадий развития к условиям внешней среды, не имеющая себе равных у других более высокоорганизованных существ; возможность длительной стабилизации в той или иной стадии. Основными стадиями нужно считать доклеточную (фильтрующуюся форму), зернистую (микроформу), кокковую, бациллярную. Эти стадии объективно отражают в сущности филогенетическое развитие вида.

Многочисленные примеры трансформации одного микробного вида в другой, наблюдавшиеся при изучении регенерации фильтрующихся форм, имеют почти всегда одну закономерность — новый вид. Новый вид, возникающий после прохождения стадийного развития, соответствует обычно филогенетически более древнему виду. Так, из фильтрующихся форм дизентерийных микробов типа Шига образуется тип Флекснера, из тифозной палочки те же виды, из

дифтерийных палочек — дифтерониды типа бактерий Гофмана, из человеческого типа туберкулезных палочек — бычий или птичий тип.

В своем обширном выступлении работник Восточно-Сибирского филиала Академии Наук СССР Ф. Э. Реймерс ~~сначала указал~~, что сотрудники филиала не разделяют точку зрения профессора М. Г. Попова на гибридизацию как единственный путь возникновения видов, высказанную им на одном из занятий философского семинара, а затем подверг критике новую трактовку академиком Т. Д. Лысенко вопроса о возникновении особей нового вида внутри особей старого вида. Ф. Э. Реймерс считает, что зарождение крупинки нового вида в теле старого не подтверждено какими-либо фактическими данными. Больше того, новая трактовка вопроса о возникновении нового вида находится, с точки зрения диалектического материализма, в противоречии с более ранней, совершенно правильной, мичуринской трактовкой, данной самим же Т. Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ.

В заключение Ф. Э. Реймерс критически разобрал представление Т. Д. Лысенко о том, что виды возникают только путем резких скачков. Ссылаясь на классиков марксизма, Ф. Э. Реймерс отверг это положение и заявил, что в новой концепции о возникновении видов такие важнейшие категории диалектического материализма как понятие скачка и переход количества в качество применены односторонне, неполно и, следовательно, неверно. В этом вопросе, по мнению Ф. Э. Реймерса, Т. Д. Лысенко допустил исходную философскую ошибку, на чем основаны остальные его ошибки.

Доцент К. И. Мишарин свое выступление посвятил вопросу естественной регуляции численности животных. На ряде примеров он показал, что численность, темп роста, скорость полового созревания особей внутри вида находится в соответствии с условиями питания и другими факторами окружающей среды.

Доцент М. А. Иванов в своем выступлении остановился на видообразовательной роли отбора.

По мнению М. А. Иванова, отбор предполагает наличие какого-то разнообразия, которое обуславливается меняющимися условиями внешней среды. В селекционной практике направление отбора определяется человеком, а в природе неравнозначной приспособительностью особей данного вида к конкретным условиям среды. Раз особи неравноценны по своим приспособительным возможностям, то между ними при совместном существовании будут устанавливаться те или иные внутривидовые отношения, приводящие к большему сохранению в потомстве одних и к постепенному вытеснению других, менее приспособленных. Условия жизни определяют качественную и количественную стороны изменчивости и отбора — в этом ведущая роль внешней среды. Через изменчивость и отбор меняющаяся среда творит новые формы, новые виды. Совершенно неправильно считать, что фактором видообразования являются либо только внешняя среда, либо только гибридизация.

Касаясь новых взглядов академика Т. Д. Лысенко, М. А. Иванов возражает против его утверждения, что под влиянием новых внешних условий жизни внутри живого вещества одного вида образуются крупинки живого вещества другого вида, а, следовательно, сразу новый вид без какого-либо участия отбора.

Выступления на семинаре профессора М. Г. Попова показали, что он является сторонником устаревшей гибридизационной теории эволюции, высказанной еще в конце XIX — начале XX столетия Лотси. С этим взглядом участники семинара никак не могли согласиться. Анахронизмом надо также признать мнение профессора М. Г. Попова, разделяющего генную теорию наследственности (концепцию Менделя, Моргана).

По впечатлениям участников семинара дискуссия была полезной. На заключительном занятии решено в будущем году обсудить более узкие вопросы проблемы вида, а именно: «Динамика численности популяций» и «Проблема внутривидовых отношений».

Е. В. ТАЛАЛАЕВ, доцент,
руководитель семинара.

автором новой переименованной сводки Стейбингом (G. L. Stebbins
Variation and Evolution in Plants. 1950. New York. Columbia
University Press) и автором замечательной монографии
"Стадии эволюции растительных видов" Йенсом Клаусеном
(Jens Clausen, Stages in the evolution of plant species
1951. New York. Cornell University Press).

Клоско то, что иностранные книги с трудом доходят
до Иркутска, и еще хуже то, что, если даже они
случайно попадают в него, то остаются непонятыми
таковыми; даже преподаватели Университета не считают
нужными знакомить с ними студентов. При таком
положении вряд ли возможно поднять университетское
преподавание до уровня современной науки.

По существу понятие о геме, как было объяснено мной
в выступлении на семинаре, является биохимическим;
гем — это некоторая структурная часть молекулы рибонуклео-
вого белка, от которой зависит определенный процесс
формативный процесс онтогенеза; без понятия о геме
невозможна никакая генетика, и вообще нет нужды приди-
ваться этому понятию. Криминальное значение, связывая
с именем Морганна, также как нет оснований связывать
связывать гибридационную ^{теорию} (эволюции с именем Ломса.
В общем же, можно было бы ожидать от Э. В. Мамалева более
объективного изложения хода дискуссии и более глубокого на-
шого освещения проблемы видообразования.

М. Г. Попов

Иркутск. 17 мая 1954 г.

Очаровательна красота весенней природы в горах Средней Азии. Несравненны ее красоты даже там, где горы кажутся каменистыми и бесплодными. Коричнево-красные голые скалы прихотливыми острыми зубцами поднимаются на фоне весеннего синего неба за Яккабагом, а в глубине гор, в долинах небольших речек, орошающих сады, утопают в их зелени прелестнейшие поселки – прохладные, тенистые, наполненные журчанием горных ручейков и яркой зеленью весенней травы. Яккабакский бек нас принял прекрасно, даже с некоторой помпой. Он был рослый, красивый, молодой мужчина и, очевидно, любовался собой и своим состоянием, решив показать себя с наилучшей стороны. На его прекрасных верховых лошадях, застоявшихся в безделии в конюшнях, не требующих поощрения для бега, мы маленькой кавалькадой выехали в горы, чтобы посетить горное соление Той-Тюбе, в 20 километрах от Яккабага. Оно было действительно прекрасно: он был как прекрасный изумруд в красной яшме гор. Я нередко переживал ощущение полнейшего счастья, бесконечной спокойной радости, находясь в таких прекрасных уголках горной Средней Азии. Помню, совершенно такое же ощущение я испытал на горе Сюнт, взобравшись на нее весной: так несравненна была красота ландшафта, было так велико изобилие и яркость цветов, так очаровательны были небо и воздух. Я говорил тогда себе: если бы эту радость жизни, которую здесь ощущаешь с такой полнотой, можно было сохранить в себе навсегда, ты был бы счастлив всю жизнь. К сожалению, человек устроен так, что он не может за один раз насытиться на всю жизнь ни хлебом, ни вином, ни радостью; он не может забрать ничего, даже самого хорошего, в себе столько, чтобы потом не нуждаться в повторении; емкость его природы слишком мала. Так и с радостями, которая доставляет природа, в ее лучших местах и в лучшие моменты. Как она не сильна и не полна, она постепенно, а иногда и слишком быстро испаряется в неприятностях, огорчениях, обыденной серости жизни. Я никогда не страдал очень сильно; здоровая жизнерадостность нормального человеческого существа была во мне слишком сильна, чтобы поддаваться огорчениям жизни настолько, что и можно было назвать страданием. Я прожил не легкую жизнь; вряд ли ее кто-либо прожил легко, если дожил до 60 лет; но я никогда не чувствовал себя страдальцем. Быть может, ослепительно красные цветки тюльпанов, совершенно поразительные в сиянии солнца, на склонах гор, которые я видел в таком большом количестве и столь много раз, всплывая в моей памяти с поразительной яркостью, утешали меня в самые черные ночи моей жизни и давали то утешение, которое не допускало страдание. Самые красивые вещи в мире – это цветы и небо. Они ярки, чисты и непостоянны в окраске и форме. Ничего не может сравниться с неуловимой и прелестной игрой красок, изяществом форм. То чисто голубые, как цветы незабудок и чистое ясное небо; то ярко-красные, как тюльпаны и маки или горящие на закате багряные облака; то блестящие золотом лютики и края, озаренных солнцем туч, они подражают друг другу, – вернее цветы воспроизводят на земле игру и яркость красок неба, только прибавляют к ним еще поразительное изящество форм и нередко нежнейшие и чудеснейшие ароматы. Вспоминаю Батум, Ботанический сад зеленого мыса. Выхожу рано утром после ночного ливня. Уже взошедшее, но еще не высоко стоящее солнце сквозь кроны высоких деревьев бросает яркие и пронзительные, ослепительные лучи на кусты камелий. Их блестящие жесткие листья, смоченные дождем, с висящими по краям капельками воды, как бесчисленные зеркальца отражают острые лучи солнца, а между зеркальцами столь чудно и необычно

выглядающих листьев, глаз с упоением останавливается на бесчисленном множестве роскошных и пышных, свежих, снежно-белых, желтых, розовых или темно-красных бутонах цветов. Позднее через несколько часов эта неземная красота упадет на землю, устелет собой широкий круг почву под кустами и потом превратится в гниль. Чувствуешь себя восхищенным столь могучим воспроизводством такой несравненной красоты и подавленным ее поразительным позднейшим расточением. Кажется нелепой мысль, что столь совершенное изящество может быть произведено, как мы говорим, слепой природой; нет, создание столь совершенной красоты, не уступающей самым драгоценным полотнам наших художников, не может быть порождением слепого случая; в природе есть своя психическая жизнь, свое сознание прекрасного и совершенного. Не мог слепо, бессознательно возникнуть цветок орхидеи с его поразительной сложностью и изяществом формы и с ослепительной яркостью пестрой окраски. Никакой дарвинизм, несмотря на всю почтенность его идей, не сможет объяснить их происхождения механистическим путем. Тот, кто знает природу, знает, что в ней есть своя душа, своя психика. Не как автомат поет соловей; всякому ясно, что он понимает красоту своей песни и красоту кустов сирени в теплую майскую ночь, среди которых он поет свою песню любви после упоительного заката. Видеть во всем этом только механизмы, автоматически созданные отбором – столь же нелепая, столь и нечестивая мысль. Меня всегда трогал рассказ французского биографа о Святом Франциске Ассизийском, который будто бы первым из христианских святых научил монахов, что в блестящей чашечке лилии не скрывается дьявол, как им говорили раньше, а несравненная красота жизни, которая дана, чтобы человек ей любовался. По существу, это была нечестивая мысль. Если яркая чашечка лилии дана для наслаждения людей, то и блестящая чашечка молодой красивой женщины, логически рассуждая, дана для той же цели. Так, католические святые подготавливали путь к ренессансу классического, эллинского искусства и мироощущения. Оно оказалось довольно далеким от христианства Евангелия. Правда, Христос тоже обращался в своих проповедях к лилиям как примеру: «*Considerate lilia agri quomodo crescunt, non laborant neque nent. Dico autem vobis, quoniam nec Salomon in omni gloria sua coopertus est sicut unum istis*». И он видел их красоту. Но как далек он был от того, чтобы призывать любоваться ими. Он обращался к простому народу, свои ученикам – рыбакам, плотникам, которым и для которых, он знал, смешно рекомендовать сентиментальную любовь к цветам; они думали о более реальных и существенных делах – о хлебе, которым пропитаться, об одежде, чтобы покрыть свои оголенные тела; где-то вдалеке еще не ясная, как мимолетная мечта, в их голове мелькала мысль, что им предстоит, мечом и проповедью покорить мир, освободить закабаленных и нищих, разрушить объятые греховным тленом, но еще внешне могучее и прекрасное Римское государство. Христос знал, что при таких делах его ученикам не до любования цветками. И он называет лилии полевым сеном, которое сегодня растет, а завтра сжигается в печи. *Si autem foenum agri quod hodie est et cras in clibanum mittitur, deus sic vestit, quanto magis vos modicae fidei!* Христос весь здесь, в этих словах; он вождь людей для совершения людских дел, не для интеллигентского индивидуалистического артистизма. Для него лилия только красивое сравнение жесткой речи, чтобы ободрить свою армию бойцов, а в остальном – лилия, сено, полезное для сжигания в печке и только! А для Франциска, его отдаленного ученика, через несколько столетий, лилия – предмет любования, а христиан-

ство – средство для духовного восстановления Рима. Так одна и та же вещь, одна и та же мысль, одно и то же сравнение, служит для противоположно различных целей даже в устах единомышленников. История культуры и учит нас, что никакую мысль, никакое социально или иное суждение нельзя доводить до логического конца, ибо в этом конце оно начинает превращаться в свою противоположность и перестает быть пригодным для действия. Тот, кто хочет действовать, не должен поддаваться логике. Тот, кто способен по культурности к логическим суждениям, не может действовать, ибо логика его приводит к раздвоению. Первые, т. е. люди действия, всегда, в конце концов, совершив много дел, приходит не к тому, ради чего они свершали дела, а вторые люди логики, не совершая никаких дел, не знают куда идут и к чему придут. Положение и тех, и других одинаково не блестящее! Так и живет человечество, метаясь в действиях, которые не приводят к намеченной цели, или бредя без цели, с сознанием или без сознания бездеятельности, в хаосе мыслей, стремлений и возбуждений: тоже неутешительная картина! Особенно европейцы, слишком уж умные по их собственному мнению, слишком много думающие и слишком много действующие, создают чрезмерный хаос в мире. Все ужасные неразберихи, кровавый сумбур и сумятица, которая воцарилась с 1914 года, создана и до сих пор является плодом европейцев. Десятки тысяч их, если не сотни тысяч, облеченные властью и образованием политики и дипломаты, думают, рассуждают, примеряют, действуют, согласно своим рассуждениям, а хаос в мире все больше растет и расширяется. С другой стороны, в странах диктатур, делаются попытки в обширных размерах погасить этот бред и разброд мыслей и действий, унифицировать идеи, стремления, действия людей, выбить из их голов логику, заменить ее, привычкой думать так, как приказано. Уверяют даже, что так получается лучше. Ну, что же; быть может это и так. Нам, конечно, лично кажется, что получается одинаково плохо, но французская мудрая пословица говорит, что о вкусах не спорят, а в странах диктатур, если мягко выражаться, споры и не поощряются.

По поводу европейцев и не европейцев я не могу себе отказать в удовольствии, процитировать отрывок из одного из странных, нелепых рассказов Глинки:

«Спокойны жители Востока. Они удивляются живой, порывчатой деятельности суетливых европейцев. Важный, благовидный обитатель берегов Гангеса и Евфрата, безмолвно сидящий на узорчатом ковре своем, с улыбкой сожаления смотрит на странную деятельность Европейца, бегающего туда и сюда, иногда с необдуманной резвостью ребенка, но по большей части с некоторым тоскливым, многозаботным и нередко судорожным движением человека, как будто осужденного к какой-то страшной участи.

«Зачем же хвалятся они своими науками, своей философией», – говорят восточные о европейцах, – «когда их науки, когда их философия не дают им спокойствия? Стоит ли жить, чтоб тревожиться! Человек создан для покоя высокого, для созерцания усладительного». Испытатели природы приписывают действию солнца различие темпераментов. Полагают, между прочим, что сухость воздуха на Востоке унимает резвость крови. Неизвестно, достоверна ли сия причина; но действительно то, что жители Востока, богатые и бедные, занятые и праздные, любят молчать, задумываться и предаваться некоторой роскошной мечтательности, придающей и самой их наружности какой-то вид спокойного самодовольствия. Дикие, огненные, стремительные на войне, они мирные среди

мира, медленно-глаголивы в беседах, кротки, сладконравны²² в домах и кажутся тающими в роскоши садов своих. Их созерцательное бытие на земле проходит как долгая усладительная дремота».

От Яккабага мы поднимались в горы все выше и выше. Таш-Курган уже лежит в самом центре поднятия Яккабагских гор и окружен со всех сторон снежными хребтами. Ни шелковица, ни абрикосы не выдерживают холода того высокого плато, на котором расположен Таш-Курган; одни ивы украшают его сады – жалкое, северное украшение, в котором нет никакой экзотики. Далеко за этим селением по дороге на перевал Сангардак, в одном из боковых ущелий, верхи которого еще были устланы снегом, в отвесной стене ущелья, на большой высоте над его дном, лежит знаменитая пещера Кара-и-Широн. Высокий настил в виде пирамиды, сложенный из крупных камней, прислонен к стене ущелья под отверстием и позволяет подняться по его склонам к входу в него. С зажженными свечами в руках мы пошли по высокому почти горизонтальному ходу этой пещеры. Со стен текла вода, и, испаряясь, она оставляет на известняковой стене натек кальцита. Местами с потолка свешиваются толстые и безобразные сталактиты. Ничего красивого, в общем, в пещере я не заметил. Через 100 метров высокий коридор кончается и в его тупике видно небольшое круглое отверстие, как раз такое, что только может просунуться тело человека. Туда нужно опускаться уже на веревках, ибо за отверстием следует крутой обрыв. Мои спутники, чиновники бека, рассказали мне, что два года тому назад они спускались в пещеру с двумя иностранцами-учеными, как я узнал после, это были австрийцы Вилли Рикмерс и его товарищ геолог, кажется Клебельсберг. Они дошли до подземного озера, на берегу которого делали раскопки грунта и в последнем нашли остатки первобытного человека. Чиновники мне рассказали, что австрийцы, вернувшись в Бухару, ходатайствовали перед Эмиром о предоставлении им пещеры в аренду и о том, чтобы Эмир не разрешал никому спускаться в нее. Позднее я узнал, что эти ученые напечатали в одном австрийском журнале заметку о пещере Кара-и-Широн и о находке в ней остатков палеолитического человека. Мне удалось позднее посетить эту пещеру: она, по-видимому, очень интересна. Но через 4 года. Я имел случай исследовать другую пещеру, правда, иного строения, пещеру Кон-и-Гут в Ферганских горах: там я получил настоящий вкус к спелеологии.

Поездка в Кон-и-Гут происходила в совершенно необыкновенной для научных экспедиций форме. В стенах Университета было вывешено приглашение от Начальника Особого отдела Туркфронта, присоединиться к его экспедиции тем натуралистам, которые заинтересованы в исследовании пещеры; ни цели, ни места поездки указано не было. Так как я был молод и склонен к приключениям, а иных возможностей для поездки куда-либо в природу не представлялось – возможности тогда были малы – то я тоже принял приглашение и после некоторых справок и визитов в Особый отдел был принят в число участников экспедиции. Тогда мне стало известным, что она направляется в пещеру Кон-и-Гут.

Начальник Особого отдела имел большие возможности. Когда в назначенный день мы прибыли на вокзал, мы увидели стоящий перед нами целый товарный поезд, в хвосте которого был прицеплен классный вагон, в нем ехал сам Начальник, а нас разместили в товарном. В остальных вагонах бойцы-кавалеристы

---

²² В некоторых местах на востоке существует обычай, сидя с гостем молчать, думать, курить трубку и только от времени до времени спрашивать друг у друга: «Каково теперь расположение Вашего нрава?», на что отвечают: «Оно усладительно, как сахар». – *Прим. М.Г. Попова.*

с конями, пулеметами, кухней и всяким снабжением. Оказалось, что местность, куда мы ехали, была в руках нескольких басмаческих отрядов, и нам предстояло пробиваться к пещере вооруженной силой. В конце концов, все оказалось очень просто. Басмачи почти без сопротивления очистили Чарку и шли вглубь гор к Ревуту. Мы же с отрядом заняли позицию у пещеры, напротив них, километров в 10 от них. Позиция была прекрасна. С наших гор была хорошо видна подгорная равнина, простирающаяся к ущелью Ревута, и, во всяком случае, днем ни один всадник не мог проскочить через нее незамеченным. Конечно, ночью они могли подойти к нам без труда, ибо никакого охранения впереди нас не выставлялось; кроме того, они могли подняться на гребень гор выше нас, и тогда наше положение было бы критическим, но или у басмачей не было энергии, или они не хотели терять силы на нас, но мы спокойно провели 3 недели на своей позиции, ни разу ими не потревоженные. Конечно, все мы были вооружены, и даже ночью винтовка была у каждого под головой. Организована жизнь была чудесно. Рано утром, в 6 часов, гонг поднимал нас на ноги, и схватив котелки мы бежали к походной кухне, где повар оделял нас едой и чаем. Через 1/2 часа мы уже выходили на работу. Я лично должен был обследовать флору пещеры и гор, в которых она лежит. Так как в первый же день обнаружилось, что в самой пещере, даже у ее входа, нет никакой флоры, ибо пещера совершенно суха, то моей задачей должно было стать исследование флоры гор в районе пещеры, что вообще было для меня приятней. Но на пути к этому приятному делу встало неожиданное препятствие. Не оказалось никаких подходящих людей для обследования самой пещеры, хотя персонал экспедиции доходил до 20 человек и числил в своем составе и специалистов-спелеологов, и археологов. Это была странная компания. Помимо двух человек нас университетских, меня и физика Н.Н. Златовратского, в научном составе экспедиции были 3 человека из Музея – все трое бывшие военнопленные из австрийской армии, после войны, застрявшие в Ташкенте и работавшие там, в качестве научных сотрудников: один минерологом, И. Бездека, 2 – зоолога, из них один Квитон. Чехи были молодые люди и приятные, хотя простоватые парни. Но специальная спелеолого-археологическая часть повергла меня в истинное изумление. Во главе ее оказался уже не молодой, средних лет, бравый драгунский офицер Батенин; он сам считал себя спелеологом. Не помню теперь, что он рассказывал о своей прежней работе, но в Кон-и-Гуте обнаружилось с очевидностью, что никакой спелеологией он никогда не зани-²³

---

²³ Именно так заканчивается «Автобиография» М.Г. Попова.

Воспоминания об отце²⁴

Пишу эти воспоминания-заметки лежа: болею. Прежние годы думала, что, уйдя со временем с работы и имея больше свободного времени, я сделаю это лучше, полнее... Вот теперь и время есть, но из-за моего состояния они будут краткими и сбивчивыми и, конечно, хуже, чем могли бы быть. Мне неприятно писать эти первые фразы, но они нужны еще и для того, почему я не уточняю некоторые даты или названия, мест и не пользуюсь никакими документами, публикациями, даже из тех, что есть дома. Соответственно – это изложение того, что сохранилось в моей памяти (я была единственной свидетельницей событий, о которых пишу, или же, в меньшем числе случаев, узнала о них из ведущихся при мне в те годы разговоров родителей между собой; из рассказов отца; из рассказов мамы; вообще я всегда стараюсь каждый раз сослаться на источник сведений) о далеких временах, когда я была маленькой, подростком, или же юной и жизнь моя шла рядом с отцом – Поповым Михаилом Григорьевичем (1893–1955) – крупнейшим ученым, ботаником, автором многих работ, научных идей, ярким и самобытным человеком, горячим патриотом России и русской науки. Он был репрессирован в 1933 г. В момент ареста он был сотрудником Всероссийского института растениеводства, заведующим Отделом. Директором института был, как известно, Николай Иванович Вавилов. В институте начались аресты, Николая Ивановича арестовать еще не решались, но созданный им Институт начали громить и, конечно, губить дело...

Я понимаю, что часть написанного будет интересна лишь моим близким. Много – тем, кто знал и любил Михаила Григорьевича, увы, их становится все меньше и меньше.

Нужно знать не только число расстрелянных, сидевших в тюрьмах, в лагерях, сосланных, но как можно больше о них самих, в частности, те реальные события, участниками которых они были, и о людях, их окружавших.

Михаил Григорьевич был сослан. Ссылка не расстрел, не лагерь... но и она оборачивалась бедой на всю жизнь, даже если формально ограничивалась небольшим сроком. Судьба отца – свидетельство тому. А ведь через ссылку в те годы прошли многие десятки миллионов людей.

Отцом написаны две «Автобиографии». Одна из них, более подробная – он написал ее в последние годы жизни и, конечно, собирался продолжить – касается очень далеких, в основном, дореволюционных лет, хотя там есть экскурсы и в более поздние времена. Здесь надо сказать, что кроме сохранившихся тетрадей этой «большой» автобиографии, была, несомненно, еще одна тетрадь, хотя бы с небольшим текстом, так как текст последней, третьей, тетради явно имел продолжение. Но я эту отсутствующую тетрадь никогда не видела. Рукопись «большой» автобиографии хранится в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН²⁵; «маленькой» – дома. Машинописные копии – в ряде мест, в частности в библиотеке А.И. Солженицына.

²⁴ Печатается по сохранившимся рукописным и машинописным текстам из домашнего архива П.Л. Попова. «Воспоминания об отце» написаны во второй половине 1990-х гг. – *Прим. П.Л. Попова.*

²⁵ Переименован в 1991 г. в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Отца арестовали в апреле 1933 г., дома. Я не помню, как это происходило – мне не было и четырех лет. Возможно, я была у бабушки, в семье старшей маминой сестры Марии Кузьминичны в Детском Селе (вскоре муж ее тоже был репрессирован, сослан в Алма-Ата²⁶ и вся их семья уехала с ним).

Квартира в Ленинграде была в то время коммунальной. Нам принадлежали три комнаты в квартире по улице Блохина, 1/75 (75 улице Горького²⁷), четвертый этаж, квартира, кажется, 4, вход со двора²⁸. Жилплощадь была дана отцу, видимо, ВИРОм. Две сравнительно небольшие комнаты и одна крошечная проходная комната с окошком, выходящим на лестницу. Наша семья не занимала полностью эту площадь. Родители оставили себе длинную темную комнату с балконом-фонарем, поскольку при ней имела проходная маленькая, совсем темная, но она служила кабинетом отцу. В другую комнату, отделенную от нас длинным коридором, мама поселила, конечно, с согласия отца, среднюю свою сестру Нину Кузьминичну с семьей. В этой квартире на Блохина отца и арестовали.

Прежде вся квартира принадлежала прокурору Шарко (имя и отчество я не помню). Прокурором он был в старые времена. При нас Шарко и его жена занимали одну комнату, полную хороших вещей. Екатерина Михайловна, подтянутая, доброжелательно-сдержанная, средних лет дама, иногда звала меня к себе. Я любила у них бывать, помогать по хозяйству, у них было так красиво и аккуратно. Вскоре они оказались в Астрахани, в ссылке (или он или они оба были репрессированы, я не знаю, но уехала в Астрахань и Екатерина Михайловна). Несчастный Шарко сошел там с ума и умер. Были у нас еще соседи, кажется, имевшие отношения к НКВД²⁹. Держались они совершенно неконтактно.

После полутора месяцев тюремного заключения отец был судим «Тройкой»³⁰, обвинен по ст. 58³¹ и сослан на три года. Он также не имел права проживать в Москве и Ленинграде и, кажется, в столицах союзных республик, кроме Алма-Ата, куда его и сослали. Отец мне никогда не рассказывал и видимо, маме, что происходило с ним в заключении. Знаю лишь в пересказе мамы (но помнится мне, разговор этот шел при отце, так значит его свидетельство), что он не подписал сфабрикованные показания, хотя его и пытались заставить; говорилось, в случае, если бы он подписал их, его оправили бы в лагерь, как других, менее стойких.

С лета 1934 года я год жила с папой в Алма-Ата, месте его ссылки и многое помню отчетливо. На воспоминания этого года наложились видимо, и более поздние – мы с мамой приезжали к нему на лето – но разрыв во времени не мог быть большим: отец в 1938 году уже работал в Батумском ботаническом саду.

---

²⁶ С 1993 г. в связи с переименованием в официальном употреблении государственными органами Казахстана на русском и казахском языках город называется «Алматы».

²⁷ Кронверкский проспект. До 1993 г. – Проспект Максима Горького.

²⁸ Михаил Григорьевич с семьей проживал по адресу: ул. Блохина (бывшая ул. Церковная), д. 1, кв. 18.

²⁹ Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР) – центральный орган государственного управления РСФСР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1917–1930 гг. и в 1937–1946 гг.

³⁰ Особое совещание при НКВД СССР (ОСО, Особое совещание) – административный орган при НКВД СССР, существовавший с 1934 по 1953 год, которому в отношении лиц, признаваемых общественно-опасными, было предоставлено право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет и высылку за пределы СССР.

³¹ Статьи 58¹, 58^{1а}–58^{1г} и 58²–58¹⁴ Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. и более поздних редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность. В обиходе именовались «58-я статья». Отменена в 1961 г.

Первые мои воспоминания в Алма-Ата: большой одноэтажный деревянный дом, выходящий на немощеную пыльную улицу, с большими пирамидальными тополями вдоль нее, арыком. Название улицы, кажется, Малоалмаатинская, но я не полностью уверена в этом. Ворота вели во двор, за которыми, частично отгороженный амбаром, был общий с соседями яблоневый сад, как мне казалось большой и полный таинственности. Я была уверена, что там жили крошечные человечки в старинных длинных одеждах; были у них конные выезды. У нас было две комнаты и что-то вроде веранды. Соседом по дому был Иван Николаевич Перфильев, энтомолог, также ссыльный. У него был свой вход с улицы, но одна из дверей его комнаты вела к нам, и он приходил к нам столоваться – он жил один. А у нас в этот год была домработница хохлушка Галя – молодая, темноволосая, плотная, невысокая, очень жизнерадостная. Были и другие соседи, но их часть дома более изолированная.

Отец работал в Казахском филиале академии наук СССР³². Был всегда деятелен, предельно занят. Он довольно часто брал меня с собой на работу. Помню его окруженного сотрудниками, в основном молодежью. Среди них были ботаники И.А. Линчевский, А.А. Дмитриева, П.П. Поляков, орнитолог И.А. Долгушин. Отец любил играть с ними во дворе института в волейбол. Когда летом бывала в Алма-Ата мама, многие из них бывали у нас дома. Приходил и Н.В. Павлов, который вел себя достаточно бесцеремонно.

Отец, конечно же, кроме экспедиций, постоянно собирал гербарий во время экскурсий. Обычно присоединялся кто-нибудь из молодежи. Помню такой «выход» с И.А. Долгушиным. Были и кратковременные выезды на несколько дней на машине, например, на реку Или, или верхами. Отец и здесь бывал центральной фигурой, старшим товарищем, наставником, иногда вспыльчивым и резким, критикующим, но отходчивым, охотно и щедро передающим знания, делившимся впечатлениями и мнениями; очень откровенным в вопросах политических, что понимала и я, хотя была очень мала. К нему тянулись многие. Так, помню партийного казахского деятеля, казаха по национальности – молодого, очень красивого, стройного, обычно одетого во все белое, женатого на москвичке, удивительно красивой Кире Берсеневой. Вскоре он был расстрелян. Расстреляли и И.Н. Перфильева, нашего соседа – они проходили, как я слышала, по одному и тому же политическому делу. Скорее всего, дела, как такового и не было, во всяком случае, в такой форме, за которую надо было нести кару, тем более такую! Но какие-то «крамольные» разговоры были. Я знаю, что отец резко отрицательно относился к высказываемым планам по существу вопроса, не скрывал этого перед своими собеседниками, так как считал, что не надо по причине своих обид не видеть интересов государства. Речь шла, если все это точно пересказывалось потом взрослыми, об отделении Казахстана.

Однажды за город поехали мой отец, мать, казах, его жена и я. Наш спутник, пробуя брод через Малую Алматинку, был сбит, вернее, сбита была оступившаяся лошадь, быстрым течением. Как опытный наездник, он не выпустил из рук повод, и конь вытащил его на другой берег. Но конь и всадник какое-то время бились среди валунов в стремительном потоке. Кира Берсенева, теряя сознание, бледная, откинулась в седле назад. Ее успел подхватить подъехавший отец. Несмотря на случившееся, спутник наш, в мокрой белой одежде, был бодр и

---

³² Казахстанская база Академии наук СССР, созданна в 1932 г. В 1938 г. база преобразована в Казахский филиал академии наук СССР (КазФАН СССР).

улыбался совершенно спокойно. Мы все же рискнули перебраться через речку. Подо мной был, как обычно, тяжелый большой мерин по кличке «Мастодонт»; к седлу меня привязывали, подложив овечий тулуп, привезенный папой из Северо-Западного Китая. Назывался тулуп «Черное Море».

Ходили мы с отцом в Горельник (кажется, одиннадцать километров от города), где была не то станция, не то стационар Казахского филиала. Поход был для меня, конечно, утомителен, но нести себя я не позволяла, и как рассказывал отец, на вопрос, не устала ли я, отвечала: «Нет, но почему-то вижу сны». Возвращались мы затемно. В одно из посещений Горельника на каком-то конном транспорте получили в подарок от папиных знакомых щенка сеттера-лаверака; назвали Одор, в домашнем варианте Егорка. Отец, когда собака подросла, охотился с ней на фазанов, а уезжая из Алма-Ата, подарил пса П.А. Чабану, работавшему, кажется, в Ботаническом саду, своему близкому знакомому, спутнику по экспедициям и охоте. Помню, как с охоты привозили фазанов, красавцев-петухов; безудержную радость и энтузиазм добряка Егорки при возвращении домой.

Вспоминаю любимую в те времена фразу, часто папой повторявшуюся: «горячий, сладкий чай укрепляет нервы». И такой чай у него был постоянно под рукой, не только дома, но и на работе.

Но помню частые полушутливые жалобы на то, что он несчастный, никто его не жалеет. Иногда отец впадал в мрачность, раздражительность, говорил горькие слова. И мне доставалось: в такие моменты реакция его на мои невольные провинности (помню, потеряла ключ) была бурной и чрезвычайно тяжелой, наверное, и для папы, когда он приходил в себя. Я была очень кроткой и тихой, многое понимала. С тех пор и навсегда во мне поселилась тревога за отца, и дальнейшие события только усилили ее. Уже тогда я знала, что ему трудно ладить с казахским начальством, обычно невежественным, да и с русским, что, наверное, есть много других причин для огорчений. Характер отца, индивидуализм, требовательность к себе и людям, не способствовали легкой жизни. Не говоря уже о положении ссыльного и общей обстановке в стране. Сказывались, конечно, и разлука с ВИРОм, с семьей. Помню, какими счастливыми отец и мать (она приехала на лето) возвращались как-то ранней осенью с гор, верхами, на одичавших, отъевшихся за лето конях. Шел дождь, на голове у родителей были брезентовые экспедиционные мешки из под продуктов...

У папы была злая, норовившая укусить и лягнуть, горячая и упрямая Рыжка, у мамы Талгар – казенные экспедиционные лошади. После безлюдья и тишины гор непривычные звуки и движения пугали их. Около нашего дома, одна из них, видимо, Рыжка, от звона притороченного к седлу тазика для промывки горной породы, взвилась на дыбы, испугала осла, на котором ехал бабай³³ с мешком старой обуви. Ишак кинулся в сторону, и старику долго пришлось собирать ботинки вдоль улицы. Рассказывали, что в экспедиции нередко садиться на Рыжку отцу удавалось, лишь подкравшись к ней и вскочив быстро в седло. Когда ее седлали, она надувала живот, чтобы подпруга не давила. Отец при таких ее маневрах тоже проявлял характер, что меня очень огорчало. Сбитые вьючными ящиками спины лошадей, что в горах на спусках почти неизбежно, тоже тяжелое зрелище.

---

³³ Старик.

...Еще несколько слов о И.Н. Перфильеве, нашем соседе. Это был тихий, мягкий человек, очень рассеянный, что давало, увы, повод нареканиям и насмешкам; мало приспособленный к быту. Тарелки он старался не мыть, а покупать новые. Со мной был добр, учил ловить бабочек сачком, а ночных – на керосиновый фонарь. Помню, как приезжала к нему жена с двумя сыновьями-подростками и собакой-боксером. Позже со слов близких, я узнала, что он был расстрелян. Много позже в Зоологическом институте АН СССР мне говорили, что И.Н. Перфильев был выдающимся специалистом по нематодам, человеком редкого таланта. В Алма-Ата он, видимо, занимался энтомологией, поскольку я помню его большую коллекцию бабочек.

Ярко вспоминаю, это было, несомненно, позже 1934 года, наше пребывание летом в Тургене³⁴. Папа, мама, приехавшая также из Ленинграда старшая дочь отца Вероника, и я, жили в яблоневом саду на пасеке в палатках. Был с нами и гнедой конь по кличке Васька-Лаперуз. Конь получил свое новое временное прозвище как путешественник, у нас с собой была книга о Лаперузе; а вообще-то он был неказист, видимо, стар и поэтому, наверное, не участвовал в настоящей экспедиции. Отец учил мою сестру ездить верхом и на ее слова «боюсь», «разобьюсь» внушал ей с полной серьезностью, правильное, по его мнению, представление о степени ценности ее жизни для общества, это могло относиться и ко мне. Отец считал, что не надо переоценивать себя и внушал нам это с детства. Время было жестким. И взгляды часто расходились с чувствами.

Помню мед в сотах, приносимый пасечником, привкус воска; горную речку, роскошные луга вокруг с множеством бабочек, особенно тяжелых в полете белых с красными пятнами аполлонов. В речке я мыла скребком коня, вернее, его брюхо: чтобы достать до боков и спины мне приходилось становиться на валун. В речке, видимо, Малой Алматинке³⁵, было много рыбы-маринки. Отец с удовольствием ловил ее, я – тоже.

Зимой же мы с папой ходили на лыжах. Снега в Алма-Ата были большими, чистыми, искрящимися на солнце; с крыш часто капало, и с них свисали роскошные огромные сосульки. Весной пели соловьи прямо перед домом... Помню, как папа штопал мне чулки красными и зелеными нитками, видимо, Гали в то время у нас не было. Когда Галя жила у нас, она часто брала меня на рынок, расположенный недалеко от нас, за мостом; мы почему-то часто покупали печень, и она жарила ее. Галя вряд ли была искусным поваром, но отец не был прихотливым в быту и мы были вполне довольны.

Помню, как удивляло меня, что на совсем еще тонких молодых деревцах, на тонюсеньких веточках висят огромные пестро-красные яблоки – знаменитый апорт. Но любимым нами сортом была желтая с белыми крапинками, сплюснутая с полюсов, с чудным запахом «лимонка». Этот сорт был и в нашем саду. Он существует и теперь, но, видимо, в какой-то степени выродился и потерял свой несравненный вкус и аромат.

В 1988 году я искала нашу улицу, Чугуевский рынок, но нашла асфальт, многоэтажные стандартные дома, безликость...

---

³⁴ Турген (каз. Түрген, до 1921 г. – сел. Михайловское) – село в Енбекшиказахском районе Алматинской области Казахстана. Находится у подножья Тянь-Шаньских гор, в 12 км к востоку от г. Есик и в 60 км от г. Алматы. Известный в Казахстане район виноградарства и виноделия.

³⁵ К востоку от села Турген протекает речка Тургенка, впадающая в реку Или.

После темной комнаты Ленинграда и двора-колодца жизнь в Алма-Ата была для меня райской. В Ленинграде я часто болела, в Алма-Ата же помню лишь «солнечный удар», но папа тут же отвез меня в горы и все прошло.

Когда я жила в Ленинграде, от отца из Алма-Ата приходили посылки с виноградом в опилках, яблоками. Как все это пахло! Потом из Батума³⁶ с грейпфрутами. Одно время я тяжело болела почками и когда несколько окрепла, по наущению мамы отнесла часть золотисто-зеленых плодов врачу Добровольскому, жившему в доме напротив. Тогда грейпфруты были малоизвестны.

В Ленинграде мне жилось нелегко. Наша большая комната, длинная, темная, в которой в пасмурные дни и днем горел электрический свет, была мрачной – свет шел через застекленную дверь, ведущую на маленький закрытый балкон-фонарь, выходящий на улицу Блохина. Днем мама была на работе, в Библиотеке академии наук (БАН), вечером у друзей или где-нибудь с друзьями. Меня она несколько раз брала к знакомым, но я чувствовала себя скованно. Человек эмоциональный, мама, видимо, просто не могла оставаться в комнатах, где раньше, еще недавно, жила семья, теперь разрушенная, и где прежде шла яркая, бодрая, интересная жизнь. В годы жизни в Ленинграде без папы у нас все время ощущалось его присутствие, правильнее сказать, его горькое отсутствие. Мама много курила «Беломорканал», а когда было туго с деньгами, «Лайку» и другие, называвшиеся не то «Шипка», не то «Пушка».

Считалось, что я дома оставалась не одна, а в семье ее средней сестры. Но это было лишь отчасти так. Я там обедала и проводила часть времени, но за столом была закрепощенной, стеснялась. Муж тети Нины Александр Оскарович Гельгар за обедом в большей степени, чем обычно, бывал, молчалив и сдержан. Специалист по кино и фотоаппаратуре, он работал на Ленфильме. Насколько я знаю, он автор фотоаппарата «Спорт» и принимал участие в создании аппарата «Киев»³⁷. Вся их семья (четыре человека) жила в одной комнате (бывшей нашей). Члены семьи Гельгаров у нас почему-то не бывали, только тетя Нина заходила к нам ненадолго, когда приводила меня. Вечерами дядя Шура дома работал, подрабатывал: «служил» только он один. Поэтому я не могла находиться у них постоянно, хотя мне никогда не давали понять почувствовать, что я лишняя.

Болезненной для меня была и моя внешняя неухоженность; мною в этом отношении не занимались в семье тети Нины, считая, отчасти справедливо, что это дела моей мамы. Одежды у меня было достаточно, но многое обычно было не в порядке, особенно смущали часто незаштопанные чулки, нередкое отсутствие носовых платков. Со временем я, конечно, научилась, под руководством тети Нины, чинить себе вещи, накладывая штопку.

Вечером тетя Нина приходила посмотреть, легла ли я, или приводила меня в нашу комнату из своей. На вопрос, страшно ли мне засыпать одной, я из самолюбия и стеснительности отвечала «нет», но каждый вечер умирала от страха: скрипел паркет, что-то потрескивало. Я закрывалась одеялом с головой, но это помогало мало. Я оставалась одинокой и когда пошла в школу. Училась я хоро-

---

³⁶ Батуми (до 1936 г. – Батум) – город и порт в Грузии, на побережье Черного моря.

³⁷ Александр Гельгар – конструктор фотоаппарата «Спорт». Является одним из организаторов киностудии «Туркменфильм», где в 1929 г. на сделанном им станке был снят первый в истории туркменский мультфильм. Первую свою камеру он сконструировал, когда ему было 9 лет. А. Гельгар известен также как конструктор кинопередвижек – мобильных кинозалов, которые оставались популярными в СССР до 1970-х гг. известен также как конструктор кинопередвижек – мобильных кинозалов, которые оставались популярными в СССР до 1970-х гг.

шо, помню, «тройка» в тетради, а это были считанные разы, воспринималась как драма. Со всеми была в ровных, хороших отношениях. Но близких подружек у меня не было, во всяком случае, практически никто из соучениц не бывал у нас дома, и я ни у кого не бывала. К школе я не привязалась. Наверное, сказалося то, что я до паники боялась вызовов к доске, вообще опроса: я знала урок, но боялась растеряться, боялась, что не смогу толком ответить. Да и пугало общее в таких случаях внимание. Наверное, я всегда подсознательно ощущала, что я дочь ссыльного. В школе это, конечно, было известно и не только педагогам, которые, надо сказать, были всегда ко мне справедливы, отстраненно доброжелательны. Непосредственно наша первая учительница, Юлиана Степановна, была добрым человеком, и весь класс ее очень любил.

В классе больше всего я общалась с Таней Сушко и очень между собой дружными Риммой Эдельштейн и Фридой Мармельштейн. Все три девочки жили напротив нас через дорогу и были, несомненно, из очень благополучных семей. Во дворе я играла с Таней Дербеневой, славной девочкой (отец ее, портной, был репрессирован). Таня стеснялась своего вида, вся одежда ее была ей мала, а новой купить не могли. Как сложились их жизни, успели ли они уехать из блокады?! Позже, бывая в командировках в Ленинграде, я пыталась отыскать след Тани Дербеневой. Ходила в квартиру, где она жила когда-то, но новые жильцы уже ничего не знали о Дербеневых.

Было, конечно, и много хорошего в тот период моей жизни. Семья тети Нины считала меня своей. Александр Оскарович, дядя Шура, был ко мне, несомненно, привязан, брал на колени, шутил со мной. Его мать, молчаливая, грустная, красивая, полная украинка, Мария Александровна Коновалова, была очень добра ко мне. Тетя Нина меня, конечно, любила, двоюродная сестра Алла относилась дружелюбно; но подружкой моей она быть не могла, поскольку была старше.

Помню, жизнь с Гельгарами летом в Разливе³⁸: море, песок, солнце! Правда, там на меня рассердились – я выпустила из банки, опустив в нее соломинку, пойманного дядей Шурой и Аллой какого-то водяного жука, пожалела его. А поскольку Гельгары на меня сердились, то я очень огорчилась.

Дядя Шура имел «золотые» руки. Какие он делал игрушки на елку! Он прекрасно рисовал, очень хорошо рисовала и моя мама. Она совсем молоденькой, еще в Средней Азии, кончала какую-то студию. Ей, конечно, нужно было и позже, в Ленинграде, когда мы жили там семь лет без папы, серьезно заниматься этим. У нее, несомненно, был талант. И помочь тогда же и мне: я постоянно рисовала, и, как говорили и дома и в школе, очень хорошо. Рисунки старших доставляли нам, детям, огромное удовольствие, особенно, когда они рисовали «одежду» рисованным плоским куклам, что нам с Аллой очень нравилось. В те вечера, когда все были дома, играли в «блошки», бильбоке, бирюльки.

Помню, как мама читала мне во время моей болезни Сетона-Томпсона, книги «Без семьи», «В семье», «Маленький лорд Фаунтлерой», переложение Шекспира, выполненное для детей. Был у нас и Жюль Верн и Стивенсон – скоро я начала читать сама. Особенно я любила Сетона-Томпсона, так как любила и жалела животных. Мимо нашего дома часто вели лошадей, запряженных в подводу с тяжелым грузом, кучера безжалостно стегали, подгоняя, несчастных жи-

---

³⁸ Сестрорецкий Разлив – искусственное озеро, созданное во времена Петра I путем запруды реки Сестры и реки Черной. Муниципальное образование Сестрорецк, Курортный район Санкт-Петербурга.

вотных. Время было безжалостное не только к людям! Обижали и собак, птиц. Люди при этом проходили мимо. Наверное, будь я менее эмоциональным, нервным, более здоровым ребенком, мне жилось бы лучше.

Отец был сослан на три года (это было еще «мягкое» время), дорожил Ленинградом, в первую очередь, несомненно, работой с Н.И. Вавиловым. По прошествии трех лет он до сорокового года, по крайней мере, дважды делал попытки вернуться, но ему предписывалось немедленно уезжать. Была в те времена такая формулировка: «в двадцать четыре часа», «в сорок восемь часов».хлопоты Н.И. Вавилова не могли помочь, скорее, наоборот. По рассказам мамы, она ходила к Николаю Ивановичу в ВИР, он был, как всегда внимателен и добр, сажал меня в свое кресло... Несомненно он пытался помочь отцу. Помню, что также в связи с папиными делами приходила к нам домой Гали Михайловна Попова, бывшая папина жена, мать Вероники. Я изредка бывала в те годы у них дома на улице Воинова³⁹: они жили втроем с мамой Гали Михайловны. Гали Михайловна тогда и потом была доброжелательна в отношении меня; много позже, в разгаре лысенковщины, она пыталась меня «вразумить», говорила, что я не смогу жить и работать, имея мои взгляды, т. е. считала, что надо иметь больше гибкости. И не скрывала, что боится за Веронику, на которую я оказывала в этом отношении плохое влияние.

Один раз отец приехал в Ленинград непосредственно под Новый Год. Появилась и в нашей комнате елка. Ее украсили гирляндой ярких электрических лампочек. С этих пор елка с цветными огнями имеет для меня непередаваемое очарование. Я всегда на Новый Год ставлю такую же небольшую елочку, украшаю ее гирляндой фонариков и сидя около нее, вспоминаю те далекие времена и то, как я сидела тогда у отца на коленях... Но через день-два он должен был уехать!

До конца жизни отец, приезжая в командировки, должен был получать разрешение на пребывание в Ленинграде на оговоренный срок с соответствующим учреждением. Если ему необходимо пробыть несколько дольше, нужно было новое оформление – новая просьба БИНа, к которому он был прикомандирован и так далее. При этом разрешение давали не всегда. Помню, как кажется в 1950 году, отцу пришлось уехать в такой ситуации из Ленинграда в Лугу, так как ему запретили остаться в Ленинграде дополнительно на одну ночь. Я училась тогда в Ленинграде; в тот же вечер, поздним поездом я тоже уехала в Лугу, чтоб подольше нам побыть вместе. Помню, как папа обрадовался моему появлению, шутливо назвал меня «авантюристкой», а через несколько дней (днем он мог появляться в БИНе, чтобы закончить срочные дела), уехал назад на Сахалин... Реабилитирован отец был в 1956 году, уже после смерти. Смягчение режима его, таким образом, почти не коснулось.

После Алма-Ата был Батуми, а в 1940 году, полностью потеряв надежду на возвращение в Ленинград и, понимая, что приближается война, папа забрал нас к себе в Самарканд. Ленинградская квартира была поручена маминой сестре, тете Нине. Она с двумя детьми (сын у нее родился перед самой войной) покинула уже блокадный Ленинград и шла часть пути пешком по Ладоге. Александр Оскарович выехал позже. Квартира для нас всех пропала навсегда, поскольку ничего не было оформлено, да, возможно, и не могло быть оформлено без маминого присутствия. Пропали и те немногие вещи, что у нас были. А в Самарканд мы

---

³⁹ В 1991 г. улице возвращено историческое название – Шпалерная.

приехали почти без вещей; вероятно, мама считала, что еще съездит в Ленинград.

Много позже я делала попытку вернуть прописку и площадь (было какое-то постановление в хрущевские времена, на которое опиралась при этом), но мне ответили, что меня никто не ссылал (а ведь мне было меньше четырех лет, когда арестовали отца!) и что у меня вне Ленинграда есть площадь. Вот если бы ее не было...

В Самарканде отец заведовал кафедрой в университете, мама была ассистентом на кафедре геологии. Но спокойно жить и работать удалось лишь один год. Но какое яркое и чудное время это было! Мы здесь жили в одноэтажном доме (по ул. Розы Люксембург, дом 19 – ?), также с большим и также общим для всех жильцов садом. В саду было три дома, в которых жило несколько семей. Наш дом был сперва на две семьи, у нас первоначально было две комнаты с деревянным полом, а также большая комната-кухня и при ней маленькая комнатка справа от входа. Комната-кухня выходила в сад, поэтому в войну при уплотнении родители оставили комнату-кухню и комнату при ней. Холодный пол из какой-то плитки зимой был очень неприятен. Окружал общий сад длинный забор-дувал. Зимой, ранним летом на нем цвели красные маки, ворковали горлинки. В саду персиковые, абрикосовые деревья, яблони, большая черешня, гранатовый куст; у входа – вишня. Спали в теплое время, во всяком случае, молодежь под фруктовыми деревьями на раскладушках или на чем-то вроде них, подложив нередко под подушку то недозрелые еще абрикосы (мы почему-то любили их больше спелых), то яблоки.

В соседнем доме жил папин сотрудник Кадыр Закирович Закиров и милая русская жена Анна Кузьминична. Детей у Кадыра Закировича было много. С моими сверстниками Алиной и Нариманом (детьми от первого и второго брака) я дружила, они были очень славные и добрые. Пулат и Вероника, любимцы Кадыра Закировича, были значительно младше; Юля и очаровательная Флора («Фоська») были совсем маленькими.

Самые яркие впечатления это походы с отцом на Сиаб (речка и кишлак), Вагалык, расположенные дальше, выезды или походы на Зеравшан (помню, были там как-то с Закировым). Удивительны и прекрасны были контрасты между пустынными пространствами природы в речных долинах. Но ранней весной сухие, летом холмистые окрестности Самарканда покрывались красными тюльпанами. Помню их в районе Шах-и-Зинды. Их листья, несколько волнистые, сизые, по утрам были все в каплях воды. А ближе к лету – моря красных маков при подходе к Сиабу! В сухих местах летом была масса черепах и желтопузиков. Трогательны были маленькие черепашки с мягкими панцирями. Находили мы черепах и черепашат даже в нашем саду у дувала. Дома у нас жил ежик, любил спать у папы в постели под боком. Когда отец поворачивался во сне, он поднимал иголки, а забирался к папе ночью по спустившейся простыне.

Жители кишлаков были приветливы и гостеприимны: увидев путников, несли фрукты и арбузы. Об оплате не могло быть и речи. Вообще люди в основном были контактными. Соседи жили очень дружно. Помню, как мы, в другой раз Закиров, как-то и кто-то еще, покупали барана, звали узбека, специалиста в таком деле – свежевать и разделывать его, а далее всем «обществом», с соседями по саду готовили плов (под руководством Кадыра Закировича), который радостно и весело съедался тут же в саду. На следующий день из головы и ног ва-

рился холодец, и тоже было пиршество. Вина не бывало, не было его и в застольях дома.

Местные жители, тем более в кишлаках, алкогольные напитки не пили, во всяком случае, я не помню, чтобы я их там видела. Но и в городе я ни разу до войны не встречала пьяных, а в нем жили кроме узбеков и таджиков, много русских, были бухарские евреи, армяне. Думаю, что это не ошибка памяти. В войну все изменилось. Прежде всего, отношения между людьми. Был ряд причин. Многим из местных жителей, особенно из дальних кишлаков, была непонятна и далека эта война; мобилизация молодых мужчин ожесточала население. Поток хлынувших эвакуированных состоял не только из несчастных, часто потерявших близких людей (большинство не уезжали столь далеко). Много было нахальной, беспардонной, не уважающей местных нравов и обычаев и не желающей считаться с ними публики, нередко денежной. Она все вокруг себя развращала, в частности, перехватывая за большие деньги на базарах продукты. Вскоре у жителей окрестных кишлаков и горожан, державших скот и имевших сады и большие огороды, появились мешки денег, и их охватила жажда наживы. Трудно поверить, как быстро сломалась старая жизнь.

Еще немного о нашей довоенной жизни в Самарканде. Мы любили старый город с Регистаном, Биби-Ханум (тогда полуразрушенный), Гур-Эмиром. Особенно восхищался отец строгим благородным обликом Гур-Эмира. Какими поэтичными были улицы ремесленников, всюду в их лавках висели клетки с перепелами. Помню чайханы у арыков с чистой водой. Ягоды тутовника на земле под деревьями, которые без опасения мы, дети, ели их прямо с земли. Всюду аромат шашлыков, лепешек, тут же выпекавшихся в тандырах. Опрятные, степенные старики в чалмах, пьющие неторопливо чай из пиал.

В этом же сороковом году мы всей семьей на лето уехали на Валдай, в с. Зимогорье. Мы были там и прежде (в 1939 году?). Чудное, большое озеро с крупным островом, на котором был монастырь. Помню и маленький остров, мы называли его «Необитаемым». Мы добирались до него на лодке. Он был поросшим лесом и недалеко от берега были целые поляны спелой земляники. Помню крупные стайки окуней над песчаным дном в прозрачной, пронизанной солнцем воде. Отец увлекался рыбалкой. Вспоминаются цветущие луга вокруг, масса земляники, походы с местными ребятами за малиной. Белые водяные лилии на небольших лесных озерах.

В первый наш приезд в с. Зимогорье жила с нами Вероника с бабушкой (имя и отчество я не помню), мамой Гали Михайловны, очень любившей нашего отца. Вскоре она уехала на Валдай жить с тем, чтобы там и умереть. Рассказывали, кажется, Вероника, что в молодости бабушка была так красива, что ей предлагали участие в конкурсе красоты в Париже, на что она ответила, что «она не корова» – это ответ говорит о ее нраве и возмущении, поскольку я помню, что она была очень образованной и обычно выдержанной и ровной в обращении.

Жили летом с нами и тетя Нина с Аллой. Проводил лето в Зимогорье и Е.Г. Бобров с женой Л.А. Куприяновой и маленькими сыновьями (в первое лето второго сына еще не было). Старший «Додо Бобор», как он себя называл, был очень симпатичный и очень всех забавлял. В то время отец так любил Евгения Григорьевича, и тот платил ему признательностью и уважением. Я помню разговор родителей: его и С.Ю. Липшица отец отмечал, как способных и самых симпатичных ему молодых ботаников.

На Валдае отец учил меня хорошо плавать, при этом достаточно жестко. Вдали от берега, по его совету, я спускалась из лодки в воду, охотно, но, конечно, побаиваясь, и долго плыла рядом с лодкой. Отец сидел в лодке с невозмутимым видом, а мама была в панике. Но зато позже в воде я не знала страха и усталости.

Зимогорье было небедным ухоженным селом, растянувшимся вдоль тракта. Озеро – рядом. Какие песни пелись по вечерам, как замечательно. Обычно на голоса. Просто выходили на улицу, садились на лавочку, подходили соседи...

В домах – идеальная, до блеска чистота, в промытых окнах яркие цветы, в основном герань разных расцветок. Большой комнатой окнами на улицу, нарядной, пользовались мало. Основная жизнь шла в помещении, расположенном ближе к входной двери. Тем более что в первой же от порога комнате-кухне была русская печь. В нее, горячую, по вечерам ставили в печном горшке залитую молоком сырую картошку или какую-нибудь крупу. Утром была еда – наплевшая, с коричневой толстой пенкой, очень вкусная и еще горячая. Яйца варились в самоваре: их укладывали над сужением стенки самовара под крышкой. Такой быт, видимо, был характерен для большинства семей в селе. Молоко, яйца, мука, крупы, не говоря уж об овощах, были в достатке. Не помню, чтобы варили мясо, но летом оно и не было нужно. Хлеб пекли сами.

У нашей хозяйки, статной, степенной, еще не старой, было два, вероятно, женатых – они жили отдельно – красивых, рослых крепких сына. Они приходили помогать матери. Помню, как привозили и сгружали сено, очень ловкие и деятельные. Война, вероятно, их, как и других, погубила, а село искалечила.

Когда арестовали Н.И. Вавилова, мы были, наверное, еще на Валдае и соответственно отец узнал об этом не сразу. Я помню, когда и от кого он об этом узнал.

В этот предвоенный год я очень окрепла, что в страшные последующие годы спасло не только меня, но и отца, дав мне силы выхаживать его в течение долгой, практически безнадежной болезни. Но об этом – несколько позже.

Война застала родителей в экспедиции, меня – в Чимкенте, где я гостила в семье маминой старшей сестры Марии Кузьминичны. Ее муж, Владимир Александрович Вышенский, инженер, по словам его близких, из семьи военных моряков, был, как я уже говорила, репрессирован и сослан в Алма-Ата. Вскоре семья переехала или была выслана в Чимкент. В семье было трое детей: сын Виктор, помладше меня, и две маленькие дочери Маргарита и Ирина. С ними жила их и моя бабушка Александра Ивановна Смирнова, в свое время кончившая Николаевский сиротский институт. Ее муж, наш дед, Кузьма Александрович Смирнов, внук сестры Д.И. Менделеева был расстрелян в Ашхабаде в 1921 или 1922 году. Знаю из рассказов, что он отказался, будучи директором банка, дать согласие на вывоз из России за границу хранящихся в нем ценностей, считая их народными. И вообще был честнейшим и благороднейшим человеком.

За несколько лет, что провела семья Вышенских в Чимкенте до войны, она превратила данное ей скверное жилище и выбитый двор в образцовое: у них был огород и масса цветов вокруг дома, крокетная площадка, чистота и порядок в быту, чистые и нарядные дети. А зарабатывал, во всяком случае, в сороковом году на всю семью только Владимир Александрович – он отвечал за технику на мелиоративных работах. Тетя из самых дешевых тканей делала красивую одежду, украшая ее вышивками.

Родители заехали за мной, и мы вернулись в Самарканд. Отец подал заявление на фронт (так тогда это формулировалось), но его не взяли. Он считал – как ссыльного, хотя формально ему сказали, что профессоров на фронт не берут.

Университет в Самарканде был вскоре закрыт, его сотрудников перевели в Ташкентский университет. Отца – нет, опять же, как ссыльного. Из научных сотрудников кафедры ботаники осталась лишь Раиса Александровна Малышева (она была даже не сотрудницей, а аспиранткой). О ее роли в выздоровлении отца я еще скажу. Мама пошла работать в детский дом воспитателем, недолго работал в нем и отец, как «специалист по огородничеству». Ребята в детском доме были в основном потерявшими родителей уже в войну. У нас обсуждался вопрос об усыновлении очень славного, но замкнутого и грустного подростка по фамилии Куба. Но скоро папа стал болеть. Позже он устроился в институт каракулеводства, читал лекции или был еще как-то связан с сельскохозяйственным институтом и военно-ветеринарной академией, эвакуированной в Самарканд. Но болезнь усилилась, он худел, ноги стали отекать все больше, нервы – сдавать. Мама уехала работать на вольфрамовые и молибденовые рудники; работа была геологическая, а не инженерная, конечно. Начальником группы был геолог Крюков, он, видимо, и сформировал ее. Мама плохо была приспособлена к тем тяготам, которые на нас обрушились. В более благополучные времена она была подвижной, общительной, прекрасной рассказчицей, избалованной вниманием окружающих. Теперь же все стало иначе – нервные срывы в жуткой форме, беспомощность, у нее стало плохо с сердцем. С папой отношения испортились, да и он стал труден и несправедлив по отношению к ней, ведь он был болен. Она, конечно, любила и жалела отца, но было решено, что ей лучше уехать. Наверное, одной из причин отъезда мамы было то, что НКВД вынудило ее следить за семьей, которой нас уплотнили: я как-то увидела на столе короткий текст, написанный маминым почерком «... к Якобсону никто из посторонних не приходил...» и что-то еще, столь же нейтральное. Подпись – Кулькова. Мама со мной об этом не говорила, я не спрашивала. Как об одной из причин ее отъезда об этом обстоятельстве я подумала лишь теперь, хотя хорошо помню, что на меня тяжело подействовал факт нажима на маму со стороны НКВД. Хотя и удивления не было; я знала, что у нас в стране это обычная практика. Да к тому же шла война, а семья Якобсона была необычной, я скажу об этом позже.

Со мной папа был более терпелив, часто даже нежен, я же была достаточно самостоятельной в быту, хозяйственная и проворная, хотя и было мне всего 12 лет. Мама приезжала к нам редко. Ее, конечно, держала работа, да и путь был далеким и опасным: ей приходилось идти какую-то часть пешком одной в горах. Но когда отец уже практически умирал, она оказалась дома, получив, видимо, от кого-то весть.

В начале болезни папе ставили неверный диагноз – алиментарная дистрофия. Велели лучше кормить. Я делала для этого все возможное. Выращивала барашка на откорм, даже двух (первого Блека мы купили на скотном рынке совсем маленьким – отец еще мог ходить; второго, взрослого «дали» папе на работе, пополам с другим сотрудником и я этого барана какое-то время откармливала жмыхом). Еще раньше мы купили козу Катю (под эту покупку пришлось продать мой матрац). Но нас обманули, сказав, что у нее скоро будет козленок и коза как давала пол-литра молока, так и продолжала давать столько же. Козу и барана в холодные месяцы приходилось держать в своей комнате.

Я выращивала на огороде помидоры и баклажаны, причем помидоры роскошные, но их обирали часто соседские ребята. Завела, было, кур, но они портили огороды. Выращивать свои овощи было трудно: кетмень⁴⁰ был больше меня, воду перехватывали, отводить ее на огород удавалось только очень рано утром, да и то конкуренция была очень жесткой. Меня, девочку, часто просто отталкивали.

С группой «спекулянтов» ходила я в далекий кишлак за густым сцеженным кислым молоком, которое можно было нести прямо в мешке из ткани. Называлось оно сюзьма, или катык. Продав половину, вторую можно было иметь «даром», так как где мы ее покупали, она была в два раза дешевле. Дорога туда мимо Регистана, Шахи Зинды. Через сколько-то километров Сиаб оставался справа, а дорога уходила влево по левому борту какой-то широкой долины.

Выходили мы часов в пять-шесть вечера, шли до 12 ночи. Останавливались в караван-сараях до часов четырех утра (засыпали сразу как убитые). С четырех до 10–11 шли вновь, придя в кишлак, на базаре покупали это «кислое молоко». Я брала килограммов 6–8 – больше унести даже на спине в подобии рюкзака не могла. Выпив сырые яйца и съев лепешку, тут же отправлялись назад. Жары в пути я не помню, но было тепло, думаю, что это были весенние месяцы. Часов в 11–12 ночи мы были в городе. Один раз я не удержалась и на обратном пути села хоть немного отдохнуть у Регистана. Темно, я была одна, группа уже разошлась. Мне казалось, что я уже никогда не поднимусь. После такого похода обычно дня два-три приходилось лежать на спине, подняв и положив ноги на стену – так они были сбиты и натружены. Я ведь шла в калошах (другой обуви не было), с толстыми носками, т. е. без плотных подошв. Один раз ходила с нами жена геолога П. Коростина, имя ее я забыла. Мы встретились через много лет в Иркутске и вспоминали наш поход, она – с ужасом. Я ходила туда не менее двух раз, думаю – больше. Я сейчас не помню название этого большого кишлака или даже городка, но подсчетам папы (смотрел карту), до него было около 45 км. Даже если эти подсчеты не точны, мы проходили, судя по количеству часов хода, огромное расстояние.

К отцу на работе относились очень хорошо, несмотря на то, что работать нормально не мог даже в первый год болезни. Помню, «доставали» сульфидин, тогда редкость. Зарплата шла, видимо, все время (больничные, вероятно, вообще не требовали). Но что это были за деньги при таких ценах! Мне приходилось часто занимать муку на «затируху». Я мучительно стеснялась, стоя во дворе, ждала, кто из соседей первый выйдет из своих дверей. Но долг я отдавала всегда и мне никто и никогда не отказывал. Изматывало, конечно, и бесконечное стояние в очередях. В школу я почти не ходила; один год пропустила совсем – было не до учебы. Да и школе, видимо, было не до меня или там знали ситуацию.

А вокруг были уже другие люди и обстоятельства. Закировы уехали, Басковы (математик и его мать, певица Вера Андреевна, у которой я перед войной и в самом начале войны училась немецкому языку) были в полной нищете. Но зато там, где жили Закировы, поселился начальник военной академии (кажется, военно-химической) Клячко с семьей. Его жена Елена Николаевна была очень добра и даже дружна со мной, хотя, была, конечно, старше и в обмен на мою работу в

---

⁴⁰ Старинное ручное орудие типа мотыги, употребляемое в Средней Азии для мотыжения и окучивания посевов. Его применяют также для рытья и очистки арыков и каналов. Состоит из стальной пластины треугольной формы (с острой режущей кромкой), насаженной на деревянную рукоятку.

их огороде, давала хлеб, поскольку даром я бы его, конечно, не взяла. Нас уплотнили странной семьей, имевшей какое-то отношение к Коминтерну⁴¹. Глава семьи – военный, по-видимому, немец, Якобсон; его жена и его тетя тоже нерусские, видимо, также немки, приемная дочь – француженка Жюльетта, в те годы лет 25–30. К нам они, кроме Жюльетты, относились настороженно, к отцу – особенно.

Трудно поверить, но я временами даже в тех обстоятельствах чувствовала себя счастливой, свободой и самостоятельностью, взрослой нагрузкой. Помню, как я остро ощущала остроту ночи, когда мы шли за «кислым молоком». Это, конечно, было в начале похода, потом я впадала в какое-то странное состояние – идешь и идешь уже чисто механически. Какая огромная была луна, в какие золотые облака она то пряталась, то выходила из них. Как пели цикады и как пах воздух!

Но было много раз состояние полной безнадежности и отчаяния. Когда нечем было кормить отца и не на что было купить продукты. А однажды он пришел домой, и фуражка его была полна крови; он упал от слабости на рельсы узкоколейки, возвращаясь с работы, и ударился о них головой. Узкоколейка проходила недалеко от нашего дома. Ему не помогали, считая, что он пьяный. Помню, как я сливала из его фуражки кровь... Это был сорок второй год, в это время висели лозунги-транспаранты с призывом открыть второй фронт в 1942 г.

Со стыдом и болью вспоминаю, как упал отец во дворе на колени, звал меня, не мог подняться с места (я была в доме и видела все в открытую дверь). К отцу подбежала соседка... однажды отец совсем больной, уехал в экспедицию. На вокзале он махнул безнадежно мне рукой, видимо, не было моральных сил со мной попрощаться; он вероятно, не надеялся вернуться. Я осталась на перроне чуть живая от горя. Видимо, именно из этой экспедиции привезла его приехавшая ненадолго мама и поместила в больницу. Приехав и узнав, где он и в каком состоянии, она поехала за ним и нашла его почти не встававшим, с огромными отеками на ногах. Перед ним был арбуз и вода, другой еды не было.

Папа дважды лежал в больнице. Один раз его отдали нам как безнадежного. Первый раз из больницы брала его я. Помню, как в больнице (она была где-то в районе Биби-Ханум) больных в жару не выпускали из помещения, кирпичного многоэтажного здания, гулять во дворе, так как там были огороды сотрудников, помню, поспевала кукуруза, и не пускали посетителей: мне приходилось лазать с едой для отца через дувал и проникать в палату.

Но самое страшное наступило, когда отец уже совершенно не вставал, не узнавал даже меня. Ноги распухли еще больше, кожа обтягивала кости и форменным образом рвалась, на руках – гнойные язвы. Лежал он в каком-то рубище. Как я уже говорила, приехала мама. Видимо, кто-то ей сообщил. Папа почти непрерывно кричал. И вот тогда (помню, мы с мамой сидели над ним вечером в полном отчаянии), к нам неожиданно зашла Раиса Александровна Малышева. Вообще никто, в частности, и она у нас не бывали. Все были замучены сами, да и чувствовали, что все у нас безнадежно. Увидев, что происходит, Раиса Александровна в панике выбежала на улицу, за ворота. Мимо проходил местный врач Николай Иванович Корнетов (до этого отца несколько раз смотрели крупные авторитеты из Военно-медицинской академии и говорили, что это алиментарная

---

⁴¹ Международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 гг.

дистрофия). Николай Иванович сразу же поставил диагноз – пеллагра на основе лямблиоза (ну и конечно, на фоне общей ослабленности), сказал, что на такой стадии болезни больные обычно не поправляются, но бываю чудеса. Что в случае выздоровления нервная система полностью не восстановится. Назначил акрихин в таблетках и никотиновую кислоту внутривенно. Этой же ночью в дежурной аптеке нам приготовили раствор кислоты.

Через какое-то время папа стал приходить в себя; потом попросил дать ему что-нибудь делать (помню, разбирал и раскладывал по мешочкам гвозди); еще позже стал вставать, потом писать, часто лежа. Это был или конец 43-го или начало 44-го года (кажется, так). Много позже мы узнали, что Н.И. Корнетов живет в Крыму. Я в 1955 г. летом была там и отвезла в подарок ему много серебряных вещей. Тогда это было доступно, и отец вместе со мной выбрал в ювелирном магазине прекрасный кувшин, рюмки или стопки и много еще, уже не помню, что.

Конечно, спас отца и сильный от природы организм, но без Николая Ивановича он, вероятно, погиб бы. А ведь его смотрели известные врачи, например, Военно-медицинской академии Аринкин (через «а» или «о», я не помню), относившийся к папе, как к коллеге. Но все они не знали местных болезней так, как знал их Н.И. Корнетов.

В Самарканд приезжала сестра Вероника (они с Гали Михайловной жили в это время в Ташкенте в эвакуации, после пребывания в блокадном Ленинграде). Мне запомнилось, что именно в 43-м году Вероника (приехав, судя по всему, после начала правильного лечения папы, и когда ему стало уже немного лучше), сказала, что Николай Иванович Вавилов расстрелян (уже потом стало известно, что он умер от голода). Но такая ранняя дата известия об этой трагедии вызвала в позднейшие годы недоверие. Я пыталась в недавние годы уточнить у Вероники, когда они с Гали Михайловной узнали о гибели Вавилова. Она явно забыла, но уверяет, что узнали позже. Но память не могла меня так подвести! Я не видела никогда больше отца в таком отчаянии, как при этом известии. И в записках отца сохранился отклик на него, помеченный 1943-м годом⁴². Этот текст хранится в архиве и воспроизведен в полтавской и саратовских газетах. Вероника была недолго, но очень помогла: она в Ленинграде работала в госпитале и, помню, очень ловко и умело бинтовала папе гнойную рану на руке. Через какие-то инстанции мы с ней добывали продукты, я постоянно носила с хлебозавода папе жидкие дрожжи.

Из Алма-Ата в Самарканд перед войной, а потом в ее начале появился В.Г. Хржановский по поводу своей диссертационной работы. Помню, Владимир Геннадьевич звал отца вместе со мной в экспедицию на лето 41-го года на Иртыш. Но началась война и папа отказался. Во второй приезд Владимир Геннадьевич получил где-то и для отца талоны на обеды. Самаркандский университет в это время, кажется, не существовал. Вероятно, болезнь у папы уже началась, так как ему стало очень плохо прямо на улице, недалеко от дома он потерял сознание. Владимир Геннадьевич принес его домой на руках.

Вначале 1944 г. В.Г. Хржановский написал отцу о возможности переехать работать в Киев, в Институт ботаники АН УССР. Договорился в «высоких» инстанциях, что, когда М.Г. Попов будет работать у них, его изберут действитель-

---

⁴² «Отклик» «На смерть Н.И. В-[авилов]а», о котором идет речь, датирован «I.1944» (Сакт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1089. Оп. 1. Д. 191. 1 л.).

ным членом Академии (потом на это место избрали кого-то другого, а отца сделали членом-корреспондентом).

Уезжали мы из Самарканда в плохом состоянии, конечно. Папа был все еще слаб после болезни. Вылетели в Ташкент на ПО-2, каком-то «левом», совсем не оборудованным для перевозки людей. Помню, на пол самолета был поставлен ребром чемодан, он и служил нам сиденьем. Приютила нас в Ташкенте М. Успенская, знакомая родителей, очень гостеприимная и добрая. Было лето, видимо, первая его половина. Обычно на обед она готовила капусту, нарезанную крупными кусками, тушенную с небольшим количеством риса. Сказочная еда! Мы задержались у М. Успенской, так как папа попал в Ташкенте на операцию – не полостную, но очень болезненную.

Из Ташкента в Киев мы ехали около трех недель в товарном вагоне. Мне запомнилось, что название «Илецк» как-то особо фигурировало в разговорах: не то нас прицепляли к другому составу, не то там была пересадка. Но в любом случае мы и дальше ехали в «теплушках». Размещались, конечно, прямо на полу. Теснота была такая, что временами мне приходилось стоять или сидеть у родителей на коленях. Стоял наш состав без конца – и на станциях, и в чистом поле. Мне поручили, помню, продавать папину старую рубашку, но ее никто не брал. Все в вагоне были, конечно, во вшах.

Но в каких чудных цветущих степях стояли мы часами. Вероятно, это была середина лета. Осенью я поступила в школу, в седьмой класс. Победу мы встречали в собственной квартире в Киеве, на Малой Житомирской, а поселились мы в ней вскоре после приезда. Несмотря на ордер, квартиру эту (2 комнаты в коммунальной 4-х комнатной квартире) отец и Владимир Геннадьевич брали «с бою»: в наши комнаты уже въехали со стороны. Но сперва мы жили в гостинице, около Бессарабского рынка. Мы покупали там большие, из серой муки пирожки с фасолью, поскольку они как-то лучше заглушали чувство голода, которое, несмотря на достаточное теперь питание, было хроническим. У меня сохранялось оно еще очень долго, как и боли в желудке. А затем всю жизнь я мучилась болями в кишечнике, усиливавшимися при нервных нагрузках.

Обедали мы какое-то время по приезду у Хржановских, внося, конечно, продукты (тогда это не могло быть иначе). Жили Хржановские в Ботаническом (кажется так) переулке. Жена Владимира Геннадьевича маленькая, хорошенькая, имела очень сильный хороший голос, сопрано. Она занималась с педагогом в этом же доме, и мы часто слушали ее пение, в частности, помню, «Рассвет» Леонкавалло. Мы с ней ходили на небольшой рынок недалеко от них, продукты были в изобилии: молоко покупали не литрами, а «сулеями» – большими бутылками. Елена Михайловна, «Елка», как ее называл Владимир Геннадьевич, не была мягким человеком, но к нам относилась очень хорошо (мы и позже, в Львове, бывали у них, ездили вместе за город; родившуюся у Хржановских дочь папа звал «Орбикулята»⁴³ и очень любил). Елена Михайловна дорожила отношением папы к Владимиру Геннадьевичу, которого он неустанно, непрерывно «просвещал» и в ботанике и в общих вопросах. Ботанике он обучал его не только в экспедициях и на работе, но даже в городе, на газонах. В политических вопросах влияние отца было большим, чего Елена Михайловна явно побаивалась, но терпела, тем более, что Владимир Геннадьевич умел совмещать в себе новые представления со стремлением иметь связи в высоких партийных кругах, и оставить

---

⁴³ Orbiculata (лат.) – округлая.

ся «дипломатом» и не чуждаться интриг... Но многие так жили. Отец бывал с ним достаточно резок. Вопрос к Владимиру Геннадьевичу «собирается ли тот заниматься когда-либо научной работой», обижал его, но Владимир Геннадьевич сохранил на всю жизнь к Михаилу Григорьевичу глубокую, я бы сказала, родственную, привязанность и испытывал «пиетет».

Но вернусь киевскому периоду. Киев после победы был полон ликования, несмотря на потери и на огромные разрушения. Всюду виднелись руины. Конечно, я говорю об общей атмосфере. Горе людей, потерявших близких, и страдания изувеченных, на улицы не выплескивались или были мало заметны в общем ликовании. Отец с горечью сетовал, как все скоро забывается.

Чувствовался и национализм. Коснулось это и отца в институте сразу. А.С. Лазаренко, хорошо знавший папу, насколько я поняла, еще по Алма-Ата, встретил его словами: «Зачем вы к нам на Украину приехали?»

Отец работал в Институте ботаники и во вновь создавшемся Ботаническом саду АН УССР. Сад административно, кажется, был связан с институтом. Директором сада был Николай Николаевич Гришко – маленький, подвижный, общительный. Отец занимался Садам с большим подъемом, то, что называется, «вкладывал душу». После Батумского ботанического сада у него был и опыт, и интерес к такой деятельности. Думая, что основные принципы устройства Сада в Киеве были заложены им. Помню большие чертежи-планы Сада, помню оживленное обсуждение их с Н.Н. Гришко. Приглашался и архитектор, молодой и очень энергичный, поскольку в Саду предполагались архитектурные сооружения с колоритом «регионов». Сад должен был строиться по региональному, географическому принципу. Не знаю, что потом было реализовано, что нет.

В бытовом отношении мы ожили. Из Америки в массу приходили вещи. Они распределялись по учреждениям, учебным заведениям. Вещи были поношенные, но очень хорошие. Папа оказался одетым, по нашим представлениям, прекрасно. Приободрился, повеселел, поправился. Но с начальством и рядом коллег в институте отношения складывались нелегкие.

Я училась в школе, мама работала в Киевском университете. Отец, кажется, тоже читал лекции в университете. Как-то со студентами-геологами я недолго жила в Каневе, над Днепром. Сказочные места, песни над обрывом к реке, полное поэзии время. Как ни удивительно, но я страшно тосковала по Средней Азии, несмотря на то, что мы пережили. Так же было и в Львове. Я готова была бросить все, лишь бы оказаться в Средней Азии. Она имеет совершенно неповторимый «аромат». Все, кто был там сколько-нибудь долго, знают, что разлука с ней очень тяжела.

Мы прожили в Киеве около полутора лет. Отец решил переехать во Львов: там организовался Львовский филиал АН УССР. Основанием для такого решения в первую очередь была, конечно, перспектива работать в Карпатах и при этом достаточно независимо. По свойствам своей природы, из-за профессиональных интересов и в силу сложившейся жизненной практики, отец легко и охотно менял обстановку, регион.

В Львове отец заведовал Отделом ботаники в филиале и кафедрой в университете (кажется, она называлась кафедрой высших растений). Меня отец попросил пойти учиться в техникум – он боялся, что в случае его ареста или вынужденной потери работы, я останусь без специальности. Он записал меня в Горно-топливный техникум (это был его выбор, правда, папа знал, что я вроде бы

склоняюсь к геологии). Я как будто даже не сдавала вступительных экзаменов – желающих поступить было немного. Вряд ли это было удачное решение в смысле выбора конкретной профессии, но я как-то не думала об этом, тем более, что в перспективе все равно предполагалось окончание ВУЗа. Отец считал, что, если все будет хорошо, я уеду учиться за границу. Он, как и многие, думал, что грядут большие перемены в государстве. Что касается неустойчивости своего положения, отец был, как показали наступившие скоро события, абсолютно прав.

Пока же наступило интересное яркое время (хотя многое, конечно, и угнетало). Папа отказался от роскошной университетской квартиры и взял ордер на квартиру в особнячке у края Кайзервальда (правда, этот Кайзервальд не имел деревьев) в конце улицы Святого Войцеха, поэтическом районе, недалеко от Замковой Горы. «Подъемные» отец отдал уезжающей в Польшу бывшей хозяйке артистке пани Зосе – за мебель, которую она оставила нам. Мебель в действительности стоила гораздо меньше, но это был один из путей, каким порядочные люди старались компенсировать (уж как могли) потери отъезжавших поляков. Кстати, наше государство меняло деньги поляков по очень выгодному для них курсу, так что те старались вещи не увозить, а продавать. Еще бытовая деталь: когда отец спросил, что же делала пани Зося одна в такой большой (4 комнаты и кухня) квартире, та сказала: «Это немцы – она употребила при этом ругательный эпитет – меня сюда выселили из хорошей квартиры!».

Поляки оставляли Львов с огромной болью. В частности, из-за оставляемых могил – у них особое отношение к покойным близким. В университете продолжали еще работать польские ученые, конечно, только небольшая часть из общего числа. Надо сказать, что отношения с ними были не только хорошими, но и очень дружественными, поскольку они умели видеть разницу между «советами» и коллегами. Так было на кафедрах ботанической и геологической. Наверное, сходное положение было и в других местах. У нас сложилось впечатление, что многие образованные поляки хорошо знали русскую литературу, в частности, поэзию и именно не переводную, а на русском языке. От польки-геолога Миты Кокашинской мы узнали многое из поэзии Бальмонта, Северянина, Гумилева.

Отца ботаники-поляки очень ценили, сразу прочувствовав его масштаб как ученого и как личности: И. Модальский, В. Тимракевич – сотрудники кафедры и Т. Вильчинский – не помню, где он работал, но бывали у него на ботаническом «огруде»; отец его опекал и брал его с собой в командировку в Москву знакомить с ботаниками. Отец им внушал, что Польша теперь будет иная, советская и уезжать из Львова им нет смысла. Но оставаться в Львове, даже Вильчинский – кажется, одинокий и относительно, как мне казалось, пожилой – не захотели. Модальский сказал, что он хочет, чтобы его дети выросли настоящими поляками.

Нас поражал «домашний стиль», царивший при поляках на кафедрах в университете, в «ботаническом огруде», особенно на кафедре геологии. Он был, видимо, и в других местах. Мы видели его в Ветеринарном институте, который не то был и раньше в таком качестве, не то возник на базе какого-то другого учреждения. Многие вещи на кафедрах, в частности, книги для библиотеки кафедры были куплены сотрудниками на свои деньги. Нам говорили, что пан Рogaля, геолог-нефтяник, особенно много делал в этом отношении, имея деньги от производственников. У него на кафедре геологии жил постоянно его любимый попугай по кличке «Лори» (возможно, и по породе тоже). Днем за едой преподавателей следили – покупали и что-то готовили – сотрудники, вроде наших лаборан-

тов без специального образования. Помню, у Вильчинского при служебном кабинете была маленькая темная комнатка для отдыха. Там была полка с художественной литературой, кушетка, столик с настольной лампой. И насколько я понимаю, это было в порядке вещей. Но надо отметить, что польские интересы (до прихода «русских») охранялись тщательно. Западные украинцы, как правило, оканчивали иные университеты, часто за границей. Да и на работу брали украинцев в основном не на столь квалифицированную, как преподавание в университетах. Такое у нас сложилось впечатление. Думаю, что в основном верное. Вокруг же Львова, на земле, жили и трудились украинцы.

Львов содержался в идеальной чистоте. Наш дворик убирала западная украинка пани Валькова, драила каменные плиты на улице у дома щеткой и мыла тряпкой. Она была всегда чистенькая, улыбчивая...

Очень ухожены были и дети – умыты, причесаны (тогда им надо лбом делали «кок»). Вообще детьми, как правило, занимались очень серьезно.

При нас продолжали закрываться мелкие частные лавочки, парикмахерские; из-за неумелого обращения было много взрывов газа в квартирах. Исчезли на улицах монашки в красивых характерных головных уборах. Поляки уезжали и уезжали. Город становился другим, оставаясь, конечно, красивым и своеобразным. Для меня он так и остался чужим. Я бы все равно не смогла там постоянно жить. Было ощущение, что я пришла в гости и осталась. У моих соучеников-украинцев, тоже приезжих, такого ощущения не было. Скорее наоборот.

Поляки ходили в костелы, западные украинцы, в основном, в униатские церкви. Действующих костелов еще и при нас было множество. Русские там бывали, обычно заходили просто посмотреть. Папа ходил часто, слушал проповеди, отмечал, да и мы это и так видели, современный облик, образованность ксендзов. Добрый знакомый Миты Кокашинской, ксендз-иезуит, был по первому образованию геологом. Для нас в то время было удивительно «светское» обращение священнослужителей с прихожанами. Помню, как ксендз, идущий по улице, окруженным мальчишками, вел с ними веселый разговор; я не удивилась бы, если бы узнала, что о футболе. Вообще в эти полтора-два года, что я прожила в Львове до отъезда родителей из него, было много хорошего и необычного. Приехавшие из разных мест сотрудники новых коллективов, тянулись друг к другу, были повышены интересы друг к другу. Соответственно много общались и дома – ходили в гости. Быт послевоенного лихолетья наладился. Был яркий интерес к поэзии, малоизвестной живописи (в частности, увлекались Рерихом, знакомясь с ним по книге-монографии), к музыке. Надо признаться, что такой широкий интерес к искусству среди наших знакомых поддерживался, в основном, известными геологами О.С. Вяловым, В.Б. Порфирьевым. Всем этим живо интересовалась, конечно, и молодежь. В.Б. Соболев, тогда еще молодой, не академик, Е.К. Лазаренко, декан геологического факультета тоже «пополняли образование» с большим удовольствием.

Я бывала в Оперном театре. Здание – замечательное, знаменитое. Труппа, конечно, новая, мне казалось, очень сильная. Помню прелестную балерину Слободян (кажется, так) в «Бахчисарайском фонтане» и «Красном маке». Позже, когда я жила одна, я слушала В. Давыдову в «Кармен», П. Норцова в «Онегине». Он давал и концерт. В Львовском театре выступали, наверное, охотно все гастролеры.

Отец, как всегда погруженный в свои профессиональные интересы, во всем этом участвовал мало, но бывал то в загородных поездках с Соболевыми, то у них, то у Порфирьевых дома. Польский язык учил интенсивно – по газетам, читая их за едой. Вообще до Иркутска у папы был интерес, глубокий и активный, в основном к политике, истории. Испытав в молодости сильное влияние Д.И. Писарева, отец долго в искусстве многое не признавал. Сопровождая маму в оперу (еще до репрессии), скучал, и когда они бывали в ложе, говорил: «Пойду, посплю в предбаннике». Мама как-то при мне рассказывала об этом знакомым. А музыкой бурно увлекался позже, уже в Иркутске: оперой и вообще вокальной, Ф.И. Шаляпиным в первую очередь. Но и на Сахалине у нас был патефон с пластинками, сделанными в Японии; мы, молодежь, их покупали на барахолке в Южно-Сахалинске, куда ходили пешком из Ново-Александровска. Среди иных, часто сугубо японских вещей, на пластинках попадалась и русская классика: много Шаляпина, Римского-Корсакова. Приходилось покупать все подряд, ведь надписи были на японском. Но с удивительным, совершенно юношеским откликом отец слушал арии, романсы уже здесь, в Иркутске. Он обладал поразительной эмоциональной восприимчивостью до конца жизни.

А песни он любил всегда. Вспоминал, как мать пела, когда он был ребенком, песню о смолистых елочках. В детстве я пела ему его любимую «однотонно гремит колокольчик», «В степи под Херсоном» (наверное, привлекла его не сама фигура Железняк, а высокая поэзия, присущая этой песне). В Алта-Ата, помню, любил он «Над полями да над чистыми»; очень популярна тогда среди его сослуживцев песня «Много девушек есть в коллективе, но ведь влюбишься только в одну, можно быть очень важным ученым и играть с пионером в лапту...». Любил, и когда мама пела вещи А.Н. Вертинского, которого он ценил очень высоко. Из песен времен войны отец выделял, конечно, «Землянку». Были и еще любимые «Эх, дороги», «Редко, друзья, нам встречаться приходится». К слову, из кинофильмов отец очень любил «Бесприданницу», «Чапаева», «Большой вальс». Восторженно вспоминал «Петера», но, посмотрев еще раз много позже, порядком разочаровался (о литературных пристрастиях я скажу чуть позже).

Практически, в большей или меньшей степени, он выучил самостоятельно ряд европейских языков – немецкий, французский, латынь; английский, который он учил самостоятельно, он знал хорошо. Имея фантастическое произношение, он прямо с листа, без пауз, читал-переводил как-то нам с Еленой Михайловной Хржановской пьесу Б. Шоу. Как я уже говорила, польский язык учил интенсивно в Львове по газетам, читая их дома за едой.

В Львовский период отец, конечно, интенсивнее всего занимался изучением Карпат. Один или два раза ездила в экспедицию с ним в Карпаты и я (часть времени в одной из поездок с нами был Е.Г. Хржановский). Необычная природа, своеобразные маленькие города, их непривычный для нас быт, еще с сохранившимися кое-где частными столовыми типа кафе, где играли скрипачи; мир полонин, где гуцулы выпасали овец...

Но экспедиции были и опасны: многие места были неблагополучны в отношении бандеровцев, или тех, кого к ним причисляли. Мы с папой как-то попали в очень трудную ситуацию, проводниками у нас было два местных жителя, которые в походе обнаружили к нам явную враждебность.

Помню, как дрожал, «скулил» и сердился на отца за то, что тот вовлек его в такой опасный поход, один ботаник (фамилии не знаю), ненадолго к нам присоединившийся в один из походов, хотя это был самый обычный поход с возвращением на ночь на базу. В пограничном районе отцу навязали охрану (с десятком солдат), что было утомительно, мешало ему спокойно работать. Отец норовил «ускользнуть», для этого как-то ушли мы очень рано, до общего подъема. Не исключено, что границу охраняли от нас, вероятно, боялись, что мы убежим.

В районах с гуцульским населением нас встречали радушно. Как-то устроили нас в одном доме даже с комфортом, на пуховиках и белоснежных простынях! И в других некоторых районах было спокойно. Жили мы как-то в доме большом и богатом, лесничего. Он и вся его семья были предельно гостеприимны. Хозяин напоминал, как мне казалось, колониального полковника. Дочь, настоящая прекрасная пана, жила там с малолетним сыном, отец которого румын, был по ту сторону границы. Не знаю, когда им удалось соединиться, и удалось ли.

Но вот в университете начались, вернее, усилились неприятности. Участились комиссии с проверкой работы. У отца положение стало угрожающим. Его обвиняли в неправильном преподавании – в неумении! Или в нежелании излагать в лекциях достижения советской биологической науки. Это был, видимо, 1947 год, а может быть начало 48-го (но, конечно, до печально известной сессии ВАСХНИЛ). Отец был человеком бескомпромиссным, вспыльчивым. И ответы его были соответствующими...

Один из партийных деятелей Кадымский (кажется, парторг) обвинил отца в том, что он «развращает молодую дегенерацию»... Так на Ученом совете университета обвинили западноукраинских ученых (не биологов) в связях с бандеровцами; при этом было сказано: «Мы припррем их к стенке и вырвем у них признание». Отец, конечно, выступил, сказал, что если это так, то это дело соответствующих органов, что он «не позволит превращать Ученый совет в застенок».

Я, конечно, все это знаю по рассказам, но думаю, достаточно точно, поскольку все это обсуждалось по горячим следам.

Все это привело к тому, что отцу решили дать «отпор». Он должен был выступить с докладом о своих взглядах по основным вопросам биологии. Он выступил перед большой аудиторией, насколько я знаю, в актовом зале Университета. Он понимал, очевидно, что ему уже не работать, и он выступил перед студентами и педагогами серьезно, обстоятельно, без всяких компромиссов. Да он иначе и не стал бы выступать, он не считал возможным, хоть в какой-то мере отходить от своих принципов. В частности, на провокационный вопрос, какими методами он руководствуется в работе (конечно, подразумевалась методология), в теоретической ее части, он отвечал: «Методом здравого смысла, научным». Многие наши знакомые, коллеги родителей, не одобряли его позиции в университете и этот доклад; говорили, что время Дон-Кихотов прошло; никто не выступил в его защиту, когда его уволили. Но я чувствовала, что некоторые из них испытывали «дискомфорт». Это сказывалось в повышено-внимательном отношении к нам, близким отца. И тогда, и позже.

После доклада отца сразу же уволили из университета. Сразу же сняли и ректора, как допустившего такое выступление перед широкой аудиторией. Гурия Николаевича Савина – председателя Львовского филиала АН УССР – обязали уволить отца. Он пришел к нам домой и объяснил, что иного выхода у него нет. Отец все понимал, и они остались в хороших отношениях. Гурий Николаевич

приезжал в начале 50-х годов в Иркутск по делам Академии. Помню очень дружескую поездку отца и Савина на Байкал – были еще его жена и я с сестрой, приехавшей из Ленинграда.

Отцу пришлось уехать из Львова. Сперва он поехал в Москву, к президенту АН СССР С.И. Вавилову, тот сказал, что идут еще более трудные, особенно для биологов времена и предложил Сахалинский комплексный институт (кажется, так он тогда назывался) и что-то еще на выбор. Отец выбрал Сахалин, сказав, что ему там более интересно, – он там не бывал. Сперва на Сахалин уехал отец, уволилась и уехала через какое-то время и мама. Я осталась в Львове. Надо сказать, что сотрудники геологического факультета пытались мне помочь. Заместитель декана факультета предлагала мне, видимо, по «сговору» с коллегами, перейти на их факультет из техникума. Но я не захотела из-за того, как с отцом поступили и, помня о его желании, чтобы я кончила сперва техникум. А в ВУЗ мне очень хотелось. В техникуме я училась очень хорошо, постоянно получала повышенную стипендию, но понимала, что учеба мне мало что дает. Я как-то компенсировала это занятиями английским с частным педагогом (Паулина Филипповна Войцеховская, в свое время учившаяся в Англии, во Франции и не уехавшая в Польшу по старости) и чтением – недалеко от нас была небольшая по площади, но уютная городская библиотека. Я там, по-моему, все перечитала. На последнем курсе мне поставили по военному делу «3» и в пять процентов, имеющих право на поступление сразу в ВУЗ, видимо поэтому, я не попала. Это был, конечно, нажим на дирекцию со стороны или перестраховка – в техникуме ко мне относились очень хорошо. Я скучала по отцу, поэтому не очень расстроилась, и, выхлопотав через Г.Н. Савина распределение в Львовский филиал (из филиала меня не то отпустили, не то направили в Сахалинский комплексный институт), я уехала к родителям. Я и прежде летала на Сахалин – проходила там практику на шахтах с. Найбути⁴⁴ (кажется, название звучало так, потом его изменили, на Углегорск или что-то в этом духе).

Институтский поселок, где жили сотрудники комплексного института, был расположен на отшибе от самого здания института и от Ново-Александровска. Я слышала, что при японцах и здание и поселок тоже принадлежали научному учреждению. На зиму почти все сотрудники уезжали в собственно Японию, в тепло. Связано это было, в частности, с тем, что японцы строили под жилье только традиционные японские дома, не защищающие от холодов. В таком доме с раздвижными дверями, с нишами для спального ложа, чугунной печкой, топившейся углем, сперва и жили родители. Позже нам дали квартиру (2 комнаты и теплая веранда) в деревянном одноэтажном добротном вновь построенном доме. Рядом протекала речка Сосуя-гава (кажется, так) с деревьями и кустарниками по берегам и множеством диких уток. Почти рядом с домом можно было охотиться на вальдшнепов. Как-то вечером мы с отцом расположились на поляне перед началом тяги. Я должна была говорить ему, откуда вальдшнеп летит, поскольку он плохо ориентировался по слуху. Покуда я объясняла, птица, к счастью, успевала улетать. А вот охота моего приятеля В. Воронова, лаборанта орнитолога А.И. Гизенко, бывала успешной: я как-то «участвовала» в такой охоте, подбирая дичь по кустам. В. Воронов тогда был совсем молоденьким деревенским (родом из Подмосковья), но очень живым веселым открытым парнишкой.

---

⁴⁴ Сел. Быков (в 1947–2004 гг. – поселок городского типа) – в городском округе «Долинский» (Долинский район), в 18 км от районного центра.

Позже, кончив в Иркутске заочно институт, он защитился и стал заведовать лабораторией. Занимался в частности каланом.

Отец увлеченно изучал флору, много выезжал на экскурсии, ходил в походы. Бывал, конечно, в экспедициях. Но Отдел, которым он руководил, имел не только ботанический профиль. Работала там Т.А. Зимина, занимавшаяся, кажется, томатами; Т.Г. Воронова (сестра В. Воронова), специалист по ягодным культурам и другие. Это создавало дополнительные сложности в связи с наступившими лысенковскими временами. Отец часто бывал угнетен и взвинчен. Но жизнь состояла, конечно, и из этого. Летом выходили «на лоно природы». Как-то всем коллективом ездили на берег Охотского моря, зимой много ходили на лыжах. Долгими зимними вечерами приятно было заглядывать к соседям на огонек. Чаще всего бывали у А.И. Гизенко, генетиков мужа и жены Васиных. С едой было неважно, в магазинах стандартный и странный набор: американский бекон в консервных банках, шоколад и шампанское. Но как-то устраивались, что-то доставали у жителей Ново-Александровска, Южно-Сахалинска. Обедали в институте. А вот А.И. Гизенко, живший с отцом, очень колоритным типичным украинским дедом, и имевший экономку Надежду Ивановну, умудрялся вести хозяйство на широкую ногу, был великолепным кулинаром и гостеприимным хозяином. Он умел все раздобыть по каким-то каналам. К нему-то и тянулся народ чаще, чем в другие дома. Отец до приезда мамы жил у него; кажется, с ним же ездил в экспедицию на остров Монерон. И позже, уехав с Сахалина, не порывал с ним связи. Бывали, конечно, гости и у нас. Чаще всего брат и сестра Вороновы, коротал вечера у нас Я.М. Самойлов, заведующий в институте лабораторией, в задачи которой входила разработка методов получения пресной воды из морской. Будучи человеком, очень начитанным, насмешливым, очень оппозиционно настроенным по отношению к советской власти, и в то же время веселым, он очень развлекал наше семейство. Правда, отец относился к нему двойственно, считая его несерьезным.

Помнится мне романтика снежных буранов. Гудок из институтского здания, который раздавался в начале и в конце рабочего дня, в случае надвигающейся непогоды (штормового предупреждения), поступавшего, видимо, по телефону, звучал особенно долго и настойчиво. Правила требовали, чтобы все население и из института и те, кто оказался на улице, срочно расходились по домам. Часто такое вынужденное заточение тянулось по несколько дней, а затем приходилось откапываться от снега, пробивать в нем дорожки. Помню, как-то я вылезла через окно: дверь не открывалась, занесенная снегом. Мне весь этот стиль жизни на Сахалине очень нравился. Я работала в этом же институте, лаборантом у микропалеонтолога Л.А. Зиндель. В лаборантской комнате, где был собачий холод, я отделяла фораминифер от породы на центрифуге с помощью ртутной жидкости Туле. Вытяжной шкаф обычно не работал. В общем, как и всюду, бесхозяйственность, беспорядок.

Проработав около года, и таким образом отработав положенный после окончания техникума срок (на Сахалине год шел за два), я уехала в Ленинград поступать в университет на геологический факультет, поскольку на другие факультеты после геологического техникума я поступать не могла. Экзамены (включая физику) я сдала успешно, без троек. Математика шла последней. На этот экзамен я пошла менее уверенной, чем на предыдущие, у меня были пробелы в знаниях тригонометрии.

На устном экзамене вопросы в билете не представляли для меня трудностей. Я могла даже, конечно, тайно помочь сидевшему передо мной парнишке, попросившему меня об этом. По заданию педагога (а он был почему-то из преподавателей один) я написала ответы на доске. Он посмотрел, ничего не сказал, вышел, долго его не было (видимо, где-то еще что-то уточнялось), а вернувшись, велел все стереть, и дал задачу, к которой я не знала даже, как подступиться. Я не была хорошо подготовлена к математике, хотя готовилась очень старательно. Поэтому так тяжело мне было потом – я не могла до конца решить, «зарезали» меня или я провалилась. Но вероятно, все-таки первое. Я узнала почти сразу, что всех поступающих, кто имел «неблагополучные» анкеты или еврейские фамилии, проваливали именно на устной математике (я, конечно, не скрыла в анкете, в которой был соответствующий вопрос, что отец был репрессирован). В геологии в те времена сотрудники должны были быть «безупречными», соответственно и студентов набирали с «чистыми» биографиями. Я не хотела говорить отцу, ни соответственно другим, что скорее всего моей вины в провале нет, а дело в анкете. Все это я перенесла очень болезненно. Знакомые отца (Петровы) по своей инициативе устроили меня в пединститут им. М.Н. Покровского. Сданные мною экзамены были действительны, а математика здесь не сдавалась; то, что у меня не школьное образование, а геологический техникум, здесь как-то по благу «не учли». Я проучилась в пединституте около полутора лет, училась с интересом и хорошо; у нас были прекрасные педагоги и очень спокойная, я бы сказала, домашняя обстановка. Со здоровьем становилось все хуже. Еще в Львове, когда уехали родители, у меня были периоды большой слабости, я подолгу не вставала с постели, меня знобило. На Сахалине я в семье несколько окрепла, в Ленинграде, где, конечно, не было налаженного быта, мне становилось все хуже. Приехавшие родители (папа был в командировке, маму он, видимо, вызвал – она в это время вновь жила в Львове) положили меня в больницу. Потом я была помещена в санаторий под Ленинградом для больных с закрытыми формами туберкулеза.

Отец в это время (1951 год?) уже перешел на работу в Восточно-Сибирский филиал Академии, недавно созданный. На Сахалине, приехавшая туда и, конечно, пролысенковская комиссия признала его руководство Отделом, мягко говоря, неверным. Были и другие личные неприятности, и сложности.

Из-за моей болезни, но, наверное, не только из-за нее, родители решили вновь объединиться хотя бы на основе «дома», и мы все втроем в феврале 1952 г. приехали в Иркутск, где у отца уже была комнатка в постоянной половине гостиницы «Сибирь». Нам он снял две комнаты в частном доме. Постоянную квартиру от института, двухкомнатную в хорошем новом доме почти против Филиала папа получил еще нескоро.

Но отцу трудно было и в Иркутске; ведь работал у Ф.Э. Реймерса (тот заведовал биологическим сектором филиала), который приезжал на Сахалин в составе упомянутой выше комиссии (кажется, возглавлял ее) и был в те времена старонником Лысенко. В частном общении с отцом Федор Эдуардович был дружелюбен, учитывал, конечно, то уважение, расположение, которыми отец пользовался у многих крупных ученых-биологов. Отец рассказывал, смеясь, какое впечатление на Федора Эдуардовича произвела встреча с объятиями его и П.А. Баранова у входа в БИН. В партийных инстанциях, снимая с себя ответственность, Ф.Э. Реймерс говорил, что использует отца как крупного специалиста и не позволяет ему плохо влиять на молодежь. Нам это передавали заслуживающие до-

верия люди. Со временем Федор Эдуардович, видимо, искренне стал относиться гораздо лучше. Уверена, что лысенковцем он был из конъюнктурных соображений.

Я перевелась в Иркутский университет, досдав необходимые экзамены. Чувствовала себя все лучше. Отец работал без устали. Количество сделанного им за последний, иркутский период огромно. Писал воспоминания. Было как всегда много и хорошего. Байкал, новый регион, новые ботанические находки. Поездки в Листвянку на лимнологическую станцию и на биостанцию университета (место прохождения студенческой практики) в Большие Коты. Знакомства и встречи с интересными людьми – биологами, гидрохимиками, геологами, знатоками Байкала – Д.Н. Талиевым, В.В. Ламакиным, Н.А. Еловой и многими другими. В те времена было принято делать доклады в ВУЗах, выступал, конечно, и отец.

Берега Байкала были пустынно. Вода даже у листвянского берега – прозрачна как хрусталь. Рыбы было очень много. Косяки омуля подходили иногда к берегу даже в Больших Котах. Ранним утром местные жители созывали всех тащить невод. Такого нет уже несколько десятков лет.

Отец провел ряд экспедиций в основном по Байкалу на катерах: работал на побережье Малого моря, в частности, на Ольхоне. Работал на севере Байкала – Байкальский, Баргузинский хребты, Ушканьи острова. Отец был в экспедиции даже в последнее лето своей жизни.

Публикации о М.Г. Попове

Агаев М.Г. Михаил Григорьевич Попов // Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб. 1994. С. 463–476.

Агаев М.Г., дополнила **Смекалова Т.Н.** Попов Михаил Григорьевич // Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда: (юбилейное издание). 2-е изд., знач. перераб. и доп. СПб.: ВИР. 2017. С. 439–447.

Бочанцев В.П., Грубов В.И., Липшиц С.Ю. М.Г. Попов и В.В. Бусик Конспект флоры побережий озера Байкал. Изд. «Наука». М.–Л., 1966, 216 стр., 15 рис. Тираж 1200 экз. Ц. 1 р. 35 к. // Бот. журн. 1966. Т. 45. № 10. С. 1523–1526.

Гудков Г.В. Михаил Григорьевич Попов – выдающийся российский естествоиспытатель // Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий: (Из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке). Владивосток: Дальнаука. 2001. С. 254–259.

Доброчаева Д.М. М.Г. Попов как исследователь флоры и растительности Украины // Научные чтения памяти М.Г. Попова. 1960. Чт. 1–2. С. 15–26.

Доброчаева Д.М. Слово про М.Г. Попова та його вчення // Укр. бот. журн. 1977. Т. 34. № 2. С. 205–209.

Доброчаева Д.М., Кондратюк Є.М. Михайло Григорович Попов // Укр. бот. журн. 1956. Т. 13. № 3. С. 100–103.

Камелин Р.В. Судьба идей Михаила Григорьевича Попова // Бот. журн. 1994. Т. 79. № 8. С. 106–115.

Коровин Е.П. Творческий путь выдающегося исследователя Средней Азии Михаила Григорьевича Попова 1983–1955 // Тр. САГУ. Ботаника. 1958. Вып. 136. С. 7–20.

Культиасов М.В. Экологический принцип основ «флорогенетики» М.Г. Попова // История флоры и растительности Евразии. Л.: Наука. 1972. С. 182–191.

Культиасов М.В. Эколого-географический метод в работах М.Г. Попова и его значение // Тр. САГУ. Ботаника. 1958. Вып. 136. С. 21–30.

Липшиц С.Ю. Михаил Григорьевич Попов (18.IV 1893–18.XII 1955) // М.Г. Попов. Филогенетика, флорогенетика, флорография, систематика: Избр. тр. В 2-х ч. Киев: Наук. думка. 1983. –Ч. 1. С. 7–20.

Липшиц С.Ю. Светлой памяти Михаила Григорьевича Попова (18 IV 1893–18 XII 1955) // Бот. журн. 1956. Т. 41. № 5. С. 736–768.

Реймерс Ф.Э. Михаил Григорьевич Попов – ученый и человек // Научные чтения памяти М.Г. Попова. 1960. Чт. 1–2. С. 3–14.

Рубцов М.И. Сторінки із спогадів про М.Г. Попова // Укр. бот. журн. 1977. Т. 34. № 2. С. 209–211.

Рубцов Н.И. М.Г. Попов как исследователь флоры и растительности Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. биология. 1974. № 5. С. 15–18.

Хржановский В.Г. Михаил Григорьевич Попов. К семидесятилетию со дня рождения (1893–1963) // М.Г. Попов. Основы флорогенетики. М.: Изд. АН СССР. 1963. С. 3–17.

Хржановский В.Г. Послесловие (от редактора) // М.Г. Попов. Растительный мир Сахалина. М.: Наука. 1969. С. 116–118.

Хржановский В.Г., Алексеев Ю.А. Послесловие // М.Г. Попов. Осоки Сахалина и Курильских островов. М.: Наука. 1970. С. 130–136.

Яценко-Хмелевский А.А. К критике взглядов М.Г. Попова на происхождение покрытосеменных // Бот. журн. 1955. Т. 40. № 4. С. 604–606.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ПОПОВА

© В.М. Доронькин

Гербарий им. М.Г. Попова (NSK): история, состояние

В данных материалах описывается период возникновения и становления гербарных коллекций, касающихся Средней (Восточной) Сибири, к сбору которых, по побережью Байкала, приступил Михаил Григорьевич Попов, начав работать в г. Иркутске, и состояние этих коллекций в настоящее время.

Ознакомившись с опубликованной совершенно недавно автобиографией Михаила Григорьевича (М.Г.) (Попов, 2017) и его Личным делом, хранящимся в Научном архиве Иркутского научного центра СО РАН (г. Иркутск), хотелось бы отметить, что его извилистый жизненный путь был пройден под тезисом, которого М.Г. придерживался всю жизнь: «Единственно, чего я хотел – это путешествовать, видеть новые места, иную природу. *Бродяжничество с научными целями было моей всегдашней и лучшей отрадой – и таким я остался с этим странным вкусом, до конца своей жизни* (курсив мой)... Обстоятельства как-то благоприятствовали, хотя и не до конца, не до намеченной точки, моим стремлениям к путешествиям, но я не достиг того, величайшего, о чём всегда мечтал – попасть на несколько лет, с целью научного исследования, в тропический лес... Этого высшего счастья на мою долю не выпало!» И в продолжение этого: «...в течение всей своей жизни я сохранил неприязнь к городской жизни, которая... мне кажется пустой, не радостной, лишенной красок и счастья. Я жил только умственными интересами... Никогда я не помню, чтобы мечтал о приобретении чего-либо, о каких-либо материальных ценностях, о карьере – я никогда даже не думал быть профессором или вообще иметь какое-либо звание, чин, либо положение. Познание ради него самого, ради радости, которую оно даёт познающему, как бы богатеющему, собирающему сокровища в самом себе – было единственной заботой и даже почти инстинктивным чувством, направляющим мою жизнь. Материально... мне нужно было немного – иметь отдельную комнату..., где я мог бы читать и размышлять или фантазировать, а фантазия... работала интенсивно, да немного пищи – я в ней был всегда умерен – для поддержания нормального здоровья...».

Одной из причин мобильности М.Г. и невозможности подолгу жить и иметь прописку, в частности, в Ленинграде, «была фраза в одной из анкет 20-х годов, где на вопрос о партийной принадлежности – он честно ответил: «сочувствующий кадетам» (в то время кадетами были почти все профессора Санкт-Петербургского университета). На это обстоятельство указывает в своей книге Георгий Иванович Родионенко (2013) – лично знавший, и работавший рядом с М.Г.

М.Г. был осужден ПП ОГПУ ЛВО «за якобы принадлежность к партии эсеров» 21 апреля 1933 г. и отправлен в административную ссылку в Алма-Ата, в которой находился с 1933 по 1936 гг.

В дальнейшем в своих анкетах он писал, что никогда не состоял ни в какой политической партии и никогда не видел в глаза ни одного живого эсера и даже не чувствовал к их партии ни малейшей симпатии.

Евгения Николаевна Синская (1991) в своих воспоминаниях пишет, что М.Г. был человеком улыбочным и бодрым, но с прямым характером, сидел сравнительно недолго. Он рассказывал, что его много стращали и заставляли подписывать разные небылицы, но он отказывался. «Я думаю, – сказал он, – что карают только тех, кто действительно виноват, или тех, кто подписывает что попало, когда страшают».

В Сибири, в частности в Иркутске, М.Г. появился в конце своей жизни и прожил здесь всего пять лет. За это время он заложил основу Гербария, ставшего впоследствии одним из крупнейших академических гербариев региона, создал капитальную флористическую сводку по Средней Сибири.

В декабре 1950 г. М.Г. приехал в отпуск в Ленинград с Сахалина, где он был заведующим Ботаническим сектором Сахалинского филиала АН СССР. Здесь он написал заявление Председателю Восточно-Сибирского филиала АН СССР (ВСФ АН СССР), указав, что «мои ботанико-географические интересы побуждают меня особенно интересоваться востоком Сибири» и с декабря 1950 г. по ноябрь 1954 г. был старшим научным сотрудником Сектора биологии ВСФ АН СССР.

С 10 января по 10 апреля 1951 г. М.Г. был в командировке в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР (БИН АН СССР) без оплаты командировочных расходов. Ему было поручено составление, в течение указанного периода, аннотированного списка флоры Восточной Сибири и проведение отбора гербария для ВСФ АН СССР (приказ от 8 января 1951 г. по ВСФ АН СССР).

В Иркутск он прибыл весной (апрель–май) 1951 г., организовав лабораторию «Ботаника» (Бардунов, 2001, 2007), но, по всей вероятности, без обозначения официального статуса «лаборатория». Начал проводить экспедиционные поездки (как он называл, «экскурсии»), привлекая к этим поездкам студентов-ботаников Иркутского государственного университета (ИГУ), а позднее и аспирантов. Первые полевые работы и сборы гербария в 1951 г. были проведены с 20 мая по 31 августа в Иркутской области. На гербарных этикетках, помимо М.Г., первыми коллекторами значились И.И. Андреева, Л.В. Бардунов, М.В. Курилова и др.

Таким образом началось обследование побережья оз. Байкал, Пред- и Забайкалья, в процессе которого и была заложена основа будущего Гербария.

На основе имеющихся в нашем распоряжении гербарных материалов, обозначаем районы и сроки проведения, М.Г. с помощниками, коллекционных сборов. В 1952 г. полевые работы проходили с 15 мая по 12 сентября в Иркутской области и Республике Бурятия, коллекторы М.Г. Попов, И.И. Андреева, Л.В. Бардунов, В.В. Бусик, Г.А. Пешкова и др. В 1953 г. – с 27 мая по 13 августа – Иркутская область, Республика Бурятия, Читинская область, коллекторы М.Г. Попов, Л.В. Бардунов, И.И. Андреева и др. В 1954 г. – с 15 июня по 31 августа – Республика Бурятия, Иркутская область, коллекторы М.Г. Попов, Л.В. Бардунов, В.В. Бусик, Л.И. Малышев, Г.А. Пешкова и др. В 1955 г. – с 18 июня по 24 августа – Республика Бурятия, Иркутская область, коллекторы М.Г. Попов, Л.В. Бардунов, В.В. Бусик, В.М. Каплин, Л.И. Малышев, Г.А. Пешкова и др.

Первоначально гербарные коллекции размещались в здании ВСФ АН СССР в центре города (в настоящее время – здание Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва, ул. Ленина, д. 5). В собранные коллекции Гер-

бария были включены материалы, переданные из Гербария ИГУ (сборы В.И. Смирнова и Н.А. Еповой).

В историческом аспекте коллекторами Гербария являются: М.Г. Попов, В.В. Бусик, Ю.Ф. Кривотуленко (побережье оз. Байкал, Прибайкалье), Л.В. Бардунов, И.И. Андреева (побережье оз. Байкал, Восточный Саян), Г.А. Пешкова, М.В. Хилова (степные районы Прибайкалья, Даурия), Л.И. Малышев, З.Д. Беспалова (Малышева) (Восточный Саян), Н.С. Водопьянова (Тагильцева) (Средне-Сибирское плоскогорье), А.А. Киселёва (предгорья Восточного Саяна и Хамар-Дабана), А.А. Чепурнов (Северная Монголия, Сибирь), Р.Е. Крогулевич (Бурятия, Красноярский край), Ю.Н. Петроченко (Становое нагорье), С.Ю. Андрулайтис, М.М. Иванова, М.А. Решиков (степные районы Бурятии), А.М. Зарубин, Л.И. Номоконов, Н.А. Епова (Бурятия), Н.С. Лебединов, В.М. Каплин (Васильченко, Васильева, 1975; Бардунов, 2007; наши дополнения). При работе над изданием «Флора Сибири» в полевом коллектировании участвовали Н.М. Большаков, Н.В. Фризен, В.М. Доронькин, С.В. Бубнова (Овчинникова), Н.В. Власова, К.С. Байков, В.В. Зуев, Н.К. Ковтонюк, О.Д. Никифорова, Е.В. Рыбинская (Иванова). Позднее – И.В. Хан, И.Н. Шеховцова, Е.А. Балде, В.И. Ивлева.

По окончании полевого сезона М.Г. уезжал в Ленинград, в основном в отпуск, в БИН АН СССР, обрабатывать собранные полевые материалы. Первоначально планировалось подготовить (в разных написаниях) «Конспект флоры Восточной Сибири», «Конспект Восточно-Сибирской флоры».

Итогом этой титанической работы стала двухтомная сводка «Флора Средней Сибири» (1957, 1959). Ответственным редактором был чл.-корр. АН СССР Борис Константинович Шишкин. «Флора» включает 2515 видов и 10 подвидов, 247 разновидностей (*var.*), 29 форм (*f.*) и 1 *var. f.* из 581 рода, 102 семейств. Общий объем издания – 76,55 уч.-изд. л., что составляет 918 стр. Тираж 1500 экз. Иллюстрирована 2 портретами – Михаила Григорьевича Попова и Николая Степановича Турчанинова. Первый том М.Г. успел сдать 23 апреля 1955 г. и написал заявление на отпуск, в связи с большим утомлением, связанным с подготовкой рукописи тома.

Посмертно за работу по подготовке к изданию «Флоры Средней Сибири» М.Г. Попову постановлением Президиума АН СССР от 30 ноября 1956 г. (№ 665) на основе решения Экспертной комиссии по Отделению биологических наук была присуждена денежная премия Президиума, в размере 5 тыс. рублей. Постановление было подписано Президентом АН СССР, академиком А.Н. Несмеяновым. В 1960 г. за эту работу АН СССР присудила М.Г. Премию имени В.Л. Комарова.

В планах М.Г. была работа над популярной книгой о полезных диких растениях Восточной Сибири. Но это, к сожалению, не было завершено.

В 1956 г. в продолжение исследования флоры Средней Сибири, уже посмертно, были опубликованы две работы об эндемиках побережий Байкала (Попов, 1956а, б).

За период работы М.Г. в Иркутске официальный статус созданной им лаборатории был оформлен лишь в 1954 г.

Этапы развития событий по утверждению лаборатории флоры и гербария были следующие. Президиум ВСФ АН СССР 29 октября 1954 г. ходатайствовал перед Советом филиала АН СССР об утверждении в должности заведующего лабораторией флоры и гербария Отдела биологии профессора, доктора биологи-

ческих наук Михаила Григорьевича Попова (подписано Председателем Президиума ВСФ АН СССР д.г.-м.н., проф. Е.В. Павловским). С 1 ноября 1954 г. М.Г. был назначен исполняющим обязанности заведующего лабораторией (подписано Заместителем Председателя Президиума ВСФ АН СССР В.В. Перфильевым, приказ от 6 ноября 1954, № 220). 23 ноября 1954 г. (протокол № 37) – доктор биологических наук Попов Михаил Григорьевич утвержден в должности заведующего Лабораторией флоры и гербария (подписано Председатель, академик И.П. Бардин).

В одной из производственно-общественной характеристик (на 01.VII. 1951 г.) было отмечено, что М.Г. очень опытный, глубоко и разносторонне эрудированный ученый в области ботаники и смежных с нею дисциплин. Весьма трудолюбив. В административных и научно-производственных вопросах разбирается крайне слабо. Общественную работу в Филиале не ведет и интереса к ней не проявляет. Однако впоследствии в характеристиках отмечается, что М.Г. внимательно руководит работой молодёжи и имеет в Филиале несколько талантливых учеников, которым он оказывает большую научную помощь. Профессор Попов не чужд общественной работе и принимал активное участие в организации городских выставок цветов в г. Иркутске. Работа М.Г. неоднократно отмечалась благодарностью и денежными премиями администрацией ВСФ АН СССР (приказ 251 от 29 декабря 1951 г., приказ 239 от 25 декабря 1952 г., приказ 247 от 15 декабря 1953 г.).

Перед кончиной М.Г. приехал в Ленинград, остановился (как мне рассказывал Юрий Павлович Кожевников, живший в служебной квартире БИНа, где останавливался и М.Г.) на Профессора Попова, 1, где он скончался 18 декабря 1955 г. Похоронен Михаил Григорьевич Попов на Серафимовском кладбище.

Позднее Сектор биологии был переименован в Отдел биологии, а 31.03.1961 г. на его базе создан Восточно-Сибирский биологический институт СО АН СССР (ВСБИ СО АН СССР). Лаборатория, в которую входили флористы и геоботаники, во время образования ВСБИ СО АН СССР была поделена на две: лабораторию геоботаники (возглавил Леонтий Иванович Номоконов) и лабораторию флоры и растительных ресурсов (возглавил Вадим Николаевич Барышников), последнюю – с 1966 по 1978 гг. возглавлял ученик М.Г. Попова – Леонид Иванович Малышев. С 23.12.1966 г. ВСБИ СО АН СССР реорганизован в Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО АН СССР (СИФИБР СО АН СССР), где находился Гербарий, созданный М.Г. (Бардунов, 2001).

Президиум АН СССР (г. Москва) в 1976 г. присвоил гербарии имя его основателя – «Гербарий им. М.Г. Попова».

В 1978 г. гербарные коллекции и ряд сотрудников лаборатории были переведены из Иркутска в Новосибирск в Центральный сибирский ботанический сад СО АН СССР (ЦСБС СО АН СССР). Лаборатория получила название лаборатория систематики высших сосудистых растений и флорогенетики, заведующим которой (до 2001 г.) и директором ЦСБС СО АН СССР стал Л.И. Малышев. В 1979 г. большая часть гербарной коллекции было перевезена в Новосибирск, в Иркутске осталось на то время около 10 000 гербарных листов⁴⁵. В конце 80-х годов прошлого века Гербарий был зарегистрирован в международном каталоге – базе данных «Index Herbariorum» с акронимом NSK. С 2001 по 2005 гг. коллек-

⁴⁵ На сегодняшний день Гербарий Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН (IRK), г. Иркутск насчитывает около 60 000 гербарных листов сосудистых растений.

тивом лаборатории руководил Константин Станиславович Байков. С 2005 г. лабораторией заведует Владимир Михайлович Доронькин.

В 2016 г. гербарные коллекции NSK и NS (еще один Гербарий ЦСБС СО РАН), в связи с перестройкой, были переданы в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО) и создана Уникальная научная установка «Гербарий высших растений, лишайников и грибов (NS, NSK)» с обозначением как USU_440537. (Приказ № 1253-35 от 30.06.2016 г.). В 2017 г. (Приказ 1252-43 от 08.12.2017 г.) была создана группа «Уникальная научная установка – Гербарий». Руководитель Ковтонюк Наталия Каримулловна. К настоящему времени гербарные коллекции ЦСБС СО РАН насчитывают 808 550 листов и пакетов.

Гербарные коллекции NSK, в основном, состоят из сборов из Северной Азии. Более многочисленны сборы из Восточной Сибири, включая Предбайкалье и Забайкалье, Восточный Саян, Становое нагорье, плато Путорана (Красноярский край), Якутии, Алтая, российского Дальнего Востока, юга Западной Сибири, Монголии.

С момента основания и до переезда Гербария им. М.Г. Попова в Новосибирск, на основе имеющихся коллекций, были изданы такие флористические сводки как «Флора Средней Сибири» (Попов, 1957, 1959), «Высокогорная флора Восточного Саяна» (Малышев, 1965), «Конспект флоры побережий озера Байкал» (Попов, Бусик, 1966), «Высокогорная флора Станового нагорья» (1972), «Степная флора Байкальской Сибири» (Пешкова, 1972), «Флора Путорана» (1976), «Флора Центральной Сибири» (1978) и ряд других изданий, в которых были описаны новые для науки таксоны разного ранга.

В Новосибирске коллектив лаборатории под руководством Л.И. Малышева совместно с коллегами из лаборатории Гербарий ЦСБС СО АН СССР, Московского и Томского государственных университетов, БИНа и других профильных лабораторий учебных и научных учреждений Сибири, выполнили многолетний проект «Флора Сибири» (1987–2003). Его итогом стало издание 14-ти томной сводки «Флора Сибири», с последующим переизданием на английском языке «Flora of Siberia» международном научном издательством Science Publishers, Inc., (Enfield of NH, USA – Plymouth, UK) (2000–2007). Суммарный объем всех русскоязычных томов составляет 3921 стр. Общий тираж издания составляет 21680 экз. (тираж томов неравномерен – от 930 до 3350 экз.). В работе над этим изданием приняли участие 43 ботаника.

В издании «Флора Сибири» описано по определенной форме 4510 видов и подвидов сосудистых растений из 137 семейств, 842 родов. С появлением новых данных и на основе издания «Флора Сибири» был издан «Конспект флоры Сибири: сосудистые растения» (2005). В сводку включено 4587 таксонов из 848 родов и 145 семейств. В 2012 г. на основе сводок «Сосудистые растения советского Дальнего Востока» и «Флора Сибири» издан «Конспект флоры Азиатской России: сосудистые растения», включающий 6961 таксон из 191 семейства, 1187 родов.

Фонды Гербария им. М.Г. Попова используются при подготовке природоохранных изданий различного уровня: от региональных до федерального. В последнее время большое внимание уделяется проблеме инвазионных видов растений на территории Сибири и коллекции Гербария послужили основой для издания «Чёрной книги флоры Сибири» (2016).

С 2014 г. сотрудниками лаборатории систематики высших сосудистых растений флорогенетики начаты работы по выявлению в NSK типовых гербарных образцов, их оцифровке с последующим размещением на специализированных сайтах. Работа велась по программе Global Plant Initiative, которая была поддержана грантом на 2014–2016 гг. (№ 41300650) Фонда Эндрю Меллона (США) – «Оцифровка типовых гербарных образцов, хранящихся в Центральном сибирском ботаническом саду СО РАН, Новосибирск (ЦСБС СО РАН), международный обмен данными» – «Digitizing Type Specimens, data sharing, and capacity building at Central Siberian Botanical Garden SB RAS, Novosibirsk (CSBG SB RAS)». Оцифрованные аутентичные гербарные образцы размещены в США на портале Jstor (<https://plants.jstor.org/collection/TYPSPE>) и в Австрии на Венской базе данных “Virtual Herbaria” (<http://herbarium.univie.ac.at/database/search.php>).

Сканирование производится старшим лаборантом Л.З. Лукмановой на специальном оборудовании – HerbScan, полученном по гранту из Англии (Королевский ботанический сад, Кью).

Созданная виртуальная база позволяет в режиме удаленного доступа через интернет, проводить поиск таксонов по названиям, статусам типовых образцов, географической привязке, морфологические исследования по оцифрованному изображению гербарного листа высокого качества с масштабной и цветовой шкалой, анализировать исторические сборы коллекторов и т. д. Созданная база дает возможность сгенерировать географическую карту мест сборов аутентичных образцов при условии, что при заполнении фактических данных введены координаты сбора (Ковтонюк, 2015).

Продолжение исследований по типификации коллекций NSK было осуществлено по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (№ 15-29-02429, руководитель С.В. Овчинникова) «Выделение типовых и аутентичных материалов, оцифровка и создание каталога типовых и аутентичных образцов сосудистых растений, хранящихся в Гербарии им. М.Г. Попова (NSK) Центрального сибирского ботанического сада СО РАН». К настоящему времени коллективом лаборатории систематики высших сосудистых растений и флорогенетики выявлено и оцифровано 789 образцов типового материала, представленных 288 таксонами из 120 родов и 36 семейств. Среди выделенных материалов имеются типовые образцы различного уровня, которые были обнаружены М.Г.

Holotypus: *Epilobium baicalense* Popov, *Eritrichium baicalense* Popov ex Ovczinnikova, *Mannagettaea ircutensis* Popov (табл. I), *Stellaria angarae* Popov, *Salix baicalensis* Turcz. ex Andersson var. *laetissima* Popov, *Viola repens* Schwein. var. *albiflora* Popov, *Viola rupestris* F.W. Schmidt var. *glabra* Popov, *Betula ermanii* Cham. f. *brachystachys* Popov, *Pulsatilla patens* (L.) Mill. f. *albo-rosea* Popov, *Pulsatilla patens* (L.) Mill. f. *polypetala* Popov; *Oxytropis peschkovae* Popov; и др. **Isotypus:** *Rochelia karsensis* Popov, *Saussurea pseudosquarrosa* Popov & Lipsch., *Swertia baicalensis* Popov, ex Pissjauk., *Viola rupestris* F.W. Schmidt var. *glabra* Popov; *Oxytropis peschkovae* Popov; Paratypus: *Eritrichium baicalense* Popov ex Ovczinnikova; и др. **Syntypus:** *Eritrichium baicalense* Popov ex Ovczinnikova, *Megadenia bardunovii* Popov (табл. II), *Erysimum altaicum* Maxim. var. *baicalense* Popov, *Stellaria angarae* Popov var. *baicalensis* Popov; Lectotypus: *Melandrium apetalum* Fenzl var. *vegetum* Popov, *Polygonum ajanense* (Nakai) Grig. var. *glabrum* Popov, *Populus suaveolens* Fisch. var. *baicalensis* Popov, *Salix fumosa* Turcz. var. *laxiflora* Popov, *Salix rectijulis* Ledeb. ex Trautv. var. *angustifolia* Popov, *Salix rectijulis* Ledeb. ex Trautv. var.

HOLOTYPUS
Mannagettaea irtutensis Popov 1954,
 Bot. Mater. Gerb. Bot. Inst. Komarova
 Akad. Nauk S.S.S.R. 16: 10
 I. Han, 2014-08-22

HOLOTYPUS

ГЕРБАРИЙ M-47-24
 Восточно-Сибирского филиала АН СССР
 = *Mannagettaea irtutensis* Ч.Поп.
M. hummellii H. Smith sp. n.
 Местонахождение Восточная Саяна
Тункинская долина
Около сел. Турок
в еловом лесу по берегу р. Урсула
 Собрал Л.В. Бардунов
 22 VII 1953 г. Определил _____
 Иркутск, тип. «Вост.-Сиб. правда», зак. № 4016-1000-53

Таблица I. Holotypus *Mannagettaea irtutensis* Popov (NSK0000064).

SYNTYPUS
Megadenia bardunovii Popov,
 1954 Bot. Mater. Gerb. Bot.
 Inst. Komarova Akad. Nauk
 S.S.S.R. 16: 13
 S. Ovchinnikova, V. Doronkin,
 2014-09-29

Herbarium NSK

 N S K 0 0 0 0 1 3 5

SYNTYPUS

M-47-12

ГЕРБАРИЙ
 Восточно-Сибирского филиала АН СССР
Megadenia Bardunovii M. Pop.
 Местообитание *Восточные Саяны,*
Тункинская долина, Муран,
Исс-Озун.
 Местообитание
 Собрал *М. Ф. Попов и Бардуков А. В.*
27.VII 1953 г. Определил *М. Ф. Попов*
 Изд. тип. «В.-С. Правда», Зак. № 4252—10000—51

Таблица II. Syntypus *Megadenia bardunovii* Popov (NSK0000135).

latifolia Popov, *Silene jeniseensis* Willd. var. *vegetior* Popov, *Stellaria cherleriae* (Fisch. ex Ser.) F.N. Williams var. *pubicalyx* Popov; Isolectotypus: *Oxytropis tompudae* Popov, *Megadenia bardunovii* Popov, *Silene jeniseensis* Willd. var. *vegetior* Popov; и др. **Specimen authenticum:** *Mannagettaea ircutensis* Popov, *Megadenia bardunovii* Popov, *Oxytropis tompudae* Popov, *Stellaria angarae* Popov, *Melandrium apetalum* Fenzl var. *vegetum* Popov; и др.

По материалам коллекции типовых образцов, хранящихся в фондах Гербария им. М.Г. Попова (NSK), имеются публикации (Доронькин, 2015; Шеховцова, 2015; Овчинникова и др., 2016; Хан, 2016; Власова, 2017; и др.).

В конце 2017 г. в связи с созданием «УНУ – Гербарий», ЦСБС СО РАН, на выделенные средства ФАНО, приобрел специализированное оборудование – Microtek ObjectScan 1600 (Тайвань). Начаты работы по сканированию гербарных фондов NSK и NS (И.М. Деюн, Е.А. Гатилова), созданию электронной базы данных коллекции (И.В. Хан), с последующим размещением виртуальных сканов на сервере СО РАН.

В 2017 г. произведён количественный учёт гербарной коллекции фонда Гербария им. М.Г. Попова (NSK). Его фонд насчитывает 239 992 гербарных листов. Начаты работы по баркодированию (штрихкодированию), специализированному штампованию гербарных листов коллекции, для последующего сканирования (ведущий инженер И.М. Деюн).

С гербарными коллекциям NSK работают сотрудники ЦСБС СО РАН, ученые из различных научных учреждений всего мира. Гербарий им. М.Г. Попова посещают студенты, школьники и любители.

Литература

Бардунов Л.В. Из истории: Лаборатория ботаники – Лаборатория флоры и растительных ресурсов – Группа Гербарий // Биолог: стенная газета, подготовленная к 40-летию СИФИБР СО РАН. Иркутск. 2001. 3 с.

Бардунов Л.В. В поле и за микроскопом. Новосибирск. 2007. 143 с.

Васильченко И.Т., Васильева Л.И. Гербарии Советского Союза. Л. 1975. 60 с.

Власова Н.В. Типовые образцы таксонов сем. Caryophyllaceae в коллекции Гербария им. М.Г. Попова (NSK) // Проблемы изучения и сохранения растительного мира Евразии: Матер. II Всеросс. конф. с междунар. участием, посвященной памяти Л.В. Бардунова. Иркутск. 2017. С. 6–7.

Высокогорная флора Станового нагорья. Состав, особенности и генезис / отв. ред. Л.И. Малышев. Новосибирск. 1972. 272 с.

Доронькин В.М. Из коллекции типовых образцов, хранящихся в гербарии им. М.Г. Попова (NSK), Новосибирск // Проблемы изучения растительного покрова Сибири: Матер. V Междунар. науч. конф., посвященной 130-летию Гербария им. П.Н. Крылова и 135-летию Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. Томск. 2015. С. 25–27.

Ковтонюк Н.К. Виртуальная коллекция типовых образцов гербария имени М.Г. Попова (NSK) // Раст. мир Азиатской России. 2015. № 3(19). С. 88–93.

Конспект флоры Сибири: сосудистые растения / под ред. К.С. Байкова. Новосибирск. 2005. 362 с.

Конспект флоры Азиатской России: сосудистые растения / под ред. К.С. Байкова. Новосибирск, 2012. 640 с.

Малышев Л.И. Высокогорная флора Восточного Саяна: обзор сосудистых растений, особенности состава и флорогенезис. М.; Л. 1965. 368 с.

Овчинникова С.В., Никифорова О.Д., Доронькин В.М., Власова Н.В., Шеховцова И.Н., Пинженина Е.А. Типовые образцы семейства Роасеае в коллекциях гербария имени М.Г. Попова (NSK) // Раст. мир Азиатской России. 2016. № 1(21). С. 48–64.

Пешкова Г.А. Степная флора Байкальской Сибири. Новосибирск. 1972. 207 с.

Попов М.Г. Автобиография ботаника, доктора биологических наук, профессора и члена-корреспондента Украинской академии наук // Фиторазнообразии Восточной Европы. 2017. XI (1). С. 89–134.

Попов Михаил Григорьевич. Личное дело // Научный архив ИНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 807. 64 л.

Попов М.Г. Эндемизм во флоре побережий Байкала и его происхождение // Академику В.Н. Сукачёву к 75-летию со дня рождения. М.; Л. 1956а. С. 442–462.

Попов М.Г. Эндемизм во флоре северо-восточного побережья Байкала // Сборник материалов по изучению производственных сил Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ. 1956б. Вып. 2. С. 407–419.

Попов М.Г. Флора Средней Сибири. М.; Л. 1957. Т. 1. 555 с.; 1959. Т. 2. С. 556–918.

Попов М.Г., Бусик В.В. Конспект флоры побережий озера Байкал. М.; Л. 1966. 216 с.

Родионенко Г.И. Постигая тайны природы (Судьба моя – ирисы). СПб. 2013. 260 с.

Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И. Вавилове. Киев. 1991. 205 с.

Флора Путорана. Материалы к познанию особенностей состава и генезиса горных субарктических флоры Сибири / отв. ред. Л.И. Малышев. Новосибирск. 1976. 244 с.

Флора Центральной Сибири: В 2 т. / под ред. Л.И. Малышева, Г.А. Пешковой. Новосибирск. 1978. 1048 с.

Флора Сибири: В 14 т. / отв. ред. Л.И. Малышев, Г.А. Пешкова, И.М. Красноборов, А.В. Положий. Новосибирск. 1987–2003. 3921 с.

Хан И.В. Таксоны из семейств Asteraceae, Euphorbiaceae и Scrophulariaceae в коллекции типовых образцов Гербария им. М.Г. Попова (NSK) // Раст. мир Азиатской России. 2016. № 3(23). С. 41–54.

Черная книга флоры Сибири. Новосибирск. 2016. 440 с.

Шеховцова И.Н. Типовые образцы некоторых таксонов рода *Carex* L. (Cyperaceae), хранящиеся в гербарии им. М.Г. Попова (NSK) // Ботанические коллекции – национальное достояние России: Сб. науч. статей Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф., посвященной 120-летию Гербария им. И.И. Спрыгина и 100-летию Русского ботанического общества. Пенза. 2015. С. 135–137.

Flora of Siberia. Vol. 1–14 / eds. L. Malyshev, G. Peshkova, I. Krasnoborov, A. Polozhij. Science Publishers, Inc. (Enfield of NH, USA-Plymouth, UK), 2000–2007.

Флора Байкальской Сибири и ее происхождение⁴⁶

Она получила свое имя на берегах синего Средиземного моря, под горячим солнцем юга, где пологая морская волна, набегая на песчаный пляж, оставляет белую пену, из которой, как будто непосредственно рождаются снежно-белые цветки панкрациума.

Поэтически настроенные обитатели древней Эллады называли ее Хлорис (Зеленая), а более грубый язык латыни превратил ее имя во Флору (Цветочная).

Греки Эллады, эллины, представляли ее в образе прекрасной девушки; ее волосы прикрывал венок из жестких веток вечнозеленого дуба, среди темных листьев которого ярко рдели красные цветки амариллиса; ее стан и плечи были обвиты плющом, а груди представляли полные спелые грозди винограда; в ее руках были две корзиночки, одна полная сине-черных маслянистых оливок, другая – спелых душистых фиг.

В противоположность земным девушкам, Хлорис-Флора всегда была юной; она не старела. Каждый год она засыпала на короткую южную зиму, утомленная жарким летом и трудами плодоносной осени, а весной снова пробуждалась, столь же юная, как и прежде, улыбаясь огненной колеснице солнечного бога, высоко поднявшейся в небе. Тогда она пахла дивными ароматами фиалок и гиацинтов, позднее – синих колосьев лаванды, то ярких, то розовых, то золотисто-желтых шиповников.

Наша сибирская флора скромнее греческой и латинской; она не приносит людям сладких фиг, пьянящего винограда, богатых маслом оливок; в ней нет душистых фиалок, и гиацинты не прячут свои кудри в зеленой траве. Но все же она щедро рассыпает кедровые орешки, бесчисленную таежную ягоду, множество нарядных и сочных грибов; она украшается синими сибирскими водосборами, малиновыми пионами и теплым пламенем оранжевых «жарков». Наша флора засыпает на долгую зиму, почти на 8 месяцев в году, и с трудом просыпается в сухую и холодную неуютную сибирскую весну.

Нити, из которых спрядено (составлено) тело флоры и ее наряда, называются натуралистами видами или естественно историческими, или биологическими. Каждый сорт нитей, каждый вид особенен – они подобны нитям из хлопка, шерсти, шелковым нитям или серебряным и золотым; много разных сортов нитей в теле и одежде флоры.

Каждая нить построена особенным образом, биологическим способом, через повторение, нанизывание одинаковых частиц, особей, индивидуумов. Вид растения – это миллиарды особей, живущих в данное время, в данном году, и еще многие миллиарды таких же особей предшествующих и будущих поколений. Каждый биологический вид несет в себе, в своей структуре, не только свое прошлое, признаки своих предков, но и свое будущее, видовое, специфическое, его собственное. Все особи вида сходны друг с другом, практически тождественны, и их совокупность, множество, всегда отличимы от любой другой видовой совокупности. Натуралист, если он внимателен, никогда не ошибется в принадлежности данной особи к той или иной видовой совокупности, к определенному биологическому виду. Таким образом, миллиарды особей данного года и

⁴⁶ Впервые опубликовано в кн.: Новая Сибирь: Литературно-художественный альманах Иркутского отделения Союза писателей СССР. Иркутск. 1955. Кн. 33. С. 302–319.

еще большее число миллиардов их, принадлежавших предшествующим и грядущим поколениям, вытягиваются в нить, которая, наряду с другими, составляет тело флоры или ее украшения.

Эти нити готовит не ткач и не машина – в таких случаях известен материал, из которого нить готовится, и технологический способ, через который сырой материал, будь то шерсть, волокно хлопка или вискозы, превращается в нить. Нити флоры, виды, ткот природа; машиной, творящей нить, является особь, индивидуум, и именно она (он) производит другую особь, ей тождественную. Эта машина работает не так, как машины, созданные человеком. Органическая машина, особь, воспроизводит самое себя или себя и отца, она работает по принципу (закону) полного сходства.

Поэтому флора данной страны остается каждый год той же самой, какой она была и в предыдущие годы. Она засыпает зимой, а весной просыпается и остается загадкой: вечно юной и каждый год одной и той же. Во всяком случае, уже много лет она была той же самой в Иркутске. Наш скромный опыт простирается не так далеко вглубь времен, но все же мы и теперь, в 1955 году, находим в теле нашей флоры те же самые нити, которые видели в ней Гмелин и Паллас 200 лет тому назад, и те же, которые подробно описал Турчанинов⁴⁷ за сотню лет до нас.

Мы обязаны с благодарностью вспомнить людей, которые в столь давние времена упорным и часто героическим трудом стремились познать флору Восточной Сибири. В середине–конце XVIII столетия Российская академия наук состояла главным образом из немцев, приглашенных из-за границы; своих отечественных ученых тогда почти не было, если не считать великого Ломоносова и таких одиночек-натуралистов, как исследователь Камчатки Степан Крашенинников. Нужно отдать дань признательности академикам-немцам того времени: с чисто немецкой настойчивостью и последовательностью они вели исследование флоры Сибири.

Академик Иоганн Георг Гмелин несколько лет провел в путешествиях по Лене, Байкалу и в Даурии; его четырехтомная «Флора Сибири» была фундаментом для познания нашей флоры почти в течение столетия. За ним последовал знаменитый разносторонний натуралист, ботаник и зоолог, Петр Симон Паллас, который описал множество растений Енисея, Байкала и Даурии. Их труды, с таким успехом начатые, завершил уже в середине XIX столетия замечательный русский ботаник самородок Николай Степанович Турчанинов. Он не был по званием ни академиком, ни ученым; он добывал себе хлеб насущный скучной службой чиновника – то в Иркутске, то в Красноярске, где состоял в чине советника Губернского управления и одно время даже вице-губернатора. Но под мундиром чиновника билось сердце ревностного исследователя природы. В течение восьми проведенных им в Сибири лет Турчанинов совершил множество, нередко

---

⁴⁷ Николай Степанович Турчанинов (май 1796 г.–7 января 1864 г. (26 декабря 1863 г.) – русский ботаник-систематик. Председатель губернского правления Енисейской губернии. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1830 г.) – Рис. 17. Автор первой фундаментальной сводки по флоре Байкальской Сибири – «Байкало-Даурская флора» (*Flora Baicalensi-Dahurica, seu, Descriptio plantarum in regionibus Cis- et Transbaicalensibus atque in Dauria sponte nascentium*). «Флора» издавалась на протяжении 16 лет (1842–1857 гг.) в «Бюллетене Императорского Московского общества испытателей природы» (*Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou*). – Рис. 18. За «Байкало-Даурскую флору» в 1857 году Н.С. Турчанинов был удостоен полной Демидовской премии Императорской Академии наук.

длительных, путешествий по Саянам, Байкалу, Даурии и, в частности, первым из ботаников прошел через Баргузинскую долину в западный край Витимского нагорья и оттуда через перевалы хребтов на Верхнюю Ангару. Н.С. Турчанинов собрал обширнейший гербарий растений Восточной Сибири, дублиеты из которого он посылал в Москву и еще дальше, в Женеву, где в то время жил и работал знаменитейший ботаник, учитель поколений, патриарх ботаников Пирам Декандоль. Для последнего, посылки Турчанинова, содержавшие сотни новых, неизвестных никому видов, были ценнейшей подмогой; он в свою очередь посылал Турчанинову гербарии растений из Южной Африки, Южной Америки, Австралии, которые поступали к Декандоллю от различных иностранных путешественников. Так почти через весь континент, из Иркутска в Женеву и из Женевы в Иркутск, бежали почтовые тройки с драгоценной кладью. Благодаря этому Турчанинов был в состоянии, сидя в Иркутске, описывать новые роды и виды Южной Африки, чилийских Анд, пустынь Австралии. Но все же главным его трудом была «Байкало-Даурская флора», которая и до сих пор остается единственной, хотя она была напечатана 100 лет тому назад. К сожалению, по обычаю старого времени, она была написана на латинском языке, а кроме того, давно стала библиографической редкостью, так что достать ее почти невозможно. Даже в Иркутске имеется, кажется, единственный ее экземпляр.

Рис. 17. Николай Степанович Турчанинов (1796–1864 гг.) – автор первой фундаментальной сводки по флоре Байкальской Сибири – «Байкало-Даурская флора».

FLORA BAICALENSI-DAHURICA
SEU
DESCRIPTIO PLANTARUM
 IN REGIONIBUS CIS-ET TRANSBAICALENSIBUS
 ATQUE IN DAHURIA SPONTE NASCENTIUM
 AUCTORE NICOLAO TURCZANINOW.

Préface.

Le pays dont je vais exposer ici la végétation comprend les arrondissements de Werkhné-Oudinsk et de Nertchinsk, ou la partie transbaicalienne du gouvernement d'Irkoutsk et l'arrondissement d'Irkoutsk même. Toute cette contrée est hérissée de montagnes plus ou moins hautes. Les plaines qui s'étendent sur les bords des rivières sont aussi très élevées. La ville d'Irkoutsk, bâtie sur les rives de l'Angara inférieure, ou l'Angara proprement dite, est élevée d'environ 500 pieds au dessus du niveau de la mer. Les plaines de l'Irkout et les transbaicaliennes sont encore plus hautes. N'ayant pas eu d'instruments, je n'ai pas pu mesurer la

1*

662012

Digitized by Google

Рис. 18. Первая страница первого выпуска Flora Baicalensi-Dahurica, seu, Descriptio plantarum in regionibus Cis- et Transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium. Bull. Soc. Nat. Moscou. 1842. Т. XV, № 1.

Наша флора состоит из 2000 видов только высших, сосудистых растений, не считая грибов, мхов, лишайников и водорослей. Вот сколько имеется сортов нитей, из которых она сделана! А мы еще говорим, что восточносибирская флора – скромная флора. Нельзя думать, что все эти 2000 видов встречаются всегда вместе, на всем пространстве от Енисея до верховьев Амура. То, что растет в Саянах, далеко не совпадает с тем, что мы встречаем на Байкале. В сухих степях Даурии состав флоры совсем особенен: натуралиста там поражают даурумонгольские виды, столь характерные и своеобразные, не похожие ни на виды тайги, ни на горные виды Саян.

Натуралист исследует эти географические различия во флоре и задумывается над их причинами. Он видит, что Саяны, например, походят по строению их флоры на Алтай; одни и те же нити, виды, нередко протягиваются по горной стране от Алтая до Байкала (Хамар-Дабана), особенно в высокогорьях; пораженный натуралист находит, что некоторые нити, как золотая паутина, тянутся из Саян в Гималаи или в субтропический Китай, а с другой стороны – белые нити тянутся далеко на север, в Арктику. Даурские степные виды, красные нити, обычно встречаются и в Монголии, почему мы и называем их даурумонгольскими. Одним словом, при ближайшем исследовании выясняется, что нити флоры сплетены весьма прихотливым образом, что состав каждого сорта нити особенен, что вся структура флоры представляет до крайности сложную картину, так что требуется много труда, чтобы разобраться даже в основных чертах последней.

Самым трудным вопросом является вопрос о том, когда и где были изготовлены те сорта нити, те виды, из которых составлено тело флоры. Мы уже говорили, что они воспроизводятся сами, из самих себя, путем образования серий тождественных особей. Но почему их столько, сколько мы их в действительности находим, и почему они именно таковы, какими мы обнаруживаем их в реальности? На советском Дальнем Востоке они на 3/4, а в Европейской части СССР на 3/5 иные, чем в Восточной Сибири, несмотря на то, что Дальний Восток втрое ближе к нам, чем Европа. От нашей флоры нити тянутся, как мы уже сказали, в Гималаи и Китай, в Монголию и Арктику, на Дальний Восток и в Европу. Но европейские виды все же преобладают в нашей флоре – они составляют почти 1/2 нашей флоры. Даже те сорные растения, бурьяны, которые вместе с развитием земледелия, с городским и заводским строительством, с прокладкой дорог, наводняют пустыри, брошенные пашни, залежи, обочины дорог, все имеют европейский характер, являются пришельцами с запада. Посмотрите поля под Иркутском. Когда поле вспахано, оно становится желтым от цветков сурепки или желтого осота – европейских видов; малиновый куколь, синий синяк, голубые васильки, желтая пупавка, белые донник и икотник – все они пришли, были привезены к нам с запада помимо воли и сознания человека. Беспокойный западный человек, европеец, проник во все части земли и всюду, в Америку и Австралию, на юг Африки и на Дальний Восток, он принес свои привычки, образ жизни, методы ведения хозяйства и свои... сорные растения. Особенно легко ему удалось принести последние в Восточную Сибирь, где флора почти наполовину состоит из общих с Европой видов.

Географический анализ нашей флоры приводит к убеждению, что почти все нити, все виды, ее составляющие, имеют третичный возраст, то есть были созданы еще в третичный период геологической истории земли, не менее чем за мил-

лион лет, а вероятно – за несколько миллионов лет до нашего времени. Масштаб геологических времен и событий с трудом сопоставим с временами и событиями человеческой истории! Голубые незабудки и оранжевые цветки «жарков», таежные черника и брусника украшали природу задолго до того, как появился человек – единственное существо, которое смогло их описать, нарисовать и классифицировать!

Мы узнаем из этого, что, казалось бы, столь хрупкие, нежные создания природы, как органические виды, с тончайшими деталями своих структур, могут существовать гораздо дольше, чем самые прочные творения человека.

Посмотрим теперь, как натуралист представляет себе в масштабе геологических времен тот ход событий, который привел к современной структуре флоры. Многое, конечно, остается в этом вопросе неясным, неизученным: с трудом раскрывается мрак завесы прошлого, но кое-что мы все же имеем возможность утверждать, как достоверное.

В конце третичного периода, когда несколько миллионов лет тому назад, климат Восточной Сибири, Прибайкалья, был значительно теплее современного; он был субтропическим. Субтропические леса, часто с вечнозелеными деревьями, покрывали низкогорья на месте современных Саян и гор Прибайкалья, окружали тогда еще только зарождающийся, неглубокий и небольшой Байкал (Прабайкал); западнее и восточнее Байкала, на равнинах Плато и Селенгинской Даурии, расстились субтропические полусаванны и пустыни, далеко уходящие на север, в Якутию. Несколько позднее, в самом конце третичного периода, низкогорья Саян, Прибайкальские хребты и горы Даурии начали быстро подниматься, при этом происходила глубокая перестройка их внутренней структуры, и вулканические явления, излияния лав охватили громадные пространства. Аналогичные процессы происходили тогда и во всей Азии. Земля решительно меняла свой облик: она становилась холоднее и суше. Байкальская впадина углубилась, и Байкал приблизился к современным очертаниям, зато многие мелкие озера Монголии и Даурии исчезли, высохли. В конце третичного периода Байкальская Сибирь оказалась в южной пребореальной полосе холодной зоны и перестала быть субтропической страной. По ее вновь сформировавшимся горным системам распространились листопадные, дубово-грабовые и липовые леса, а на окружающих их равнинах настоящие степи сменили субтропические полусаванны и пустыни. Именно в этот отрезок времени, в конце третичного периода, в эпоху интенсивного горообразования, геологического диастрофизма, в эпоху перехода Байкальской и Якутской Сибири из субтропической зоны в холодную, формировались, создавались те нити, те виды, которые составляют тело нашей современной флоры. Следует иметь в виду, что они создавались не только в Байкальской Сибири, но и в тех частях Сибири, которые лежали много севернее, вплоть до Таймыра и островов Ледовитого океана.

Но вот наступил тот странный в истории земли период, в причинах которого ученые не разобрались до настоящего времени, – ледниковый период с его холодным климатом. Земля как бы слишком увлеклась процессом охлаждения и зашла в этом направлении дальше, чем того требовали ее космическое положение и актуальная геоструктура. В Европе ледовые покровы распространились к югу до 50° с. ш., в Западной Сибири до 60° с. ш., в Восточной Сибири снегом и ледниками покрылись высокие горные хребты, в том числе Прибайкальские, и языки льда, спускавшиеся с гор, дошли до самого уреза вод Байкала, сбрасывая с

него летом плавающие льдины, айсберги. Более холодолюбивая арктическая флора, сформировавшаяся в предыдущий период на севере Сибири, продвинулась на юг, к Байкалу, заселила высокогорья хребтов и берега самого озера.

Ледниковый период продолжался около одного миллиона лет и закончился всего за несколько десятков тысяч лет до нашего времени. Таким образом, если говорить о последних миллионах лет геологической истории и только о Байкальской Сибири, последняя прошла 4 фазы изменений, прежде чем вступила в современную, которая лишь секунда среди часов геологического хронометра. Эти фазы таковы: 1) субтропическая, начало горообразования; 2) резкого диастрофизма; переход от субтропического состояния в пребореальное; 3) пребореальная, более теплая, чем современная; 4) ледниковая, с более холодным, почти арктическим климатом.

В каждой из этих фаз было образование видов, особенно во второй; в каждой фазе имели место смещения, миграции видов с севера на юг, и, кроме того, частичное перераспределение сухих и влажных районов; в каждой из фаз наблюдалось вымирание предшествующих флор и фаун.

Отсюда понятно, каким сложным было становление современного органического мира Байкальской Сибири, почему нити ее флоры перепутаны столь прихотливым образом.

Для того чтобы разобраться в характере рисунка ткани флоры, в порядке ее сплетения, мы пользуемся различными соображениями. Одним из них является следующее. От каждой из пройденных фаз развития должны оставаться в теле современной флоры какие-то следы, остатки, обрывки предшествующих фаз. Новая фаза не появлялась целиком заново; она рождалась на базе, основе предыдущей, ибо имел место непрерывный процесс развития, эволюция; сухопутная жизнь не замирала у нас, в Байкальской Сибири, ни на мгновение в течение этих последних миллионов лет. Байкальская Сибирь за это время не покрывалась ни морем, которое уничтожает нацело сухопутную жизнь, ни сплошными потоками лавы, которые могут произвести такой же эффект полного истребления жизни. От каждой прежней фазы и современной могли сохраниться следы или в лице хотя бы измененных видов, или даже видов прежней фазы, по счастливой случайности уцелевших, удержавшихся до нашего времени.

Совсем недавно в Восточных Саянах были открыты два замечательных вида растений; их открыл студент Иркутского университета Л.В. Бардунов. Никто не мог даже подозревать, что такие субтропические виды растений могли существовать в ныне холодных таежных Саянах. Одно из них, названное нами саянкой, относится к семейству крестоцветных⁴⁸, но имеет столь особую внешность, что, на первый взгляд, его никто бы и не признал за растение, относящееся к этому семейству. Другое растение, найденное там же, в Тункинской долине, у Турана, принадлежит к особому семейству паразитических растений – к семейству заразиховых⁴⁹; оно не имеет зеленой листвы и присасывается к корням колючего кустарника, гривистой караганы, из которого и высасывает питательные соки; растение почти все скрыто в земле, и только темно-фиолетовые цветки густой кучей высовываются над поверхностью почвы. Ботаники ее называют «маннагеттея». Никаких родственников эти растения в СССР не имеют; оказалось, что близкие к ним виды растут в субтропическом Китае, в 2000 километрах

⁴⁸ *Megadenia bardunovii* Popov, см. табл. II.

⁴⁹ *Mannagettaea ircutensis* Popov, см. табл. I.

к югу от Саян, а в промежутке между Саянами и субтропическим Китаем отсутствуют; все родство этих видов тоже расположено в субтропической Азии. Таким образом, только в прошлом году мы получили первое и достоверное свидетельство о субтропическом прошлом нашей флоры на основании живых, уцелевших остатков того периода, той фазы ее жизни, которая отстоит на несколько миллионов лет от нашего времени. Мы узнали из этого, что флора не всегда одна и та же, не всегда, не вечно юная; она изменяется и стареет, только годы ее жизни в миллион раз длиннее, чем наши человеческие годы. Только нам, скоропреходящим эфемерным существам, флора кажется вечно юной и каждый год одной и той же.

Некоторые лесные третичные реликты, которые мы должны признать за более поздние, чем два только что названные, за позднетретичные, предплейстоценовые, стали известны главным образом благодаря исследованиям растительности хребта Хамар-Дабан доцентом Иркутского университета Н.А. Еповой.

Читатель должен заметить, что мы подошли к методу исследования флоры, который можно назвать «методом реликтов». В нем, как и во всяком исследовании природы, есть две стороны. Часто говорят о «лаборатории природы». Действительно, какая-либо страна с ее органическим миром, с тысячами видов животных и растений, ее населяющих, для натуралиста представляет нечто вроде лаборатории, несколько подобной лаборатории химика: он там изучает свои объекты, существа, их изменения и взаимодействия, как химик в своей лаборатории изучает свои вещества и их взаимные реакции. Но имеется и огромное различие в масштабах, пространственных и временных. Для натуралиста Восточной Сибири «лаборатория природы» имеет 2000 километров с запада на восток, от Енисея до верховьев Амура, и, по крайней мере, 1000 километров с юга на север, от монгольской границы до 60° с. ш.; она в миллион раз больше, чем самая большая химическая лаборатория. В этой лаборатории нет гладкого пола, по которому легко ходить; по ней протянулись горные хребты, подняться на которые может только тренированный и здоровый человек, и тот с большим напряжением сил; ему приходится пересекать глубокие ущелья, переходить вброд бушующие потоки, готовые его поглотить; карабкаться по скалам или каменным россыпям. Его путь лежит по тайге, через дебри завалов, через топи болот, и притом его съедают тучи гнуса, и он всегда должен быть готов к встрече с медведем. Над ним нет потолка, который его защитил бы от дождя и снега, нет и калориферов, которые могли бы его согреть в морозные дни. В других случаях он задыхается от жары, летом при подъеме в горы или в степях и пустынях, и он не может скрыться от сжигающего солнца – ему нужно двигаться, у него нет времени, чтобы ожидать хорошей погоды. Быть может, в этот удаленный уголок своей «лаборатории» он попал только благодаря счастливой случайности, и нет надежды, что он сумеет в него попасть когда-либо в другой раз. Бескрайны, необозримы просторы Восточной Сибири, и, нужно сказать, немного в ней хороших дорог, удобных путей сообщения, зато много гиблых мест – диких, труднопроходимых, лишенных населения.

Нет, лаборатория натуралиста, особенно в Сибири, с трудом может быть сравнена с лабораторией химика: она менее удобна. В ней нет также шкафов под номерами, в которых хранятся банки с надписями: «хлористый цинк» или «диметилфталат» или что-либо иное, но столь же определенное, ясное; в «лаборатории природы» нет никаких надписей – смотри сам, ищи сам, узнавай сам. «Ла-

боратория природы» требует от натуралиста больше технической работы, труда препаратора и лаборанта, чем от ученого химика его организованная, упорядоченная лаборатория; поэтому химик имеет больше возможности думать, вникать в сущность явлений, чем перегруженный технической работой натуралист.

Но это только одна сторона дела. Другое существенное различие между натуралистом, с одной стороны, химиком или физиком – с другой, состоит в характере объектов, во временных масштабах, с которыми они оперируют. Химический элемент, например, углерод, мыслится химиком как категория постоянная, вечная; то, что химики умеют теперь превращать один элемент в другой, азот в гелий или водород в гелий, по существу не меняет дела; азот, водород, гелий остаются как таковые, как реально существующие элементы и мыслятся химиком как всегда существовавшие и такие, которые всегда будут существовать. Равным образом для физика бессмыслен вопрос, как долго будет существовать свет, электричество, сила тяготения, масса; физики полагают, что эти категории будут всегда, что они вечны, и, во всяком случае, нельзя предвидеть никаких пределов их существования.

Другим свойством этих вечных категорий является их непрерывность: они образуют континуумы, они не индивидуализированы, то есть, не разделены самой природой на особи, индивидуумы; поэтому они сопоставимы с числами. Любой грамм воды всегда равен другому грамму воды; можно взять, какую угодно часть, дробь грамма воды, и это будет все та же вода, абсолютно равная любой другой такой же дроби грамма воды.

Натуралист имеет дело с другими единицами – с особями, индивидуумами, которые в каждой своей точке неодинаковы, а потому не делимы на равные части и не вечны, а кратковременны. Особи образуют виды, совокупности только практически тождественных особей, порождаемых такими же особями, – совокупности поколений; но и виды не являются вечными, они вымирают; они могут существовать десятки или сотни тысяч лет, даже миллионы лет, но они не вечны и тем более не равны друг другу. Органическая жизнь осуществляется в дискретных, индивидуализированных, временных формах, категориях. По этой причине категории органического мира не могут быть сопоставимы с числами, подвергнуты математической обработке, в основе которой лежит понятие о единице, абсолютно равной другой.

Единицы химика придумывает он сам – это грамм, метр, вольт; в природе они не даны. Даже если химик доходит до своей конечной единицы – молекулы, то он считает, что все молекулы данного вещества тождественны, то есть сопоставимы с рядом целых чисел. Единицы натуралиста, особи, виды, даны природой, они дискретны и неравны, индивидуальны; их нельзя заменить числами и сопоставить друг с другом, как числа.

Если биологические виды временны, то в данной стране, например, в Восточной Сибири, они могут быть не все одинакового возраста; одни из них могут быть старше, другие – моложе, третьи иметь средний возраст. Мы говорим в данном случае только об относительном возрасте видов, о сроке их обитания в данной стране, а не об их абсолютном возрасте. Дело в том, что биологические виды способны к перемещениям, миграциям и, родившись где-либо, они могут переселяться за сотни и тысячи километров от первоначальной родины. Мы имеем, например, уверенность, что многие современные виды Восточной Сибири родились в третичное время в более северных странах, на более высоких ши-

ротах, ибо климат третичного периода был более теплый, чем современный. Только в конце третичного периода одни из них, и в ледниковый период другие, спустились, мигрировали к югу, в Байкальскую Сибирь. Следовательно, мы говорим только об относительном возрасте видов, времени их появления в данной стране. Мы судим о последнем по широте ареала видов, по их распространенности в современных условиях. Среди них наше особенное внимание привлекают те виды, которые распространены мало, являются редкими, занимают малую площадь земли, хотя, грубо воспринимая, кажется, что ничто в современной природе не мешает их широкому распространению; такие виды и называются реликтовыми или просто реликтами. Мы считаем их за остатки каких-то прошлых, в данной стране исчезнувших флор или фаз развития современной флоры, за показатели последних и того, что в данной стране были когда-то иные условия жизни, отличные от современных. Метод реликтов может показаться не очень точным; легко представить себе, что молодые виды, недавно появившиеся, тоже могут иметь малое распространение просто в силу того, что, по молодости, краткости своего пребывания, они не успели распространиться на более обширные площади земли. Однако в этом случае молодой вид, если он возник в данной стране, если он молод в абсолютном смысле, должен иметь здесь близко родственные виды или, по крайней мере, один близко родственный вид, из которого он образовался. Ботаник-систематик всегда заметит это обстоятельство и не назовет вид реликтом, если он имеет в стране близко родственные виды. Если же вид молод только в относительном смысле, для данной страны, то его ареал непосредственно, без разрыва, подходит к этой стране откуда-то с севера или юга, запада или востока; если же имеется разрыв в сотни или тысячи километров, то такой вид считается в данной стране реликтовым.

Мы не можем входить в детали, понятные и интересные только специалисту, не можем описывать отдельные случаи, примеры реликтов во флоре Восточной Сибири. Наша задача состояла только в том, чтобы дать представление о методе исследования и о конечном результате его применения. Конечным результатом был тот, что мы нашли в теле современной флоры остатки тех нитей, те реликтовые нити, которые соответствуют четырем фазам ее развития, о которых мы говорили и которые называли выше. Ясно, что число реликтов каждой фазы в среднем тем более мало, чем дальше стоит фаза от современной, чем она древнее. Однако прямой пропорциональности здесь не может быть; особенно резкое угасание видов происходит тогда, когда страна переходит из одной зоны в другую, из одного зонального состояния в другое, а Восточная Сибирь подверглась такому переходу на отрезке времени от первой фазы к третьей-четвертой; поэтому понятно, что от субтропической, первой фазы, осталось очень мало реликтов и гораздо больше их сохранилось от второй, третьей и четвертой. Если для первой фазы мы в состоянии указать лишь 3–4 реликтовых вида, то для четвертой, ледниковой, фазы они в высшей степени обильны: они сохранились в высокогорьях, гольцах, а на Байкале, особенно в его северной части, непосредственно на его побережье, литорали, – на песчаных и галечных берегах, на скалах, подходящих к берегу и нередко обрывающихся прямо в воды озера.

Летом 1953 года мы имели возможность исследовать северо-восточное побережье Байкала. Небольшая лодка с подвесным мотором ЛМ-1 оказалась превосходным средством, чудесным вспомогательным орудием исследовательской работы.

Раннее утро... Поднявшееся над горами яркое солнце местами прорывает колеблющуюся вуаль тумана, лежащую над озером, и бросает серебряные и золотые блики на широкую волну озера, еще не вполне утихшего после вчерашнего шторма. Поет мотор за спиной; плавно и медленно раскачиваясь, бежит лодка вдоль берега, который то скрывается в тумане, то выглядывает из него или темным силуэтом скал, или холодной светло-серой полосой галечникового вала, или теплой желтизной песчаного пляжа. Вот появилась в виду скала особых очертаний и особого петрографического состава; это заслуживает осмотра. Убавляем обороты мотора и резко поворачиваем к берегу; мотор глохнет, и лодка медленно подходит к скале. В волновых выбоинах скалы видим любопытные мхи: они часто прячутся от солнца в самые темные места, в глубину выбоин. В скалах выше выбоин сидят небольшие папоротники, так прочно засевшие в трещине, что их с трудом оттуда можно извлечь. А вот на узком карнизике растет небольшая камнеломка с белыми цветочками, – вид, который мы нигде не встречали раньше. Мы убедились, что она растет всегда на скалах и только на пространстве от устья Большого Чивыркуя до устья Громотухи, на протяжении всего 80 километров; ее нет ни в гольцах Баргузинского хребта, ни на всех остальных побережьях Байкала вне указанного участка. Это особая разновидность снежной камнеломки – арктического растения, реликт ледникового периода, ныне сохранившийся только на самом холодном участке байкальского побережья. Аналогичные ледниковые реликты встречаются и в других местах Северного Байкала – изящнейшая синюха с голубыми как бы атласными цветками, вся липкая, клейкая от железистых волосков⁵⁰; белоцветный альпийский мак с острова Мохнатый Калтыгей⁵¹ – оба ценные декоративные растения; скромная железистолистная пахучая остролодка. Все они свидетельствуют о том, что арктические виды в ледниковый период прямо по низкогорьям доходили до северной части Байкала; они не спустились к его берегам с гольцов Баргузинского и Байкальского хребтов, ибо там, в гольцах, они не растут. Реликты ледникового периода многочисленны и в альпийском поясе Восточных Саян. Нет ничего более чудесного, чем ледниковые кары Тункинских альп, только добраться до них нелегко: нужно много часов подряд, с упорством и напряжением всех сил, преодолевать крутейший подъем к ним от Монд или Аршана, или от другого пункта, лежащего на дороге, проходящей вдоль Иркута по Тункинской долине. Но когда вы, наконец, достигните кара, то окажетесь в такой чарующей обстановке, что потом с трудом заставите себя начать обратный путь, спуск в долину. Не хочется покидать это место, с которого открываются столь далекие и прекрасные ландшафты: вся таежная, синеватая в дымке долина Иркута с ее поселочками, по ту сторону пограничного хребта водная гладь далекого Косогола и скалистые обрывы его берегов. Массив Мунку-Сардыка с его белыми фирнами и темными пиками рисуется четко и остро в прозрачном воздухе; огромный сам по себе, с такого расстояния он кажется игрушечной изящной моделью настоящего. Около вас, над вами поднимаются скалистые отвесные стены кара; из лежащего за каром русла, из расщелины его задней стенки, с шумом падает водопад, окруженный сверкающей тучей брызг. На дне кара ручей разбивается на многие журчащие протоки, берега их утопают в зеленом ковре мха, над которым поднимаются самые изящные цветки всех окрасок: малиновые – снежного первоцвета, сине-голубые – мало-

⁵⁰ См. рис. 19 (фото Н.В. Степанцовой).

⁵¹ См. рис. 20 (фото А.В. Верхозиной).

цветковой хохлатки, снежно-белые – каллиантемума и анемоны, золотые – алтайского лютика. Самый искусный садовник не сумеет создать таких прекрасных цветников!⁵²

Рис. 19. *Polemonium pulchellum* Bunge – синюха красивая.

Рис. 20. *Papaver popovii* Sipliv. – мак Попова.

Сам кар представляет реликт ледникового периода; это громадный котел, который вырыт льдом, ледником, в скалах гребня гор. Ледник исчез, стаял много тысяч лет тому назад, но твердое каменное архитектурное сооружение, созданное им, сохранилось. Сохранилась и морена, тот перетертый, переработанный подвижным льдом каменный материал, который в виде холмистой широкой гряды запирает выход из кара и через который прорывается каровый ручей. Морена дальше вниз обрывается очень круто – представляет каменную осыпь.

Флора каров также содержит много реликтовых видов; по существу, она почти нацело ими составлена. Возьмем усатую камнеломку, у которой из пазух нижних листьев во все стороны выходят тонкие усы, как у земляники; цветки у нее желтые. Она представляет арктическое растение, каким-то путем, быть может, вдоль Байкальских хребтов или через Урал и Алтай, пробравшееся в Саяны. Более ясен реликтовый характер у такого гольцового растения Саян, как карпатская «кошачья лапка», которой нет ни на Алтае, ни в прибайкальских горах; в Арктике она широко распространена.

Теперь мы должны отвлечься от проблемы реликтов, и обратиться к другому вопросу – к другому методу – комплексу соображений, с помощью которого натуралист анализирует характер сплетения ткани флоры и фауны. Это – вопросы эндемизма. Эндемическим видом называется такой, который растет или живет только в определенной стране и не встречается нигде более; эндемические виды

⁵² В статье М.Г. Попова включены цветные фотографии растений для полноты восприятия (авторы-составители).

являются спецификой данной страны. Замечательный саянский борец-аконит обнаружен только в Восточных Саянах, в их гольцовом поясе над Хойтооголом; он представляет небольшое, в 20–30 см, растение, с 1–2 фиолетовыми цветками на верхушке почти безлистного стебля и с небольшими округлыми прикорневыми листьями. Саянский аконит, несомненно, родственен круглолистному акониту Тянь-Шаня, но все же сильно отличается от него, является хорошим видом, особым линнеоном. На юго-восточном берегу Байкала, около Утулика, Солзана и Мурина, до Выдрина, то есть на протяжении всего 100 километров, растет замечательный эндем Байкала, сложноцветное растение, похожее на маленькую хризантему, – тридактилина (Кирилова)⁵³. Это растение можно считать особым родом, настолько оно отличается от всех, даже самых близких к нему сложноцветных растений Восточной Сибири. Таковы два примера линнеонного, истинно видового, эндемизма в нашей флоре.

Рис. 21. *Tridactylina kirilowii* (Turcz.) Sch. Bip.
– тридактилина Кирилова.

Имеется, кроме того, эндемизм другого рода – жорданонный. Широко распространенные виды, судя поэтому процветающие, могут быть представлены в стране особыми разновидностями, расами, с трудом отличимыми от других рас того же вида. Такие географические расы кропотливые систематики часто описывают в качестве особых видов, чтобы больше обратить на них внимание, так сказать, из рекламных целей. Для того, чтобы их отличать от настоящих видов (линнеонов), предложено назвать такие разновидности жорданонами.

Между точками зрения этих двух групп систематиков имеется глубокое принципиальное различие. Мы вполне согласны с акад. Т. Д. Лысенко в том и, пожалуй, только в том, что расы, разновидности (жорданоны), никогда не становятся или в очень редких случаях становятся видами (линнеонами), что в эволюционном процессе наиболее часто именно линнеон порождает другой линнеон путем скачкообразного изменения в потомстве одной или немногих особей. Основной причиной такого скачкообразного, внезапного и резкого, изменения потомства обычной особи мы считаем ее гибридизацию с особью другого вида (линнеона). Не будем входить в детали этого важнейшего процесса; для нас сейчас существенно только условиться, о каком эндемизме мы будем говорить. Мы будем иметь в виду эндемизм ранга линнеонов.

Такой крупный по рангу эндемизм не велик во флоре Восточной Сибири, и можно сказать, что более всего он представлен в дауро-монгольском степном

⁵³ См. рис. 21 (фото Д.Г. Чимитова).

комплексе, в дауро-монгольских видах. Наша флора, если брать ее в целом, состоит на 40 % из европейских и западносибирских, в сумме западных видов; на 25 % из дальневосточных (охотских и маньчжурских), на 15 % из арктических (аркто-альпийских), на 10 % из дауро-монгольских, степных, и на 5 % из эндемичных своих среднесибирских; среди последних большинство также принадлежит к монголо-даурским видам, но является специально даурскими.

Отнесение того или иного вида к той или иной группе из названных выше в данном случае основывалось на простом статистическом принципе – на положении ареала вида по отношению к Восточной Сибири и лишь отчасти на учете направления родственных связей вида.

Характерной чертой Восточной Сибири является то, что большинство западных видов имеет на ее территории восточную границу распространения, а большинство восточных – западную. Байкальская Сибирь, ее горная страна по обе стороны Байкала, кажется каким-то существенным барьером, через который как бы с трудом могли мигрировать виды с запада на восток или в обратном направлении. Анализ показал, что такую распределяющую роль нельзя приписать ни хребтам как орографической преграде, ни тому обстоятельству, что Байкальская горная страна разделяет ныне две климатические области – муссонную, дальневосточную и атлантическую, западную. Западные виды рассеиваются постепенно к востоку по мере движения по территории Восточной Сибири, и некоторые из них доходят даже до Тихого океана; восточные виды таким же образом рассеиваются к западу, к Енисею, но некоторые из них все же доходят до Уральских гор.

Если мы возьмем восточные и западные горные окаймления Байкала, и их продолжение к югу – хребет Хамар-Дабан, то мы найдем, что по этой меридиональной средней линии Восточной Сибири проходят многие западные и восточные видовые границы, и одновременно здесь же мы встречаем, особенно на Хамар-Дабане, многие реликтовые виды как европейского, так и дальневосточного происхождения.

В субальпийских пихтарниках Хамар-Дабана широко распространен крупный папоротник, растущий, кроме того, лишь в тысячах километров западнее, в Карпатах и на Кавказе, – замечательный реликт европейской флоры; В Хамар-Дабане же мы находим реликтовые, оторванные обитания других европейских лесных видов (лекарственной вероники, кипрея горного и других), но одновременно там же имеются и реликты дальневосточной лесной флоры (парадоксальный подмаренник, вальдштейния, байкальская анемона). Все эти растения представляют остатки лесной флоры более южной, чем та тайга, которая покрывает северный, байкальский склон Хамар-Дабана в настоящее время. Мы с уверенностью связываем эти реликты с былым предплейстоценовым произрастанием на северном склоне Хамар-Дабана лиственных лесов, состоявших из дуба, граба и липы. Эти леса соответствовали более теплему климату, чем современный, климату Киева или Хабаровска, средней годовой температуре плюс 5–7°. Об этом мы уже говорили. Для нас сейчас важен вопрос, какой характер имел этот лиственный лес – европейский или дальневосточный, или в разные геологические сроки он имел то тот, то другой; являются ли лесные реликты Хамар-Дабана, европейские и дальневосточные, одновременными, синхронными, или разновозрастными.

Многое говорит за то, что они не синхронны; дальневосточные, маньчжурские реликты Хамар-Дабана кажутся более древними, чем европейские. До той фазы, то есть до третьей фазы, в течение которой хребты Саян, байкальские и даурские, стали высокими горами, в Восточной Сибири, до Енисея на западе, преобладал муссонный климат, вначале, в первой фазе, по температурам – субтропический, позднее, во второй фазе, – пребореальный. Только после того как названные хребты превратились в высокие, уходящие вершинами в альпийский пояс, горы, в нашей стране ослабло влияние тихоокеанских муссонов и резко появилось влияние атлантических потоков влажности. С этого времени началась европеизация восточносибирской флоры, до того носившей преимущественно дальневосточный характер. Пребореальный лиственный лес Хамар-Дабана, имевший вначале характер уссурийского, стал приобретать признаки европейского дубово-липового леса, и европейские виды в большом количестве проникли в него.

Рассмотрение эндемизма подтверждает такую периодизацию событий.

В горах Хамар-Дабана и Восточных Саян (до Алтая на запад) произрастает одно маленькое, но очень изящное лютиковое растение – эрантис, или, как его называли японские ботаники, шибатэрантис. Это одно из самых ранних весенних растений нашей флоры; оно цветет, едва сходит снег, небольшими белыми цветочками и походит на маленькую анемону. Летом оно исчезает бесследно, только в почве остаются небольшие, с крупную горошину, клубеньки. Наш вид является эндемичным для горной страны Саян (и прилегающих к ним); европейские виды эрантиса имеют ярко-желтые цветки и растут в Европе и Передней Азии; жителям Ташкента хорошо известен самый восточный представитель этих западных видов. Наш же саянский вид относится к дальневосточной, белоцветной группе рода или к особому роду шибатэрантиса; второй вид его обычен в Уссурийском пребореальном лесу, например, у Владивостока, и несколько видов растет в Японии. Таким образом, эндемизм Саян и Хамар-Дабана показывает большую древность его дальневосточных связей по сравнению европейскими. Не следует только представлять, что европейские виды продвигались к нам, в частности, в Хамар-Дабан, с запада, вдоль Саян или по Саянам. Нужно иметь в виду, что в плиоцене, то есть в последнем этапе третичного периода, распределение климатов и флор было существенно иным, чем в современном периоде. Европейские виды только условно, исходя из статистики их современных ареалов, являются европейскими; в действительности они двигались к нам, в Прибайкалье, с севера, по мере похолодания третичного климата, по мере приближения ледникового периода. Также и пребореальный дальневосточный лес Хамар-Дабана пришел в эту горную страну с севера, сменяя более теплый субтропический лес; «дальневосточные» и «европейские» пребореальные миграции отличались не направлением – те и другие были одинаково направлены с севера на юг – они отличались лишь временем; дальневосточные были более ранними, европейские – более поздними. В еще более позднюю, четвертую фазу, с севера же в наши горы, в частности в Хамар-Дабан, стала продвигаться тайга, вытесняя пребореальный лиственный лес европейского характера. Мы легко обнаруживаем остатки европейской не таежной флоры под покровом современной тайги. Так, на северо-восточном берегу Байкала, в тайге по Большой речке, был обнаружен ужовник – своеобразнейший европейский папоротник, который до 1953 года не был известен восточнее Томска. К той же категории европейских реликтов нуж-

но отнести шильник и полушник в озере Фролиха на северо-восточном Байкале и полушник на реке Чаре, уже в области Витимского нагорья. Ужовник был найден у теплых ключей Большой речки; очевидно, что именно горячая вода источников помогла сохраниться этому виду во время холодного ледникового периода и удержаться в тайге до наших дней.

Такие же следы миграций с севера мы обнаруживаем и у степных дауро-монгольских видов. Среди них особенно многочисленны виды остролодок, небольших многолетних мотыльковых растений. Некоторые из этих растений являются эндемическими линнеонами восточносибирской флоры.

Особенно примечательна трехлисточковая остролодка; ее маленький ареал лежит между 52 и 53° с. ш. и разорван: один кусочек находится на западном маломорском берегу Байкала, у Ольхона, другой – в Хоринской степи, в 250 километрах восточнее; нигде южнее, до 50° с. ш., этот вид не обнаружен. Аналогичный разрыв ареала показывают две другие дауро-монгольские степные остролодки; и вообще весь дауро-монгольский степной комплекс в маломорском районе западного берега Байкала полностью изолирован от основного его ареала в Селенгинских степях Бурят-Монголии таежными хребтами, идущими вдоль восточного берега Байкала, и 40-километровой лентой воды самого озера. Поскольку в этом комплексе мы встречаем ряд эндемических видов, не растущих южнее, в том числе в Монголии, то нельзя предполагать, что этот комплекс пришел в маломорский район с юга, через Восточные Саяны из Монголии. Наиболее вероятно, что он, так же, как и лесные ценозы, смешался с севера, из Якутии, обтекая Байкал и таежные хребты, его окаймляющие, одновременно с востока и с запада. Первый путь привел его на Селенгу, второй – на западный берег Байкала и отчасти на Иркутское плато, где также имеются изолированные виды дауро-монгольского степного комплекса, в том числе голубая остролодка. Многие виды дауро-монгольского комплекса, особенно те, которые эндемичны в собственно Даурии, к востоку от Яблонового хребта, имеют явственно дальневосточные родственные связи и не показывают никаких отношений к западным степным флорам. Таковы роскошный плятикодон, замечательный дихотомический ирис, особые остролодки – простертая и тонколистная, мотыльковые леспедезы и др.; некоторые из них распространены через Селенгинскую Даурию до западного берега Байкала и до степей Иркутского плато, как, например, леспедеза, однако с таежными разрывами ареала, которые показывают, что современный статистический ареал сформировался через миграции до проникновения в наши горы тайги, а возможно до появления в горах пребореального лиственного леса. Степи в Восточной Сибири распространены пятнами среди тайги; эти изолированные пятна могли заселяться видами лишь в более раннюю фазу, именно вторую фазу интенсивного поднятия гор. К началу этой фазы мы должны отнести и само образование степных видов растений; оно являлось лишь частью того мощного видообразовательного процесса, который охватил Древнее Средиземноморье, в том числе и его Монгольскую провинцию. В Восточной Сибири этот процесс в противоположность тому, что было западнее, далеко заходил на север, до 60 и даже 70° с. ш.

Европеизация восточносибирских степей началась поздно, в третьей и, особенно в пятой, современной, фазе. В степях по Енисею европейские виды преобладают, в степях Иркутского плато число их равно числу дауро-монгольских видов, а в степях обеих Даурий преобладают последние. Желтая люцерна еще до-

ходит до Селенгинской Даурии, но к востоку от Яблонового хребта она встречается только как недавно занесенное сорное растение. В степях собственно Даурии на ее место становится «русская» люцерна, или «русский» пажитник, несмотря на свое название, имеющий дальневосточное родство, а в более широком смысле относящийся к характерной группе Древнего Средиземья, виды которой растут в Иране, Кашмире, Тянь-Шане, на хребтах Куэн-Луня и в горах Маньчжурии, Северного Китая.

Сделаем теперь последние заключения, выводы, касающиеся главным образом методологии работы по изучению истории флоры. Мы далеко не довели до конца изложение этой истории, уходящей в очень отдаленное прошлое. Мы использовали при этом несколько отдельных методов: реликтов, эндемичных видов, разорванных ареалов. Чтобы сделать какие-либо определенные выводы, мы неизбежно должны были сопоставлять ботанические факты, сгруппированные по этим методам, с геологическими обобщениями, должны были, кроме того, сравнивать виды восточносибирской флоры с видами стран Китая, Японии, Европы, Монголии, Арктики. Уже это представляет очень сложную задачу, требует большого труда и все же оставляет много неясного. Наибольшее затруднение доставляют эндемичные виды – линнеоны. Они образовались так давно, что их первоначальная родина и непосредственные предки часто не могут быть установлены: такой вид, как байкальская тридактилина, стоит столь изолированно в современной флоре, что нет метода, по которому мы могли бы определить, из какого другого вида или видов он мог произойти.

Мы говорили, что обычно линнеон путем скачкообразного изменения производит другой линнеон. Согласно гибридационной теории, в этом процессе участвует одна или немногие особи первоначального вида, которые через оплодотворение другим видом, то есть через гибридизацию, производят измененное гибридное потомство, в котором уже имеется новый линнеон в количестве десятков, сотен особей. Если будут даны подходящие внешние условия, то новый линнеон размножится через самооплодотворение, увеличит число своих особей до миллиардов, займет ими определенную площадь земли. Если условия не будут даны, тогда новый линнеон или вымрет, или будет растворен через скрещивание с родительскими видами. Во всяком случае, старый вид, первоначальный линнеон, не превращается нацело в новый производный, а остается сам по себе наряду с производным. Если историческая судьба флоры была такова, что оба линнеона сохранились до нашего времени, то маловероятно, что они сохранили и географическую близость, то есть остались растущими в одном и том же месте, так, как было в момент образования нового линнеона. Обычно они географически разобщаются. Вероятно, также, что старый вид вымирает, а новый сохраняется; тогда мы видим географически и систематически изолированно стоящий линнеон, относительно которого мы ничего сказать не можем: ни того, где была его родина, ни того, из какого другого линнеона он образовался. Таково, например, наше отношение к десятку эндемичных дауро-монгольских остролодок. Неясно, представляют ли они продукты расщепления одного скрещивания или разновозрастны и имеют разное происхождение. Все они особенны, легко отличимы друг от друга, но у нас нет метода, который позволил бы нам сказать, разновозрастны они или разновозрастны, происходят ли от одного родительского вида или от нескольких различных. Генетика видообразования разработана совер-

шенно недостаточно для того, чтобы с ее помощью можно было решать подобные вопросы.

По этой причине, хотя мы до некоторой степени поняли характер сплетения нитей, порядок образования видов нашей флоры, однако пока бессильны разъяснить вопросы, поставленные в начале статьи: почему нити, виды, нашей флоры именно таковы, какими мы их видим в данное время, и почему их именно столько, сколько фактически мы их наблюдаем. Решение этих вопросов зависит от успехов генетики видообразования. До настоящего времени генетика была по преимуществу жорданонной, расовой; чтобы ей дойти до нужной стадии, ей необходимо соединять знание и исследование видов в природе с экспериментальным их изучением в лаборатории и на опытных участках ботанических садов. Придет время, ученые будут иметь нужную им видовую генетику; тогда они сумеют осветить и те стороны развития флоры, которые в данное время остаются темными. Наше дело подготовить им пути, поставить проблемы, которые нужно решить в будущем.

Заметки об *Oxytropis*⁵⁴

Oxytropis baicalia (Pall.) Pers.⁵⁵, *O. oxyphylla* (Pall.) DC. и *O. selengensis* Bunge

Обработка рода *Oxytropis* DC.⁵⁶ во «Флоре СССР» Т. 13 (1948) не является удовлетворительной; она скорее представляет нечто вроде канцелярской отписки: авторы стремились явно кое-как составить том и выпустить его, а не понять материал.

Так на стр. 194–195 описана *O. baicalia*. Казалось бы, этот типовой для секции вид должен был быть как следует выяснен, между тем, когда я заглянул в гербарий БИНа я увидел, что под *O. baicalia* там лежат только турчаниновские образцы из Введенской, которые явно не относятся даже к секции *Baicalia* Steller ex Bunge, и никаких других нет. Из этого ясно, что Б.К. Шишкин привел описание вида по чужим описаниям и по рисунку П.С. Палласа, а сам вида не знал. Он пишет, что вид описан с Байкала, но не указывает именно с какого места Байкала: для такого критического вида такое указание было бы необходимым. Насколько мне известно, на Байкале остролодка, относящаяся к секции *Baicalia*, произрастает только на Малом Море, в частности на Ольхоне, и вероятно именно оттуда П.С. Паллас, который был там, мог описать свой *Astragalus baicalius* Pall. (= *Oxytropis baicalia*). Б.К. Шишкин не указывает в своем диагнозе и описании боба: какое оно, оттопыренное или прижатое, из белых или черных волосков. По Б.К. Шишкину (ключ на С. 193, п. 13) отличия *O. baicalia* от *O. oxyphylla* будто бы состоят только в длине зубцов чашечки равных 1/3 длины трубки у *O. baicalia*, 1/2 длины трубки *O. oxyphylla*. Тот, кто занимался система-

тикой остролодок, сразу поймет, что в таком различии не может быть видовой обособленности. Что же, эти виды не различимы или различимы? Если *O. baicalia* после П.С. Палласа как будто никем не собиралась, то *O. oxyphylla* собиралась многократно и может быть в деталях описана. Я имел в руках многочисленные образцы этого вида из обеих Даурий, собиравшиеся В.И. Смирновым и М.А. Решиковым. Замечу сразу, что между образцами из Селенгинской Даурии и образцами из собственно Даурии имеется некоторая, небольшая разница.

Рис. 22. *Oxytropis baicalia* (Pall.) Pers. – остролодка байкальская.

⁵⁴ Работа печатается впервые, по рукописным материалам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 85. 9 л.). Рукопись датирована 1951 годом.

⁵⁵ См. рис. 22 (фото Н.В. Степанцовой).

⁵⁶ *Oxytropis* (лат.) – остролодка – род растений подсемейства мотыльковые (Faboideae) семейства бобовые (Fabaceae).

O. oxyphylla характерна тонким корнем (вертикальным) и тонкой шейкой его – от нее отходят 1–2–3 редко большее число побегов; этот вид, поэтому не образует дерновинки. Характерны и листочки: узкие и длинные, острые. Длина их вообще очень различна даже на одном и том же листе, но в среднем наиболее часто равна 1–1,5 см, в некоторых случаях доходя до 2–3 см; ширина соответственно 1–1,5 мм, иногда до 2–3 мм. Число мутовок небольшое, обычно 6–8(4–11) и число листочков в мутовке невелико, наичаще 4, хотя в нижней части листа часто листочки парные или даже рассеяны по одному. Опушение на листочках характерное, небогатое белое и прижатое. Стрелки приблизительно равны листьям (иногда их длиннее), обычно сильно отклоненные и прижато скудно волосистые. Кисти немногочетковые 5–7(10) цветковые, не очень густые – не головчатые и тем более не зонтиковидные. Прицветники полутравянистые, продолговатые, много короче чашечки. Чашечка 7–9 мм дл. негусто прижато-беловолосистая, зубцы ее равны 1/3–1/2 трубочки. Венчик беловатый, только кончик лодочки фиолетовый. Флаг около 15 мм дл. Крылья на 2 мм его короче округлые на верхушке. Лодочка короче крыльев на 2 мм, острие ее 1–1,5 мм дл. Бобы яйцевидные, не очень вздутые, около 12–13 мм дл. сидячие, полукожистые, опушенные полустоящими белыми прямыми волосками, не шерстистые и не войлочные.

Имеются несомненно гибриды ее с *O. sylvatica* (Pall.) DC. (секция *Orobia* Bunge) и возможно с *O. myriophylla* (Pall.) DC. и *O. lanata* (Pall.) DC. У таких гибридов появляется фиолетовый венчик, а также более густое серое опушение.

Селенгинская раса имеет более мелкие цветки в более плотной кисти, бобы мельче, более широкие, почти шаровидно-яйцевидные и более густо опушенные. Опушение чашечки только из белых волосков.

Очевидно, именно эту форму и описал А.А. Бунге как *O. selengensis*, которую Б.К. Шишкин почему-то поставил в другой ряд, чем *O. oxyphylla*, именно в ряд *Pumilae* Schischk., среди алтайских видов. Б.К. Шишкин описывает именно очень мелкое растение с мелкими листочками 5–4 мм дл. и мелкими цветками – флаг 11–12 мм дл., но бобы более крупные 15–16 мм дл.

Имеются образцы из Тункинского района, окр. с. Монды безлесный щебнистый склон, 03.IX.1936, В.И. Смирнов. Они уже сильно отличаются: серо-седым опушением листочков, сильно беловолосатой чашечкой с длинными зубцами, удлинненными прицветниками.

Имеются также образцы из верховьев Енисея, окр. с. Усть-Абаканского, степь, В.И. Смирнов, 1909 г., № 790 и из района оз. Широ, близ оз. Власьева, степь, 24.VII.1910, В.И. Смирнов, № 792. Особенно первые большие походят на *O. baicalia* своим более шелковистым опушением. Но, в общем, конечно, это *O. oxyphylla*.

Опишу теперь маломорскую *O. baicalia*.

Я ее много видел в Сарме, в каменистой степи. Она образует довольно мощные и плотные дерновинки. Опушение ее гораздо более густое, серо-шелковистое, чем у *O. oxyphylla*. Прилистники по краю с густыми прямыми белыми волосками и щетинками. Мутовок в листе больше [так правильно указано у Б.К. Шишкина – 12–15]; листочки в мутовке по 4 и чаще по 6 мелкие, более короткие и серо-шелковистые от густых белых волосков; они редко длиннее 10 мм, обычно короче и отстоят почти горизонтально от оси. Кисти более плотные и многоцветковые. Чашечки бело-волосистые, но иногда имеется примесь черных волосков; зубцы довольно короткие. Размеры цветка как у *O. oxyphylla*.

Венчик чаще беловатый, но нередко и фиолетовый. Бобы как у *O. oxuphylla*, яйцевидные, полукожистые, мохнатые от белых, иногда с примесью черных, волосков 12–15 мм дл.

Еще более густо опушенная шелковистая форма с фиолетовыми вставками собрана мной на мысе Рытом, почти 1° севернее Сармы [почти под 54° с. ш.]. Севернее я ее не видел, например, на мысе Шартла.

Сарминского же типа форму с фиолетовыми цветками собирала И.И. Андреева на Ольхоне в бухте Загли (30.VI.1952) и ее же я собирал на издании около Улан-Удэ, а М.А. Решиков привез с хр. Харагантуйского ур. Улан-Харьяска, от Улан-Удэ 181 км по шоссе, 16.VII.1951.

Такова *O. baicalia*. Она, конечно, близка к *O. oxuphylla*, но ясно отличима по листьям, и цветки у нее чаще фиолетовые, чем белые.

Наиболее резко отличимы образцы западного материкового берега. Ольхонские и Селенгинские более приближаются к селенгинскому типу *O. oxuphylla*; более опушенному шелковистому. Но только в собственно Даурии *O. oxuphylla* становится вполне отличной от *O. baicalia*. Таким образом, ясно видно географическое расхождение *O. baicalia* и *O. oxuphylla*, изоляция их – одной на крайнем северо-западе ареала, другой – на юго-востоке, с более переходным характером в центре, в Селенгинской Даурии.

Oxytropis leptophylla (Pall.) DC.

Эта остролодка относится к секции *Xerobia* Bunge, не к *Baicalia*, ибо листочки у нее не мутовчато, а попарно растопыренные. Однако во многих более существенных чертах она походит на *O. oxuphylla*. Это типичные виды уподобления.

У нее такие же узкие и длинные листочки, покрытые белыми прижатыми волосками, часто вдоль сложенные желобком, какими характерна и *O. oxuphylla*. Также не велико и число пар листочков в листе, обычно 4–5, поэтому черенок длинный, тонкий, длиннее листа. Подобно тому, как у *O. oxuphylla*, корень у нее вертикальный и простой, почти не делящийся на верхушке, т. е. не образующий дерновинки. Конструкция его, правда, несколько иная: верхнюю часть вертикального стержня корня образует корневище, медленно нарастающее кверху (год за годом).

Прилистники покрыты короткими густыми жесткими волосками, образующими щеточку, чего нет у *O. oxuphylla*; эта щеточка очень характерна. Подобие ей, но более сильно выраженное, мы видим у *O. prostrata* (Pall.) DC., опять относящейся к секции *Baicalia*.

Не похоже на *O. oxuphylla* также соцветие. Стрелки очень тонкие и несут на верхушке зонтиковидную кисть из 3–4 цветков. Прицветники короткие и широкие, а не удлинненные узкие, как у *O. oxuphylla*. Цветок тоже показывает заметные отличия. Чашечка покрыта довольно густыми белыми прижатыми волосками; размер ее около 8 мм, зубцы короткие – в этом нет отличий от *O. oxuphylla*, но венчик явно бледно-фиолетовый и более широкий, чем у *O. oxuphylla*. Флаг (15 мм дл.) более широкий, крылья тоже очень широкие. Цветок вообще больше напоминает астрагаловый. Острие лодочки 1 мм дл.

Бобы очень похожи на бобы *O. oxuphylla*: полукожистые, яйцевидно-вздутые, острые, около 15 мм дл., негусто покрытые полустоящими волосками, только волоски покороче, а сами бобы чуть крупнее. [Неизвестно, почему И.Т. Васильченко во «Флоре СССР» (1948. 13: 184–185) дает иные размеры цветка: флаг 22–25 (28) мм дл. и боба 20–30 мм дл., включая и носик 8–10 мм дл.].

В общем *O. oxyphylla* и *O. leptophylla* являются прекрасным примером видов уподобления. Даже один тератологический признак является для них общим: ось листа или стрелка у них часто вздувается в виде продолговатого тела – галла, цедидия; у других видов таких галловых вздутий я не заметил.

Уподобление этих 2 видов более велико, чем уподобление *O. leptophylla* своему сородичу по секции – *O. caespitosa* (Pall.) Pers. (или *O. mixotriche* Bunge), которая образует мощную дерновину и у которой цветок и боб в 1/2 раза крупнее, и кроме того много черных волосков на чашечке и бобе.

Виды уподобления, как я отмечал, всегда обитают в одном и том же районе, в данном случае, в собственно Даурии: типичная *O. oxyphylla* и *O. leptophylla*. *O. caespitosa* наоборот, обитает, главным образом, в Селенгинской Даурии и очень редко в собственно Даурии.

Oxytropis mixotriche Bunge,
O. grandiflora (Pall.) DC.⁵⁷ и
O. nitens Turcz.⁵⁸

Н.С. Турчанинов во «Flora Baicalensi-Dahurica» (Turczaninow, 1842–1845. 1: 300) пишет: «In campis Dahuriae frequentissima», а между тем в сборах М.А. Рещикова ее⁵⁹ не оказалось, а когда я посмотрел и гербарий В.И. Смирнова, то под этим званием *O. mixotriche* обнаружил только *O. grandiflora*.

Рис. 23. *Oxytropis grandiflora* (Pall.) DC. – остролодка крупноцветковая.

Рис. 24. *Oxytropis nitens* Turcz. – остролодка блестящая.

Судя по диагнозу И.Т. Васильченко во «Флоре СССР» (1948. 13: 183–184) *O. mixotriche* имеет мохнатое опушение чашечки из белых и черных оттопыренных волосков, т. е. сходна в этом отношении с *O. caespitosa* и от последней отличается только фиолетовым венчиком, тогда как у всех образцов В.И. Смирнова опушение чашечки прижатое, шелковистое из белых волосков. Образцы В.И. Смирнова все цветущие. Одни из

⁵⁷ См. рис. 23 (фото Д.Г. Чимитова).

⁵⁸ См. рис. 24 (фото Д.Г. Чимитова).

⁵⁹ *Oxytropis mixotriche* Bunge

них происходят с р. Онон, Акташский р-н, из окр. с. Кыра, откуда Н.С. Турчанинов во «Flora Baicalensi-Dahurica» (Turczaninow, 1842–1845. 1: 298) приводит свою *O. mixotriche* β⁶⁰.

O. grandiflora (Pall.) DC. относится во «Флоре СССР» не к секции *Xerobia*, куда входят *O. mixotriche* и *O. caespitosa*, а к секции *Orobia* по признаку боба, будто бы не вздутого. Между тем, как на моих образцах с мыса Рытого (14.VII.1952), так и по образцам В.И. Смирнова из окрестностей с. Кыра, бобы, явно вздутые как у видов *Xerobia*, да и сам И.Т. Васильченко во «Флоре СССР» (1948. 13: 94) пишет про бобы *O. grandiflora*, что они тонко кожистые, продолговато-яйцевидные, 20–30(35) мм дл., т. е. ничем не отличаются от бобов *O. caespitosa*, кроме как прижатым опушением.

Я думаю поэтому, что *O. grandiflora* должна быть перенесена в секцию *Xerobia*, и поставлена где-то близко от *O. caespitosa*. Я думаю далее, что *O. mixotriche* является ничем иным как гибридом *O. grandiflora* × *O. caespitosa*.

Очень близка к *O. grandiflora* и *O. nitens*. Если бы *O. grandiflora* определять по ключу, данному во «Флоре СССР» (1948. 13: 176) для секции *Xerobia*, она и определилась бы как *O. nitens*. Структурно *O. nitens* та же *O. grandiflora*: такое же мощное дерновинное основание, частично остающиеся черешки, мало парные листья, крупные листочки с шелковистым опушением, плотные кисти больших фиолетовых цветков, травянистые крупные прицветники, величина структуры цветка и боба. Единственное отличие состоит в опушении чашечки и боба, которое состоит из более густых и главное, более длинных волосков; зубцы чашечки тоже длиннее, чем у *O. grandiflora*. Можно считать, что *O. nitens* является расой *O. grandiflora*, сформированной в более высоких горах Тункинской долины и оз. Косогол. В.И. Смирнов собрал несколько образцов в цветках, без плодов, сходной остролодки из оз. Косогол и видимо удивлялся изменчивости признаков цветка: опушение чашечки более или менее густое, то более, то менее короткое, зубцы чашечки иногда короткие (как у *O. grandiflora*), изменчивы размеры и форма флага.

По-видимому, этот же тип остролодок (подсекция *Ampulla* Vassilcz., ряд *Villosulae* Vassilcz.) уходит по горным странам далеко на запад к Припамирию: *O. bracteata* Basil. (Минусинский р-н), *O. malacophylla* Bunge (Алтай), *O. poncinsii* Franch. и ряд других (Тянь-Шань, Припамирье). Сюда же и *O. frigida* Saposhn., как опять попавшая в секцию *Orobia*.

Oxytropis prostrata (Pall.) DC.

Это действительно совсем особый вид, легко отличимый от всех остальных наших остролодок: 1) густой щеткой жестких волосков на прилистниках, которые благодаря слабому опушению всего растения резко выделяются; 2) длинными и толстыми стрелками, с довольно рыхлыми многоцветковыми кистями цветков; и 3) характернейшими голыми и твердостенными, жесткими, продолговатыми бобами. Жесткие бобы имеют еще *O. lanata* и *O. myriophylla* из той же секции *Baicalia*, но у них, во-первых, бобы опушенные, во-вторых, листья очень отличные, мелкие и сильно опушенные.

У *O. prostrata* и листья характерны: листочки узколинейные, удлиненные, толстоватые и очень слабо опушенные, обычно по 4, а иногда и по 2 в мутовке. Корень сильно на верхушке ветвистый, образующий рыхлую дерновину. Цветки крупные длинные.

---

⁶⁰ Форма.

Вид этот растет исключительно в собственно Даурии. Близкого родства, видимо не имеет, если не считать там же растущей *O. stukovii* Palib. Н.С. Турчанинов указывает, что она растет на солончаковых местах и это обстоятельство, очевидно, объясняет суккулентность ее листочков и вообще особый тип.

Замечу, что бобы не всегда голые; я видел образцы В.И Смирнова, с берега оз. Барун-Торей, у которых бобы были опушены довольно густо длинными, белыми волосками, мохнатые.

Oxytropis squamulosa DC.⁶¹

Секция *Leucopodia* Bunge. На чашечке железки. Характерный по типу вид. Бобы твердые, кожистые, почти деревянистые, голые, овальные, несколько схожи с бобами *O. prostrata*.

Дернинки плотные, из 10 побегов, плотно сжатые на верхушке корня. Прилистники немного щетинистые. Стрелок нет, цветки и бобы прикорневые.

Листья больше всего походят на листья *O. leptophylla*: листочки узкие, длинные, но голые, и черешок более короткий. Венчик крупный; флаг 25 мм дл.

Этот вид даже в цвету нельзя смешать с другими нашими видами: нет стрелок, цветки прикорневые и на чашечке желтые ворсинки-железки.

Рис. 25. *Oxytropis squamulosa* DC. – остролодка чешуйчатая.

Oxytropis myriophylla (Pall.) DC.⁶²

Очень характерный вид из секции *Baicalia*, многими чертами больше напоминающий вид секции *Polyadena* Bunge, но не имеющий железок на чашечке.

Рис. 26. *Oxytropis myriophylla* (Pall.) DC. – остролодка тысячелистная.

⁶¹ См. рис. 25 (фото Д.Г. Чимитова).

⁶² См. рис. 26 (фото Д.Г. Чимитова).

Образует дерновинки. Прицветники рыжевато и густо щетинистые. Очень характерные листья, таких нет у других *Baicalia*: узкие, длинные, с многочисленными и частыми, 6–4-листочковыми мутовками, напоминающие еловки. Листочки мелкие узкие. Черешки очень короткие. Стрелки толстые, крепкие, равные листья. Кисти довольно редкоцветные. Цветки крупные, фиолетовые. Опушение из прижатых, довольно длинных, белых волосков. Прицветники узкие, довольно длинные. Характерны бобы, таких нет у других *Baicalia*: жесткие, продолговато-цилиндрические, прямостоячие, узкие (совсем не вздутые!), с очень длинным отклоненным наружу носиком, покрытые длинными белыми волосками, обычно в удлинённой кисти. Листья иногда до 20 см дл., торчащие вверх.

По узкому жесткому бобу и длинным многомутовчатым листьям приближается больше к *O. muricata* (Pall.) DC. из секции *Polyadena*, но чашечка без железок.

Видел еще экземпляры с оз. Косогол: бассейна р. Ури, оз. Косогол – п. Ключевской (Синага), безлесный щебнистый склон, пл., 16.VIII.1925, В.И. Смирнов.

Oxytropis coerulea (Pall.) DC.⁶³ и *O. filiformis* DC.

Секция *Ianthina* Bunge. Во «Флоре СССР» (1948. 13: 22–23) явно не разобрались в том, что такое *O. coerulea* и откуда она описана. И.Т. Васильченко во «Флоре СССР» (1948. 13: 23) пишет: «Описана из Забайкалья (близ оз. Байкал)», т. е. как будто из Селенгинской Даурии. Также и Н.С. Турчанинов указывает и для Селенгинской и собственно Даурии. Между тем, я сам собрал нечто подобное на западном берегу Байкала, именно там, где П.С. Паллас мог бы быть, именно на Малом Море у Сармы, а Н.К. Тихомиров на Ольхоне; это единственные байкальские местонахождения этого вида. В отношении *O. filiformis* имеются неясности. Описана она будто по «Флоре СССР» (1948. 13: 24) из степей Сибири. Во «Флоре СССР» ее считают за даурское растение, близкое к *O. coerulea*, отличающееся вдвое более мелкими цветками (флаг 6–7 мм дл., у *O. coerulea* – 12–15 мм дл.). Но невероятно, чтобы в Даурии были оба близких вида:

O. coerulea и *O. filiformis*, и действительно, там растет только один вид из секции *Ianthina*, который Н.С. Турчанинов считал за *O. coerulea*, а во «Флоре СССР» и мы – за *O. filiformis*.

Рис. 27. *Oxytropis coerulea* (Pall.) DC. – остро-лодка голубая.

⁶³ См. рис. 27 (фото Н.В. Степанцовой).

Н.С. Турчанинов (Turczaninow, 1842–1845. 1: 305) отмечает, что О.П. Де-Кандоль что-то напутал с синонимикой, именно гмелиновский *Astragalus Gmel.* во «Flora Sibirica» (1769. 4: Tab. XXVI, Fig. 2) «e loco natali et habitu», по Н.С. Турчанинову должен относиться к *O. filiformis*, а не *O. coerulea*, куда его отнес О.П. Де-Кандоль (de Candolle, 1825. 2: 276) в «Prodromus» «In Sibiriae montibus altis circa lacum Baikal». Н.С. Турчанинов пишет (Turczaninow, 1842–1845. 1: 305), что в указанном И.Г. Гмелином месте он сам (Н.С. Турчанинов) не нашел ни того, ни другого вида. Где это место, мне неизвестно: книгу И.Г. Гмелина я не видел. Н.С. Турчанинов же за *O. filiformis* принял какую-то высокогорную *Oxutropis*, им находимую на р. Оке в Восточных Саянах и на перевале Нуку-Дабан (тоже Восточный Саян). Он приписывает ей яйцевидные вздутые почти голые бобы «цветки по окраске и величине совершенно как у *O. coerulea*».

Я имел многочисленные образцы остролодки секции *Janthina*, с западного берега Байкала, а также из Селенгинской собственно Даурии. Мне кажется, что все они относятся к одному виду, который естественно назвать *O. coerulea*, но расовые отличия между ними ясны: даурские образцы, более тонкие, изящные с мелкими и узкими листочками, с более рыхлыми кистями, более мелких цветков, с бобиками часто отклоненными, почти повислыми, всегда прижато бело-пушистыми. Составляют одну расу. Ее можно условно считать за *O. filiformis*, т. е. признать, что декандолевские степи Сибири являются степями Даурии. На западном берегу Байкала я собрал обе отличимые расы: 1) сарминская: бобики прямостоячие, густо прижато бело-пушистые, листочки крупные и пары их более сближены, чем у *O. filiformis*, расположены гребенчато и иногда серповидно прогнуты. Все растения грубее, мощнее, чем забайкальское. Кажется, совершенно такая же раса растет в Усть-Орде, уже на Средне-Сибирском плато, к западу от Приморского хребта. У Лиственничного, на скалах, растет особая раса 2) (*O. coerulea* var. *rupestris* m.) – более мезофильная, зеленая, с крупными листочками. Цветки у нее крупнее, бобы тоже крупнее, 10–15 мм дл. (вместо 6–7 мм селенгинской *O. filiformis*) и покрыты как и чашечки прижатыми черными, а не белыми как у селенгинской и сарминской рас, волосками.

Еще я видел образец из курорта Аршан (В.И. Смирнов), по мощности, величине листочков и цветков, по белому опушению чашечки, больше всего похожий на усть-ордынское растение (т. е. вероятно относящееся к сарминской расе).

Таким образом, можно различать 3 расы:

1 – даурскую – *O. coerulea*, по Н.С. Турчанинову и по «Флоре СССР» – *O. filiformis*;

2 – сарминскую (Сарма, Усть-Орда, Аршан);

3 – лиственничную *O. coerulea* var. *rupestris*.

Я думаю, что сарминская и была описана как *Astragalus coeruleus* Pall., а даурская – как *O. filiformis*. Лиственничная конечно никем не была еще отмечена, а что представляет саянская, которую Н.С. Турчанинов считал за *O. filiformis* (правда с вопросом) мне не известно.

***Delphinium triste* Fisch. ex DC. и его генезис⁶⁴**

В нашей флоре Восточной (Средней) Сибири имеется один необычайно характерный вид живокости (*Delphinium* L.), а именно *Delphinium triste* Fisch. ex DC. – живокость печальная⁶⁵. Ботаники привыкли называть именем печальный – *tristis*, т. е. растения, цветки которых имеют окраску не чистую и яркую, а с большим количеством серого тона. Определенные цвета имеют для нас определенные эмоциональные значения: черный – цвет мрака, отчаяния, смерти; серый, как серый осенний день – цвет печали.

D. triste представляет из себя эндемичный дауро-монгольский вид: он растет у нас в Селенгинской и Яблонево́й Дауриях, откуда и был описан; к западу заходит в Тункинскую долину, в Северной Монголии обычен вокруг Косогола и на юге доходит до Улан-Батора. Это в общем степное дауро-монгольское растение.

Рис. 28. *Delphinium triste* Fisch. ex DC. – живокость мрачная (печальная).

Наш интерес к дауро-монгольскому эндемизму, естественно, очень велик. Он представляет наиболее яркое явление в нашей среднесибирской флоре. Если, например, байкальский эндемизм выражен главным образом жорданонами, является расовым, то дауро-монгольский степной эндемизм, представлен более высоким систематическим рангом – линнеонами, т. е. и качественно, и количественно значительно более высок, чем байкальский. Логически мы заключаем отсюда, что он более древен, что его формирование относится к более раннему геологическому периоду. Поскольку для байкальского расового эндемизма, не-

⁶⁴ Работа печатается впервые, по рукописным материалам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 139. 10 л.).

⁶⁵ *Delphinium triste* (лат.) – живокость мрачная (печальная) – представитель семейства лютиковые (Ranunculaceae). См. рис. 28 (фото П. Шумкина).

сомненно, характерно плейстоценовое, ледниковое время, то дауро-монгольскому степному эндемизму мы, без колебания, должны приписывать третичный возраст, точнее определяя неогеновый.

Дауро-монгольский эндемизм придает степям Дауро-Монголии тот необычайный для западного ботаника оттенок, который заставляет выделять дауро-монгольские степи в особый дауро-монгольский флористический участок Степной провинции.

Уже при своей работе над «Флорой Средней Сибири», а также под влиянием запросов М.А. Решикова, я был принужден уделять особое внимание дауро-монгольским эндемам. Для меня было ясно с самого начала, что истоком этого эндемизма является Древнее Средиземье, т. е. основная тема моей теоретической научной работы. Достаточно вспомнить, что такие замечательные эндемы дауро-монгольских степей, как *Haplophyllum dahuricum* Juss, *Diarthron linifolium* Turcz., *Peganum nigellastrum* Bunge, относятся к специфическим родам Древнего Средиземья, особо богато представленным в Иранской провинции последнего (в Дауро-Монголии же они представляют совершенно изолированные одиночные виды), чтобы понять все значение Древнесредиземноморской флоры для формирования дауро-монгольского эндемизма.

Дауро-монгольский эндемизм часто представлен не только просто особыми линнеонами. Во многих случаях эти линнеоны столь обособлены, что они беспристрастными систематиками выделяются в особые ряды, секции или даже в особые роды. Так *Haplophyllum dahuricum* представляет единственный вид особой секции *Peganoides* Spach, *Diarthron linifolium* – особого ряда *Eu-Diarthron* С.А. Меу. В качестве особых дауро-монгольских степных родов можно для примера назвать из зонтичных роды *Phlojodicarpus* Turcz. ex Ledeb. и *Saposhnikovia* Schischk., из сложноцветных *Arctogeron* DC., из мотыльковых *Gueldenstaedtia* Fisch., из крестоцветных *Stevenia* Adams et Fisch. Я хочу этим подчеркнуть, что дауро-монгольский эндемизм – крупное ботанико-географическое явление и что, когда мы разбираем частный вопрос генезиса *Delphinium triste*, мы, в сущности, решаем большую, важную, ботанико-географическую проблему.

D. triste, беспристрастным, номенклатурным ботаником С.А. Невским, был выделен в особый ряд *Dissecta* Nevski секции *Elatopsis* Huth. Этим было подчеркнута значительное своеобразие данного линнеона. Характерным признаком данного ряда, т. е. признаком сериальным, отличающим его от прочих видов секции, является очень сильно расчлененные листья и необычная окраска цветка. С.А. Невский во «Флоре СССР» (1937. 7: 157) пишет: «цветки коричневые, с пурпурным оттенком или синие», Г. Хеги в «*Illustrierte Flora von Mittel-Europa*» (Hegi, 1912. 3: 486) же, пожалуй, лучше их описывает как «красно-коричневые, почти серо-черные». Я сам не видел этого растения в живом состоянии, но по гербарным материалам видно, равно как и из слов авторов, что окраска цветков этого вида изменчива, что синевато-голубые тона как бы с трудом пробиваются из под черно- или серо-коричневой окраски.

Чтобы понять все своеобразие этого дауро-монгольского вида, нужно взглянуть на всю секцию *Elatopsis*, к которой он относится.

Род *Delphinium*, вместе с родом *Aconitum* L., представляет совсем особое колено, особую трибу лютиковых, единственную среди них с резко зигоморфным цветком. Биохимически эта триба выделяется из всего семейства наличием алкалоидов, очень ядовитых – аконитина и дельфинина, принадлежащих к са-

мым сильным ядам растительного мира. В Северной Америке были случаи огромного падежа овец, перегоняемых на пастбища, обильные живокостями. *Aconitum* и *Delphinium* очень резко различны между собой по структуре цветка.

Delphinium – огромный род, насчитывающий не менее 200 видов. Его ареал охватывает в основном внетропические зоны Северного полушария; в Южном полушарии его нет. В тропической зоне также он отсутствует, как и вообще лютиковые, и только в горах тропической Африки имеются 2–3 очень своеобразных вида *Delphinium*.

Основное богатство рода *Delphinium* сосредоточено в Евразии: здесь представлено все 4 секции рода; в Северной Америке он много беднее: там произрастают около 40 видов, т. е. около 1/5 всего их количества и только 2 секции, общие с Евразией.

Из 4-х секций одна (*Consolida* Boiss.) состоит из однолетников и является чисто Древнесредиземноморской, три остальные – многолетники, и две из них (*Kolobopetala* Huth и *Diedropetala* Huth) вряд ли стоят различения. Из этих трех секция *Elatopsis* отличается от двух других только черно-коричневым цветом лепестков – стаминодиев; у двух других они синие или голубые, того же цвета, как чашелистики.

Теперь от мирового обзора рода мы можем перейти к нашим его видам. Однако предварительно обратимся еще раз к мировому фонду живокостей. Какие окраски цветка у них имеются? В подавляющем большинстве случаев – синие, фиолетовые, голубые, зависящие от антоцианов. Лишь небольшая группа видов Древнего Средиземья из секции *Diedropetala* имеет желтые флавононовые цветки.

При антоциановых окрасках тон синего очень варьирует, бывает фиолетовым, синим, голубым, но, в общем, остается синим. Только у трех видов он приобретает явственно иной оттенок. У северо-американского вида *D. cardinale* Hook. он ярко-красный; у степного южно-русского вида *D. puniceum* Pall. он черновато-пурпурный и у нашего *D. triste* он коричневато-серый до сероголубого. Таким образом, по окраске венчика наш вид относится к немногим исключениям. Замечу, что два вышеназванных вида *D. cardinale* и *D. puniceum*, принадлежат не к секции *Elatopsis*; в своей же секции *Elatopsis* *D. triste* единственное исключение!

Замечательно, что и по расчлененности листьев он представляет единственное исключение в своей секции; таких тонко рассеченных листьев нет ни у какого другого вида секции *Elatopsis*, хотя секция насчитывает не менее 40 видов. В то же время в соседних многолетних секциях такие листья обычны.

Перейдем теперь к нашим видам живокости. У нас представлены только 2 многолетние секции, помимо *D. triste*, еще 3 вида секции *Elatopsis* и 2 вида секции *Kolobopetala*. 3 вида секции *Elatopsis* – лепестки черно-коричневые; очень близки друг к другу *D. elatum* L., *D. crassifolium* Schrad. ex Spreng., *D. korshinskyanum* Nevski. Они отличаются высоким ростом и мало рассеченными листьями с широкими их лопастями; опушение, если оно есть, мохнатое из длинных волосков. Они все три являются лесными, северными, таежными видами. Из 2 видов секции *Kolobopetala* – лепестки голубые – один, *D. grandiflorum* L., представляет характерный сибирско-монгольский степной вид, истинное украшение наших степей. Внимательно присмотритесь к нему! У него прекрасные

сине-голубые крупные цветки и листья, тонко рассеченные на линейные дольки. Рост средний, опушение короткое.

Замечательно, что среди сине-голубых особей иногда, хотя и очень редко, встречаются одиночки с фиолетово-лиловыми цветками; я встречал такой образец в Куэнге на Шилке, а Л.В. Бардунов – в Тункинской долине. Второй вид, той же секции, *D. cheilanthum* Fisch. ex DC., высокое растение, и листья его по рассеченности приближаются к листьям *Elatopsis*. По своим обитаниям, по экологии, он стоит в промежутке между таежными *Elatopsis* и степным *D. grandiflorum*; он обычен в Даурии, но по речным долинам, на остепненных лугах, в более влажных все же обитаниях, чем типичные степные.

Важно обратить внимание на величину ареалов этих видов. *D. elatum* имеет огромный ареал от Средней Европы до Байкала (или Яблоневого хребта); очень близкие к нему *D. crassifolium* (дауро-монгольский) и *D. korshinskyanum* (манчжурский) продолжают этот ареал до Тихого океана. *D. grandiflorum* растет в степях всей Сибири и Северной Монголии, от Алтая до Манчжурии и Северного Китая; близкие к нему виды имеются в Северной Америке. *D. cheilanthum* растет от Енисея до Тихого океана и далеко заходит на север Сибири, близкие виды к нему растут в Северной Америке. Только *D. triste* имеет ограниченный ареал, несравненно меньший, чем все другие 5 наших видов, произрастая только в северо-восточной Монголии и прилегающей Даурии; его нет, например, даже в собственно Даурии по рекам Шилке и Аргуни; крайнее его обитание к востоку лежит на верхней Ингоде.

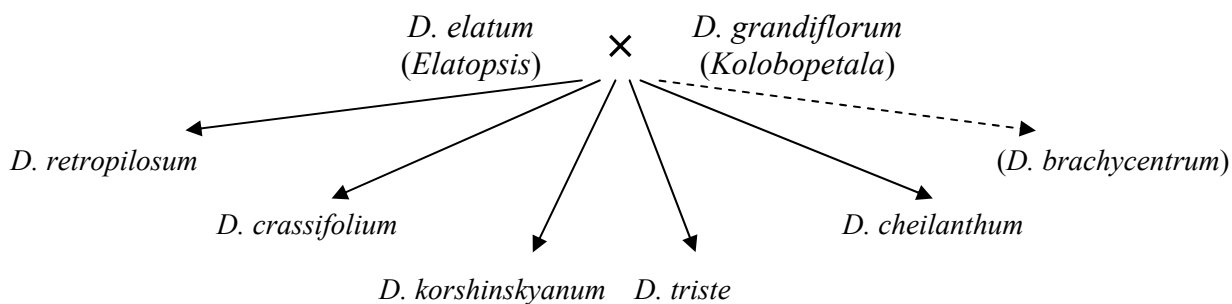
Я изобразил вам статическую картину живокостей, отнесенную к современному периоду. Десятки ботаников смотрели на эту картину, видели ее, но никто из них не рискнул ее понять с эволюционной точки зрения, в динамическом разрезе, в ее геологическом становлении. Я вам скажу, что ее и нельзя понять, объяснить, если не верить в гибридогенную природу формообразования. А с точки зрения гибридизационной теории эта картина разъясняется просто и красиво, является лишь частным случаем общей картины реальной эволюции органического мира Земли, в частности внутропических флор и фаун Северного полушария.

Смещение к северу зон и подзон в неогене сдвинуло таежные *Elatopsis* типа *D. elatum* или *D. crassifolium*, в область обитания степной *Kolobopetala*, *D. grandiflorum*. Островное проникновение *D. elatum* в степи, населенные *D. grandiflorum*, привело к гибридизации этих видов, морфологически и геоисторически очень удаленных друг от друга. *D. grandiflorum* является древнесредиземноморским по генезису видом, *D. elatum* – таежным.

Из их скрещиваний возник веер расщепления: к нему относится как *D. triste*, так и прочие наши виды *Delphinium*. *D. triste* является наиболее промежуточным образованием между партнерами этого скрещивания, от *D. grandiflorum* он получил тип тонкой на линейные доли рассеченности листа, несколько смещенный, смазанный, воздействием широколопастных листьев *Elatopsis*. Рост его тоже промежуточный. Мы легко пойдем и окраску венчика⁶⁶. У гибридов часто наблюдается, что соседние круги цветка смешивают свои признаки, например, чашелистики, приобретают свойства лепестков, лепестки тычинок и т. д. или наоборот. Это зависит от ничтожных изменений в распределении проводящих пуч-

⁶⁶ Очевидно, тут речь идет о венчикообразных чашелистиках, а не собственно о венчике. – Прим. А.Л. Эбеля.

ков. При гибридизации чернолепестной *Elatopsis* с голубоцветной *Kolobopetala* черно-коричневый пигмент лепестков *Elatopsis* проник отчасти и в чашелистики гибрида, придав им тот серый или коричневато-серый тон, который характерен для гибридогенного вида *D. triste*. Также и характер опушения у *D. triste* смешался. Щетинистое опушение *Elatopsis* перешло и на коробочку⁶⁷ гибрида, *D. triste*, тогда как у *D. grandiflorum* оно короткое, серое, а у всех *Elatopsis* коробочка голая. Остальные виды представляют остатки тех крыльев веера расщепления, которые соединяют наиболее промежуточное звено, *D. triste*, с родительскими видами:

[о т Е н и с е я д о К а м ч а т к и]

Таким образом, картина образования наших, средне-сибирских видов рода *Delphinium* и, в том числе, самого оригинального из них *D. triste*, ясна. Против ее объяснения трудно спорить. Но чтобы устранить все недоразумения, мы должны остановиться еще на пространственных координатах того скрещивания, которое привело к образованию наших видов живокости. Теория реальной эволюции ставит обязательно 3 вопроса: как (почему), когда и где образовались та или иная исследуемая группа организмов? На два первых вопроса мы ответили. Остается ответить на третий. Вот при ответе на третий вопрос (где именно?) и важно иметь в голове не статическую, современную картину распространения организмов, а динамическую, переданную в геоисторической последовательности событий.

Для внетропических частей Земли самым важным обстоятельством геоистории, ее лейтмотивом, является постепенное чувствительное охлаждение Земли в неогене. Только в неогене зарождается, естественно, первоначально у полюса, холодная зона и постепенно оттесняет к югу субтропическую. По мере своего образования у полюса, холодная зона дифференцируется на подзоны: пребореальную, таежную и арктическую, и каждая из них, по мере усиливающегося охлаждения, сдвигается в виде кольца к экватору, двигаясь туда следом за субтропическим зональным кольцом. В максимум похолодания плейстоцена даже арктическая, самая молодая по возрасту, подзона (кольцо) далеко смещается к югу, на широты 50°–60° с. ш., а отдельные ее представители (виды) проникают до экватора.

Образование гибридогенного комплекса наших живокостей следует, как уже сказано, датировать неогеном, вероятно плиоценом; оно происходило не на современных широтах их распространения, а, вероятно, много севернее, возможно где-то около Якутска, т. е. на 60°–64° с. ш. Только позднее, уже в плейстоцене, этот гибридогенный комплекс, вернее его уцелевшие звенья, т. е. те ви-

⁶⁷ Имеется в виду многолисточка. – Прим. А.Л. Эбеля.

ды, которые известны в наше время, были смещены на современные их ареалы. Именно поэтому *D. cheilanthum* и близкий к нему *D. brachycentrum* Ledeb. имеют столько далеко к полюсу приближенную северную границу своих ареалов и успели столь далеко распространиться к востоку. Именно поэтому, во время миграций к югу, гибридогенный комплекс успел в значительной мере, хотя далеко не вполне, очиститься от массы промежуточных форм и образовать, в результате этого очищения, довольно четко разграниченные виды, которые были выше названы.

Заметим в заключении еще следующее. Мы разбирали положение с родом *Delphinium* только в Восточной Сибири, к востоку от Енисея, потому что наше внимание было приковано к раскрытию генезиса столь своеобразного эндемичного дауро-монгольского вида, каким является *D. triste*. Процессы гибридизации между ксерофильными древнесредиземноморскими (по провинции, монгольскими) видами и северными таежными очень часто осуществляются в Средней Сибири именно потому, что она, находясь в центре Евразийского континента, упорно, в течение всего неогена и плейстоцена, сохраняла сухой ксерический климат, оставаясь полупустынной или степной страной даже в максимум похолодания. Западнее и восточнее ее тайга, а с ней и таежные виды гораздо дальше продвигались к югу, встречая меньшее препятствие в ксеротических условиях климата. Но все же и там, например, на меридиане Урала, аналогичная средне-сибирской картина должна была иметь место; вероятно, с этим связано обилие эндемичных видов секции *Kolobopetala* в северных предгорьях Алтая и южных частях Урала; эти виды секции *Kolobopetala*, очевидно, относятся к тому же вееру расщепления, как и *D. cheilanthum*.

Березы в Прибайкалье⁶⁸

Березы (род *Betula* L.), как известно, образуют в Прибайкальской горной стране весьма сложный комплекс, в котором имеется до десятка видов, некоторые из них трудно различимы и многие из них образуют, по мнению авторов (см. работы Сукачева, 1911; Кузенева, 1914, 1936; Ярмоленко, 1937), большое количество гибридов друг с другом. Сюда, в Прибайкалье, доходят, с одной стороны охотские и маньчжурские виды, например, *Betula ermanii* Cham., *B. dahurica* Pall., *B. gmelinii* Bunge, *B. middendorffii* Trautv. et C.A.Mey., с другой западные, вроде *B. humilis* Schrank, *B. pubescens* Ehrh., *B. verrucosa* Ehrh., и наконец, имеются и свои эндемичные виды. Расчленение и география видов этого прибайкальского комплекса далеки еще от ясности, несмотря на наличие работ акад. В.Н. Сукачева, посвященных березам Средней Сибири. Так, например, если обратиться к «Флоре СССР» (Кузенева, 1936. 5: 269–305), то, прежде всего, мы найдем в ней ключ для определения видов берез (С. 270–274), по которому нельзя уверенно определить ни одного вида, который и технически составлен неправильно. Во-первых, если мы поинтересуемся обычными белокорыми березами⁶⁹ (секц. 6. *Albae* Regel – С. 291–305), то узнаем, что в Предбайкалье (Ангаро-Саянский район) якобы растет из западных видов, только *B. pubescens*, но отсутствует *B. verrucosa*, также отсутствует в Ангаро-Саянском районе и *B. platyphylla* Sukaczew; из своих же видов там растет будто бы только гольцовая, кустарная *B. irtutensis* Sukaczew. Стало быть, широко распространенную белокорую березу Средне-Сибирского плато, между Енисеем и Байкалом, березу Саян и западного берега Байкала мы должны, согласно «Флоре СССР», определять как *B. pubescens*. Между тем, почти все авторы считают ее за *B. verrucosa*, в том числе и В.Н. Сукачев, и, безусловно, она ближе стоит к *B. verrucosa*, чем к *B. pubescens*. Что же касается *B. pubescens*, то хотя ее приводят для Прибайкалья, как во «Флоре СССР», так и В.Н. Сукачев, но лично я не встречал ее ни на Байкале, ни западнее его, и у меня сложилось убеждение, что ее вообще нет в Прибайкалье. «Флора Забайкалья» (Ярмоленко, 1937. 3: 228–236) не указывает для Байкала ни *B. verrucosa*, ни *B. pubescens*, и вообще не приводит этих видов, даже для Саянского и Иркутского районов; если следовать этой «Флоре», то в этих двух районах вообще нет никакой белокорой березы, а на Байкале растут только кустарниковые *B. baicalensis* Sukaczew и *B. irtutensis* (не знаю, о чем думал редактор 3-го выпуска этой флоры, когда подписывал его к печати!).

Если мы поинтересуемся кустарниковыми березами из других секций, то в указанных «новейших» Флорах (1936–1937 гг.) найдем столь же «достоверные» данные, как и о белокорой березе. Так обе «Флоры» согласно утверждают, что ни *B. middendorffii*, ни что-либо близкое к ней не растет на Байкале, между тем, как на северо-западном, так и на северо-восточном берегу Байкала такая береза обычна: мы увидим далее, что ее нужно считать за *B. henriettae* Sukaczew et V.N.Vassil. Равным образом в обеих «Флорах» очень неверно указывается ареал двух близких видов карликовых берез (*B. exilis* Sukaczew и *B. rotundifolia* Spach).

⁶⁸ Работа печатается впервые, по рукописным материалам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1018. Оп. 1. Д. 125. 7 л.).

⁶⁹ См. рис. 29, 30 (фото Н.В. Степанцовой).

Посмотрим теперь, как в действительности обстоит дело с белокорой древесной березой в Предбайкалье и на самом Байкале. Что касается Забайкалья, то все авторы «Флор» считают, что там белокорая древовидная береза представлена особым видом – *B. platyphylla*, близким к *B. verrucosa* (= *B. pendula* Roth). Во «Флоре Забайкалья» (Ярмоленко, 1937. 3: 230) в примечании к *B. platyphylla* указано, что: «Важно выяснение к западу от Байкала контактной зоны с *B. pendula*, замещающим (викарным) видом». Я имею довольно обильные, но далеко недостаточные, образцы древовидной белокорой березы из Предбайкалья и с Байкала. Мне кажется, что более северные из них, со средней Ангары и с верхней Лены, с листом, имеющим округлое основание, а общую форму яйцевидную, еще можно отнести к *B. pubescens*. С.С. Ганешин (1915: 69) указывает именно этот вид для Нижне-Суворовской на Ангаре (55° с. ш.), что подтверждено ему В.Н. Сукачевым, полагавшим, что это одна из форм пушистой березы. Я лично видел такую березу в лесах холодного водораздела Ангара–Лена между Заярском и Усть-Кутом (56–57° с. ш.); иногда она долго до 10–15-летнего возраста остается темнокорой. Схожие образцы я видел из Киренского и Усть-Кутского районов, с верхней Лены, ниже Усть-Кута (57–58° с. ш.).

Рис. 29. *Betula pendula* Roth – береза повислая.

Рис. 30. *Betula platyphylla* Sukaczev – береза плосколистная.

От 55° с. ш. к югу от Саян, между Енисеем и Байкалом, распространена другая белокорая древесная береза, которую все-таки правильнее называть *B. verrucosa* (= *B. pendula*), хотя ее признаки изменчивы и (благодаря гибридизациям) заходят как за признаки *B. pubescens*, так и *B. platyphylla*; эта белокорая береза растет и по всем побережьям Байкала, как признает и В.Н. Сукачев (Ламакин, 1952: 184). «Контактная зона» между *B. verrucosa* и *B. platyphylla*, о которой с такой важностью говорит автор «Флоры Забайкалья», лежит вовсе не к за-

паду от Байкала, а от Селенгинской Даурии до Ангары, т. е. охватывает весь Байкал, как западное, так и восточное побережье. Пометить «контактную зону» к западу от Байкала понадобилось во «Флоре Забайкалья» только для того, чтобы не включить *B. verrucosa* в определительную таблицу «Флоры» и избежать необходимости указать, чем же отличаются эти два вида, о чем, видимо автор «Флоры Забайкалья» не имел представления. [Он рисует, например, у *B. platyphylla* (рис. 126, С. 231) такую чешуйку плодущей сережки, какая ни в малой мере не походит на рисунок во «Флоре СССР», где чешуя *B. platyphylla* (табл. XIV, рис. 3а, С. 287) нарисована почти такой же, как у *B. verrucosa* (табл. XIV, рис. 6а, С. 287), но только с несколько более длинным и узким основанием. В.Н. Сукачев также не видел различия в плодущих чешуях *B. verrucosa* и *B. platyphylla*. Чешуя же, нарисованная во «Флоре Забайкалья» (рис. 126, С. 231), больше походит на чешую *B. baicalensis*.]

Белокорая древесная береза побережий Байкала, которую все-таки приходится считать *B. verrucosa*, очень изменчива в признаках листа, то клиновидного, то усеченного при основании, более или менее ромбического, или яйцевидного. Но, в общем, все же можно сказать, что на западном берегу Байкала она больше приближается к *B. verrucosa*, а на восточном – к *B. platyphylla*, если судить по форме основания листа.

В 1952 г. в книге В.В. Ламакина «Ушканьи острова и проблема происхождения Байкала» была опубликована глава, написанная В.Н. Сукачевым и В.В. Ламакиным: «Флора и растительность Ушканьих островов», в которой на страницах 184–186 находится замечание о березах Большого Ушканьего о-ва. В.Н. Сукачев считает, что на этом о-ве растут даже две белокорые березы: очень редкая там *B. pubescens* и обычная на всем о-ве *B. verrucosa*, представленная, однако, особой темнокорой расой – ушканьей березой *B. uschkanensis* Sukaczev. Автор прибавляет: «Точное установление ее таксономического значения дело ... дальнейших исследований». Что касается *B. pubescens* на Большом Ушканьем о-ве, то я ничего не могу сказать о ней, ибо не видел ее там [авторы (С. 184) пишут: «Пушистая береза растет лишь в числе нескольких деревьев у северного побережья»], в отношении же ушканьей березы я могу сообщить следующее. Она является темнокорой только в молодости, до определенного возраста (15 лет жизни одного ствола), позднее ствол становится белым, меняет цвет коры: темная кора опадает и заменяется новой белой; впрочем, белизна ее не такая чистая, белая, как у обычной *B. verrucosa*; пониклости ветвей, характерной для *B. verrucosa* (*B. pendula*!), также не наблюдается. Такая поздно-переодевающаяся береза растет не только на Ушканьем о-ве, но и на всем северо-восточном побережье Байкала, тогда как на остальных побережьях растет более рано-переодевающаяся (стволики в 2–4 см уже сменяют темную кору на белую) *B. verrucosa*. В остальном ушканья береза неотличима от *B. verrucosa* и представляет, конечно, не более как ее слабо выраженную расу (в формально систематическом смысле: разновидность, *varietas*).

Выше я отметил, что аналогичная поздно-переодевающаяся береза из рода *B. pubescens* (ее раса, разновидность) встречается на Средне-Сибирском плато (у с. Касьянка на р. Иреек, 56°40' с. ш.).

Более интересна на Байкале особая березка, описанная В.Н. Сукачевым в 1914 г. из устьев Верхней Ангары и Турки – *B. baicalensis*, причисляется О.И. Кузнецовой к секции *Albae* Regel. О.И. Кузнецова (см. ключ с. 272) поме-

щает ее между *B. pubescens* и *B. tortuosa* Ledeb. [в группу (*Pubescentes*) с ветвями без бородавочек, в противоположность группе (*Verrucosae*) с молодыми ветвями, покрытыми более или менее густыми бородавочками] и считает низким деревом с искривленными большей частью стволами. Характерная ромбовидная форма небольших листьев (в среднем 3–4 см) с длинным клиновидным основанием и неправильная зубчатость, переходящая в надрезанность краев листьев, свойственны этой действительно низкой березке. Высота ее не более 2–3 м и она является как бы промежуточной между древесными и кустарными березами. Я собирал подобную березу на западном берегу Байкала, с одной стороны, недалеко от устья Верхней Ангары (приблизительно километров в 40 от него), на мысе Тонком (пл., 03.VIII.1952), с другой – на о. Ольхоне, у с. Хужир (цв., 12.VI.1952), здесь же ее собрал и Н.К. Тихомиров (1930), в прибрежной полосе, на галечно-песчаном грунте. Мои плодущие образцы отличаются от описания О.И. Кузнецовой только более толстыми, овальными сережками (2 см дл., более 1 см толщины). От *B. verrucosa*, с которой эта березка сходна по ромбовидным листьям, она легко отличается, прежде всего, формой плодущей чешуи; боковые доли чешуи не отогнуты в стороны, как крылья самолета, а короткие и подняты кверху, полуналегают на среднюю лопасть, которая более длинна и более резко загнута верхушкой наружу, чем у *B. verrucosa* [подобно тому, как изображено у О.И. Кузнецовой на табл. XV, стр. 297 – рис. 1а (*B. microphylla* Bunge) и рис. 2а (*B. tortuosa*), вернее нечто среднее между этими изображениями. Из туркестанских берез (см. Д.И. Литвинов. Тр. Бот. музея. Вып. XII. 1914) сходные чешуи имеют *B. turkestanica* Litv. (табл. XII, fig. 5) и *B. pamirica* Litv. (табл. XII, fig. 6)]. Кроме того, от *B. verrucosa* ее отличает низкий рост и толстоватые (на моих образцах) короткие сережки, равно как и более мелкие листья. Больше она походит на туркестанские березы типа *B. microphylla* и *B. tianschanica* Rupr., которые излишне были разбиты на десяток видов, в числе которых находятся и упомянутые *B. turkestanica* и *B. pamirica*. Молодые веточки у нее тонко пушистые и с редкими бородавочками, так что не очень ясно, следует ли ее относить к линнеону ряда *Pubescentes* или к ряду *Verrucosae* [во «Флоре СССР». 1936. 5: 291–305, нанизано один за другим 24 вида секции *Albae* без всякой разбивки на ряды. И вообще принцип «рядов» – столь прославленной «Флоры» – был забыт во многих родах этого тома, например, кроме рода *Betula*, также в родах *Salix* L. (М.И. Назаров), *Atraphaxis* L., *Calligonum* L. (Н.В. Павлов)], или же она представляет вместе с туркестанскими видами особый ряд *Microphyllae*. Следующим вопросом является установление ее ареала. Во «Флоре Забайкалья» (Ярмоленко, 1937. 3: 231) она приводится не только для прибайкальских районов (Бурятия муя-ангарская, байкальская, баргузинская), но и для далекой Даурии (яблонева и нерчинская), с примечанием: «Вид, точное географическое распространение которого еще недостаточно ясно. ... Известны помеси с *B. platyphylla*». У меня, кроме того, имеются образцы с Средне-Сибирского плато (по р. Иреек близ Суворки, пл., 28.VII.1951, М.Г. Попов), очень близко подходящие к *B. baicalensis*, как по форме листа, так и по форме плодущей чешуи, с некоторым уклоном в сторону *B. verrucosa*. Эта береза (деревце!) обратила мое внимание также на Ирееке, мелкой и ромбической (по форме) листвой. Она росла на краю леса и заболоченной долины Иреека, где в массах встречается *B. humilis*. Сережки у нее короткие (1–1,5 см дл.), но не толстые (6–7 мм толщины). Мне кажется, что *B. baicalensis*

является гибридогенным продуктом из скрещивания древесной *B. verrucosa* (или *B. platyphylla*) и кустарниковой *B. fruticosa* Pall. (или *B. humilis*).

Рассмотрим признаки и распространение этих типично кустарниковых березок (секция *Fruticosae* Regel) у Байкала. В.Н. Сукачев (1911: 208–210) не приводит для побережий Байкала ни того, ни другого вида; А.В. Ярмоленко во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 232) приводит только *B. fruticosa* (в частности для муя-ангарского, выходящего западным концом к северной оконечности Байкала, и для баргузинского районов Бурятии). О.И. Кузенева во «Флоре СССР» (1936. 5: 269–305), считает, что *B. fruticosa* описана с Байкала. На самом деле оба вида растут на побережье Байкала. *B. humilis* нами собрана на юго-восточном (хамардабанском) побережье, у Посольска; по данным В.Н. Сукачева она проникает и далее на юго-восток в Селенгинскую Даурию (Петровский Завод, Кяхта). *B. fruticosa* нами собрана в бухте Фролиха, на северо-восточном берегу Байкала (пл., 17.VII.1952). Эти образцы, во-первых, не подтверждают того признака, которым будто бы *B. fruticosa* отличается от *B. humilis*, именно большего числа жилок у листьев *B. fruticosa* (6–7 жилок), чем у *B. humilis* (4–5 жилок), как это приводят В.Н. Сукачев и О.И. Кузенева: на наших образцах обоих видов их в среднем 5, и даже у *B. humilis* (из Посольска) изредка их 6, а у *B. fruticosa* (с Фролихи) шести боковых жилок не наблюдается. Но *B. fruticosa* имеет и другие признаки, отличающие ее от описаний обоих новых «Флор»; сережки у нее короткие и толстые (в среднем 1,5 см дл., 1 см шир.) очень похожи на сережки (с мыса Тонкого) [а также как на рис. 4, табл. XV «Флоры СССР» 1936. 5: 297], в 1,5 раза раз толще сережек *B. humilis* (из Посольска). Листья у нее тоже более широко (почти округло) яйцевидные (зубчатость же их менее часта и остра, чем у *B. humilis*, что совпадает с данными В.Н. Сукачева). Таким образом, это не типичная *B. fruticosa*; это особая разновидность ее (*varietas*), с такими же листьями кустарную березку привозила мне И.И. Андреева с залива Мухор (юго-западный конец Малого Моря); к сожалению, с очень молодыми тонко-цилиндрическими (1,5 см дл.) женскими сережками. Во всяком случае, по форме листьев и их зубчатости она походит на разновидность (*var.*) *B. fruticosa* из Фролихи и резко отличается от *B. humilis* из Посольска. Наконец, бесплодные образцы, по-видимому, той же березки (разновидность *B. fruticosa*) приведены И.И. Андреевой с о-ва Круглого в группе Ушканьих. У меня был для сравнения еще образец, определенный как *B. fruticosa* из Читинской области, окр. с. Могочи (53° с. ш.), собранный А.В. Куминовой и В. Лихачевой, листья у него более мелкие и эллиптические, чем у байкальской разновидности *B. fruticosa*, но тоже с 4–5 жилками, а сережки мелкие 1 см дл. и 6–7 мм шир.

А.В. Ярмоленко во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 232) в примечании к *B. gmelinii* пишет при этом, что последний вид: «Образует помеси с *B. fruticosa*, очень затрудняющие различение этих двух близких видов, которые в типичных формах различаются и морфологически, и экологически»; *B. gmelinii* изображена в этой «Флоре» на рис. 128 (1937. 3: 234). У меня был очень большой гербарный материал по *B. gmelinii*, собранный М.А. Решиковым 18.VII.1952 в Барун-Харлуне около Кяхты и, кроме того, из некоторых других мест Забайкалья. По этому материалу, листья *B. gmelinii* обычно крупнее, чем у *B. humilis* и *B. fruticosa* (3–5 см дл.!), по форме же очень изменчивы, чаще, однако, с клиновидным основанием, редко яйцевидные, с округлым основанием (как у разновидности *B. fruticosa* с Фролихи); именно у нее бывает по 6 жилок на каждой

стороне листа; сережки то более толстые, то более тонкие, но все же всегда крупнее, чем у *B. humilis* и обычно, чем у разновидности *B. fruticosa*; острота зубчатости листа средняя между *B. fruticosa* и *B. humilis*. Действительно, этот вид, по-видимому, очень близок к упомянутым кустарным березкам и вряд ли может быть четко от них отграничен, представляя, как мне кажется, серию переходных форм от них к дальневосточной темнокорой березе – *B. dahurica*. Последняя является, во-первых, деревом (или деревцем), затем деревянистая плодущая чешуя у нее имеет отогнутые в стороны, подобные крыльям, боковые лопасти, наконец, крыло орешка у нее более узкое. Она выделяется в особую секцию *Dahuricae* Regel. Она изображена на рис. 127 во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 233) и при сравнении этого рисунка с рис. 128 (*B. gmelinii*), каждому бросается в глаза очень большое сходство этих берез по форме листа и по форме сережек (но не их чешуй!). Ширина крыла уже менее ясный количественный признак, имеющий, несомненно, полную серию переходов. Единственным заметным отличием этих двух берез является, таким образом, плодущая чешуя (см. указанные рисунки во «Флоре Забайкалья»). Решающ ли этот признак? Я видел, например, образцы из Селенгинской Даурии, с р. Темник, 13.VIII.1951, М.А. Решиков, которые обладали чешуей именно такой формы, какая изображена как характерная для *B. dahurica* не только во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 233 – рис. 127), но и во «Флоре СССР» (1936. 5: 287 – табл. XIV, рис. 5а); однако, по консистенции она не была деревянистой, каковой признак, впрочем, и не отмечается для *B. dahurica*, например, во «Флоре СССР» – он подчеркивается только во «Флоре Забайкалья». М.А. Решиков свои образцы определил именно за *B. dahurica*, основываясь на форме чешуи, хотя крылья орешков у его образцов широкие.

Каковы же ареалы этих двух последних берез – Гмелина и даурской? Во «Флоре Забайкалья» утверждается, что даурская береза растет не западнее Нерчинской и Аргунской Даурии, что ее, таким образом, нет в Селенгинской Даурии. Ареал березы Гмелина, согласно той же «Флоре», лежит в основном западнее, в Бурятии: удинской, селенгинской, витимской, муя-ангарской и байкальской, но на своем восточном конце, в Нерчинской Даурии, налегает на ареал березы даурской. Эти данные «Флоры Забайкалья» не совпадают с данными В.Н. Сукачева (1911: 212), который не приводит березу Гмелина западнее Верхнеудинска (Улан-Удэ). Я также не видел ее даже на восточном побережье Байкала; поэтому мне не ясно, на основании каких материалов во «Флоре Забайкалья» приводится эта береза для байкальского района Бурятии, а во «Флоре СССР» даже для Ангаро-Саянского района (т. е. еще более западного, Предбайкальского). Во всяком случае, несомненно, что в забайкальской Средней Сибири ареалы обоих видов частично налегают друг на друга и что различие их там не всегда вполне возможно, очевидно, из-за гибридогенных переходных форм.

В этом месте, мне казалось уместным указать, что было бы ошибкой считать столь частые в Средней Сибири, особенно в забайкальской, гибриды берез за современные случайные помеси в остальном четко очерченных видов; у меня сложилось такое впечатление, что таких четко очерченных видов берез, в сущности, и нет, что все или большая часть установленных для Средней Сибири видов представляют пестрые гибридогенные группы форм, с неясно очерченными признаками и границами по отношению друг к другу: почти каждый образец березы из забайкальской Средней Сибири заставляет задуматься, к какому виду его

следует или, точнее сказать, лучше отнести, а для ряда образцов решение этого вопроса оказывается просто невозможным. Я хочу этим сказать, что весь этот комплекс берез возник гибридогенно и не в современный период, а в какое-то геоисторически недавнее время – или в плейстоцене или даже плиоцене из очень отдаленного скрещивания, мне кажется вероятнее всего из скрещивания константных (палеогеновых) берез и более новых (неоген-плейстоценовых) белокорых, причем наиболее близким к исходному константному родителю должна являться дальневосточная реликтовая *B. schmidtii* Regel, а другим родителем была белокорая береза типа *B. platyphylla*. Вероятнее всего, основной гибридогенный процесс имел место в плейстоцене, когда северные белокорые березы были вдвинуты к горным хребтам в ареал более южных, т. е. более термофильных константных. В результате гибридогенеза создались не только плеяда древесных переходных видов: *B. platyphylla* – *B. pubescens* – *B. verrucosa* – *B. gmelinii* – *B. dahurica* – *B. ermanii* – *B. schmidtii*, но и серия редуцированных обособленных по some видов кустарных или почти кустарных берез: *B. ircutensis*, *B. baicalensis*, *B. fruticosa*, *B. humilis*, *B. middendorffii*, *B. prochorowii* Kuzen. et Litv. и т. д.

Из гибридогенного комплекса, очерченного выше, отдельные формы стали распространяться к западу или к востоку от области первичной гибридизации и там, изолируясь, стали становиться более или менее «чистыми» видами.

Не следует думать, что первичный гибридогенный процесс происходил на территории Средней Сибири, там, где сейчас лежат ареалы большей части видов гибридогенного комплекса; вероятно, область первичной гибридизации лежала где-то севернее, в Восточной или даже Северо-Восточной Сибири, на широтах возможно 70°–80° с. ш. там, где теперь расстилается тундра или лесотундра; только в плейстоцене комплекс был смещен к югу, в современные его границы. Таким образом, история образования всего гибридогенного комплекса берез и отдельных его форм или видов была сложной и длинной, не только во времени, но и в пространстве; по всей вероятности, данный гибридогенез сказался не только в Евразии, но и Северной Америке, где имеются виды, близкие к сибирским. Углубленные флорогенетические исследования должны в будущем разъяснить в деталях историю гибридогенного комплекса берез и многих других, ему аналогичных.

Остановимся в заключение на последней секции берез, растущей в Прибайкалье – на карликовых березах секции *Nanae* Regel. Как В.Н. Сукачев (1911: 207), так и О.И. Кузенева (1936. 5: 281–285) приводят 4 вида карликовых берез. Наиболее рослой из них является *B. middendorffii*, березка, ростом с человека, впрочем, имеющая карликовые формы: от кустарных берез она должна отличаться на верхушке тупыми, часто как бы веерообразными листьями, т. е. клиновидными при основании и сильно расширенными кверху, а также тупыми зубцами листьев; однако так бывает не всегда. Даже вернее, такие признаки мы находим, например, у байкальской формы вида. Если же взять образцы с Зеи, изданные в «Списке растений гербария флоры СССР» (1949) под № 3381 (*B. middendorffii* var. *communis* Trautv.) и № 3382 (*B. middendorffii* var. *vallensis* Sukaczew), то на них увидим листья очень похожие на листья *B. fruticosa*. О.И. Кузенева (1914: 72, 73) описала 3 гибрида *B. middendorffii* (с *B. platyphylla*, *B. ermanii* и *B. exilis*); В.Н. Васильев (1949 – этикетка к № 3381) указывает еще 2 ее гибрида (с *B. fruticosa* и *B. ovalifolia* Rupr.), «Отличается, – говорит он, – большим полиморфизмом. По-видимому, гибридизирует с многими видами бе-

рез». Из этой фразы можно заключить, что якобы какой-то четкий вид *B. middendorffii* с определенными признаками, только там и здесь, сравнительно редко дающий помеси с другими видами. Мне же кажется, как я указал, что вся *B. middendorffii* состоит из серии переходных форм от истинно карликовых берез (типа *B. nana* L.) к кустарниковым и даже древесным березам; особенно близка она к *B. fruticosa*. Если мы возьмем образцы, изданные в «Списке растений гербария флоры СССР» (1949) под № 3382 (*B. middendorffii* var. *vallensis*), то едва ли мы сумеем найти грань между ними и *B. fruticosa* или *B. gmelinii*.

Не буду, впрочем, вдаваться в разбор дальневосточных форм *B. middendorffii*; остановлюсь только на байкальских. Для Байкала эта березка впервые была указана В.Н. Сукачевым лишь в 1952 г. (С. 180) для мыса Котельниковского (северо-западный берег Байкала) и о-ва Большого Ушканьего (близ северо-восточного берега). Помимо этих двух мест, где и я ее собирал, я имею еще свои собственные сборы с устья р. Иринда (северо-восточный берег, севернее Святого Носа). В.Н. Сукачев (1952) пишет, что байкальская раса отличается от типичной несколькими признаками, в том числе, особой формой листьев. Они у нее менее округлы и более клиновидны. Других признаков автор не называет. «Эта березка, — кончает он, — была названа В.Н. Сукачевым *B. henriettae* Sukaczev et V.N.Vassil.», однако такого названия нет ни во «Флоре СССР» (1936), ни во «Флоре Забайкалья» (1937), в которых вообще нет указаний на произрастание *B. middendorffii* вокруг Байкала. В действительности на северных побережьях последнего мы находим крайнее к западу обитание того полиморфного комплекса, который у систематиков именуется *B. middendorffii*, причем, комплекс здесь представлен, что любопытно, особой, более стойкой в своих признаках расой — *B. henriettae* или *B. middendorffii* var. *henriettae* Popov. Мне кажется, В.Н. Сукачев не точно передает характер листьев этой последней; если их сравнить с листьями образцов, изданных в «Списке растений гербария флоры СССР» (№№ 3381 и 3382), то они даже более округлы, более вееровидны, чем у тех, хотя варьирование их даже на одном и том же экземпляре значительно: некоторые из них имеют совершенно округленную верхушку, другие островатую, одни вееровидные, другие почти круглые, третьи очень широко яйцевидные и коротко заострены на верхушке. У одних особей ветви густо покрыты железистыми бородавками, у других очень слабо. Не без оснований Н. Winkler (1904) считал этот вид гибридной группой из скрещивания *B. pubescens* × *B. nana*; ее признаки действительно уклоняются то в сторону *B. pubescens* (или *B. fruticosa*, *B. gmelinii*), то в сторону *B. nana* (или *B. exilis*, *B. rotundifolia*). Но все же байкальская раса как будто является более однородной, более чистой, что вероятно обусловлено ее лучшей изоляцией от остального комплекса; повторю еще раз, что хотя, несомненно, *B. middendorffii* в целом представляет гибридогенный комплекс, однако, не группу современных помесей, а комплекс, возникший уже много сотен лет тому назад. Поэтому, хотя бы байкальскую *B. middendorffii* (*B. henriettae*) можно почти всегда отличить как от *B. fruticosa*, так и от *B. nana* (*B. exilis*, *B. rotundifolia*) и большей величиной и иной формой (вееровидной) листьев.

Перейдем к последней карликовой березке, которую мы собирали на Байкале. А.В. Ярмоленко во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 236) считает ее за *B. rotundifolia*, если же руководствоваться данными В.Н. Сукачева (1911: 212–216), то байкальскую карликовую березку нужно признать за *B. exilis*; он приво-

дит таковую в статье его и Г.И. Поплавской (1914: 1319, 1320) для северо-восточного берега Байкала (Шумилиха, Кудалды) и для северо-западного берега (мыс Котельниковский) и Култука; тоже повторяет и О.И. Кузенева (1936. 5: 283). Поэтому встает вопрос, каковы отличия двух близких видов *B. exilis* и *B. rotundifolia*. В.Н. Сукачев (1911: 214, 216) считал, что *B. rotundifolia* есть альпийская, алтайско-саянская березка, *B. exilis* же – арктическая, восточно-сибирская с ареалом по северо-востоку Сибири от Енисея до Аяна. От *B. exilis*, *B. rotundifolia*, по его мнению, отличается более крупными плодами, более широкими их крылышками и формой веерообразных листьев; в общем, по данным В.Н. Сукачева, можно представить 4 вида секции *Nanae* в такой серии: *B. nana* → *B. exilis* → *B. rotundifolia* → *B. middendorffii*. О.И. Кузенева (1936. 5: 271) различие этих 4 видов строит на ширине крыла орешка, а ареал *B. exilis* (С. 283) вводит, против мнения В.Н. Сукачева, также Ангаро-Саянский район. А.В. Ярмоленко во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 236) изменяет по сравнению с В.Н. Сукачевым даже характеристику *B. exilis*, уверяя, что крылья плода у нее «очень узкие, образующие как бы кайму вокруг орешка». Тогда как В.Н. Сукачев (1911) писал «крылья в 2 раза уже орешка», О.И. Кузенева (1936) – в 2–4 раза уже орешка⁷⁰ (таким образом, с 1911 г. по 1937 г. крылья орешков у *B. exilis* становились во «Флорах» все более узкими!). Попутно А.В. Ярмоленко во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 236) решительно изменяет ареал *B. rotundifolia*, приводя ее для тех мест (Забайкалья), в которых по В.Н. Сукачеву должна была расти *B. exilis*. Про ареал же последней в той же «Флоре» А.В. Ярмоленко (1937. 3: 236) – опять в изменение мнения В.Н. Сукачева, – пишет: «Замещающий к востоку от Байкала *B. nana* ...». Из этих цитат ясно, что *B. exilis* очень критический вид, трудно отличимый как от *B. nana*, так и от *B. rotundifolia*, промежуточный между ними. Каждый автор по-своему определяет его морфологические и географические границы.

Для Байкала В.Н. Сукачев (1911), как мы видели, приводит только *B. exilis*, а А.В. Ярмоленко во «Флоре Забайкалья» (1937) только *B. rotundifolia*. Изображение последней дано как во «Флоре Забайкалья» (1937. 3: 233 – рис. 129), так и во «Флоре СССР» (1936. 5: 287 – табл. XIII, рис. 4); последнее по листьям и сережкам больше напоминает *B. middendorffii*, первое – *B. nana* (если исключить орешек). Я имел образцы карликовой березки с о-ва Круглого из группы Ушканьих о-вов и с р. Иринды (северо-восточный берег): только последние с плодами. Крыло их довольно широкое. Вообще на северных побережьях Байкала эта березка довольно обычна, я видел ее на Котельниковском. Она неотличима, по моему взгляду, от образца с Алтая (*B. rotundifolia*), который я имел в руках, поэтому, мне кажется, ее лучше считать, в согласии с «Флорой Забайкалья» (Ярмоленко, 1937) за *B. rotundifolia*, поскольку *B. exilis* – очень неясный вид.

---

⁷⁰ На самом деле О.И. Кузенева (1936. 5: 283) дает такую характеристику орешкам: «Орешки овальные, ок. 2 мм дл., крылышки раза в два или немного больше уже орешка и сверху чаще его немного превышают».

Список опубликованных работ М.Г. Попова⁷¹

1915

1. Ботанико-географические исследования в Туркестане: Краткий обзор положения работ и их главнейших результатов / И.И. Спрыгин, М.Г. Попов // Почвенные экспедиции в бассейнах рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. М. 1915. Вып. 1. С. 45–63. 2 л. табл. [То же, отдельный оттиск. М. С. 1–19. 2 л. табл.]
2. Ботанико-географический очерк гор Султан-Уиз-Даг // Почвенные экспедиции в бассейнах рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. М. 1915. Вып. 1. С. 63–80. 6 л. табл.

1916

3. *Descriptiones plantarum novarum in Turkestanian lectarum* – Описание новых видов растений, собранных в Туркестане / Е.П. Коровин, М.В. Культиасов, М.Г. Попов // Почвенные экспедиции в бассейнах рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. М. 1916. Вып. 2. С. 39–90. 25 л. табл.
4. *Megacarpa orbiculata* V. Fedtsch. и *M. gigantea* Rgl. / И.И. Спрыгин, М.Г. Попов // Почвенные экспедиции в бассейнах рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. М. 1916. Вып. 2. С. 91–94. [Новое описание первого вида и дополнения к описанию второго.]

1917

5. Новые и редкие растения Бухары // Тр. Пенз. о-ва любителей естествознания. 1917 (1918). Т. 3–4. С. 269–272.
6. Плющ (*Hedera*) в Западном Тянь-Шане // Тр. Пенз. о-ва любителей естествознания. 1917 (1918). Т. 3–4. 117–130.

1922

7. [Замечание по поводу реликтовой флоры Западного Тянь-Шаня в понимании Б.А. Федченко] // ТГУ. 1922. Т. 5. Отчет о деятельности и протоколы заседания Биол. отделения Туркестан. научн. о-ва. С. 29. [Выступление в прениях по докладу М.В. Культиасова «Материалы к характеристике растительности предгорий Западного Тянь-Шаня».]
8. Ботанико-географический очерк северной Хивы // Изв. Туркестан. отд. Рус. геогр. о-ва. 1922. Т. 15. С. 33–54.
9. Ботанические результаты Угамской экспедиции летом 1921 г. // ТГУ. 1922. Т. 5. Отчет о деятельности и протоколы заседания Биол. отделения Туркестан. научн. о-ва. С. 25. [Сообщение о находке *Ostrovskia magnifica* в Зап. Тянь-Шане.]
10. О растительности гор Сары-Тау и урочища Сель-Рохо в Кокандском уезде Ферганской области. Ташкент: Туркестан. гос. изд-во. 1922. С. 52–68. 2 л. табл. (ТГУ. Вып. 4. Бюл. Ин-та почвоведения и геоботаники. № 1).
11. Причины распределения по Южному Туркестану полынной формации. Ташкент: Туркестан. гос. изд-во. 1922. С. 30. (ТГУ. Вып. 4. Бюл. Ин-та почвоведения и геоботаники. № 1). [Выступления в прениях по докладу М.В. Культиасова «Материалы к характеристике растительности предгорий Западного Тянь-Шаня».]
12. Растительность гор Сары-тау: Из Кон-и-Гутской поездки (Ферганская область, Кокандский уезд.) // Тр. Туркестан. науч. о-ва. 1922. Вып. 5. С. 7–8. [Отчет о деятельности и протоколы заседаний Биол. отд. Туркестан. о-ва (рез. докл.).]

1923

13. *Descriptiones plantarum novarum in regione alpina montium Talas Ala-tau collectarum* / М.Г. Попов, П.А. Баранов // Ботан. материалы Гербария ГБС РСФСР. 1923. Т. 4. Вып. 21/22. С. 175–176.

---

⁷¹ Список приведен на основе Приложения 1 «Список опубликованных работ М.Г. Попова», опубликованного в 1983 г. в «Избранных трудах». Добавленные к этому списку работы помечены звездочкой (*).

14. *Parrya maindantolica* M. Pop. et P. Baran. и *P. exscapa* С.А.М. var. n. *tianschanica* M. Pop. et P. Baran. / Баранов П.А. Ледник Корум-бель (из системы ледников по р. Майдан-талу) и флора его морены // Изв. Туркестан. отд. Рус. геогр. о-ва. 1923. Т. 16. С. 133–148. 5 табл., рис.
15. Новые виды рода *Astragalus* из Туркестана // Ботан. материалы Гербария ГБС РСФСР. 1923. Т. 4. Вып. 19/20. С. 153–159.
16. Новый род из семейства губоцветных *Stachyopsis* genus novum Labiatarum / М.Г. Попов, А.И. Введенский // Тр. Туркестан. науч. о-ва. 1923. Т. 1. С. 119–122. 1 л. табл.
17. Определитель растений окрестностей Ташкента: Иллюстрированное руководство к определению дикорастущих сосудистых споровых и цветковых растений / А.И. Введенский, В.П. Дробов, Е.П. Коровин, М.В. Культиасов, М.Г. Попов / Под ред. М.Г. Попова. Ташкент. 1923. Вып. 1. 80 с. 24 л. рис.
18. Флора пестроцветных толщ (краснопесчанниковых низкогорий) Бухары: (Фрагмент к истории флоры Туркестана) // Тр. Туркестан. науч. о-ва. 1923. Т. 1. С. 3–42. 7 л. табл.

1924

19. [Голодностепская экспедиция: Маршрут экспедиции М.Г. Попова и А.И. Введенского, совершенной в 1923 г. в Голодную степь] // Бюл. САГУ. 1924. № 3. С. 68.
20. *Allium gypsaceum* M. Pop. et Vved. / Введенский А.И. Decas Alliorum novarum ex Asia Media // Ботан. материалы Гербария ГБС РСФСР. 1924. Т. 5. Вып. 6. С. 92–93.
21. Descriptiones plantarum novarum / Баранов П.А. Очерк растительности Чимгана // Изв. Туркестан. отд. Рус. геогр. о-ва. 1924. Т. 17. С. 26–31. 6 л. табл.
22. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae: Univ. Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. № 7. Вып. 1. С. 9–20. [Критические заметки к 18 видам флоры Средней Азии: *Eremurus* – 1, *Astragalus* – 17; М.Г. Попов совм. с А.И. Введенским]
23. Краеведение в Туркестане // Краеведение. Л.; М. 1924. Т. 3. С. 311–312. [Дана ошибочно подпись: И. Попов.]
24. Новые виды Туркестанской флоры // Ботан. материалы Гербария ГБС РСФСР. 1924. Т. 5. Вып. 3. С. 37–39.
25. Новые и критические виды губоцветных Туркестана // Ботан. материалы Гербария ГБС РСФСР. 1924. Т. 5. Вып. 10. С. 153–156.
26. Определитель растений окрестностей Ташкента: Иллюстрированное руководство к определению дикорастущих сосудистых споровых и цветковых растений / А.И. Введенский, В.П. Дробов, Е.П. Коровин, М.В. Культиасов, М.Г. Попов / Под ред. М.Г. Попова. Ташкент. 1924. Вып. 2. С. 81–160. 34 л. рис.
27. Пещера Кан-и-Гут в Ферганских горах // Изв. Туркестан. отд. Рус. геогр. о-ва. 1924. Т. 17. С. 179–184. 3 вкл. л. ил.
28. Сем. Cruciferae. Крестоцветные // Определитель растений окрестностей Ташкента. Ташкент. 1924. С. 137–160. [Статья не окончена.]
29. Сем. Raravagaseae. Маковые // Определитель растений окрестностей Ташкента. Ташкент. 1924. С. 134–137.

1925

30. * Пещера Кон-и-Гут в Ферганских горах // Изв. Туркестанского отд. Русского геогр. об-ва. 1925. Т. 17. С. 179–184.
31. Ботанические экспедиции летом 1924 г.: Маршруты М.Г. Попова в 1924 г. Бюл. САГУ. 1925. № 9. С. 200–201.
32. Десять лет работы в Средней Азии: (автообзор) // Изв. Ин-та почвоведения и геоботаники САГУ. 1925. № 1. С. 27–37.
33. Дикая яблоня и алыча в горах Чимгана / М.Г. Попов, Г.М. Попова // Бюл. САГУ. 1925. № 11. С. 99–103. 1 л. табл.

34. Краткий очерк растительности Таджикистана // Таджикистан: Сб. статей. Ташкент. 1925. С. 45–62.
35. Наблюдения над полиморфизмом *Roemeria rhoeadiflora* Boiss. в Туркестане / М.Г. Попов, Т.М. Батуева // Изв. Гос. ин-та опыт. агрономии. 1925. Т. 3. № 2–4. С. 149–150.
36. Экологические типы растительности пустынь Южного Туркестана // Изв. ГБС РСФСР. 1925. Т. 24. С. 168–175. 1 л. табл.
37. Generis *Zygophylli* species asiaticae // Бюл. САГУ. 1925. № 11. С. 105–123.
38. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1925. № 9. Вып. 4. С. 18–29. [Критические заметки к 21 виду сем. Brassicaceae.]
39. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1925. № 9. Вып. 5. С. 37–39. [Критические заметки к 2 видам рода *Silene* L. – *S. praemita* M. Pop., *S. volgensis* (W.) Spreng.]
40. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1925. № 9. Вып. 6. С. 3–13. [Критические заметки к 18 видам сем. Ranunculaceae.]
41. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1925. № 9. Вып. 7. С. 21. [Описание нового вида – *Veronica stylophora* M. Pop. (с прим. А.И. Введенского).]

1926

42. [Маршрут М.Г. Попова весной 1925 г. в Самаркандской области.] // Бюл. САГУ. 1926. № 12. С. 131.
43. Fragmenta monographie Astragalorum Asiae Mediae // Бюл. САГУ. 1926. № 14. С. 127–144. [I. Ключ для определения однолетних видов (пород *Trimoniaeus*) рода *Astragalus* Средней Азии. С. 127–135. II. Обзор видов секции *Alopecias* в Средней Азии. С. 135–144. III. Decas *Astragalorum novarum perennium ex Asiae Mediae*. С. 138–144.]
44. Generis *Zygophylli* species asiaticae // Бюл. САГУ. 1926. № 12. С. 109–126. 2 л. табл.
45. *Phlomis vavilovi* sp. n. и родственные ему виды: К познанию подрода *Phlomidopsis* Benth. в Средней Азии // Бюл. САГУ. 1926. № 13. С. 129–152. 1 л. табл.
46. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1926. № 12. Вып. 8. С. 7–13. [Критические заметки к 3 видам рода *Silene* L. сем. Zygophyllaceae.]
47. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1926. № 12. Вып. 9. С. 16–26. [Критические заметки к 25 видам сем. Lamiaceae.]
48. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1926. № 14. Вып. 10. С. 5–6, 18. [Критические заметки к *Spinacia tetrandra* Stev. и *Asperula oppositifolia* Rgl. et Schmalh.]

1927

49. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1927. № 15. Вып. 11. С. 5–22. [Критические заметки к 24 видам сем. Fabaceae.]
50. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1927. № 15. Вып. 12. С. 31–32. [Описание нового вида *Convolvulus tschimganicus* M. Pop. et Vved.; М.Г. Попов, А.И. Введенский (с примечанием последнего).]
51. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Прилож. к Бюл. САГУ. 1927. № 15. Вып. 13. С. 41. [Описание нового вида *Euphorbia sclerocyathium* Eug. Kor. et M. Pop.; М.Г. Попов, Е.П. Коровин].
52. Географо-морфологический метод систематики и гибридизационные процессы в природе // Тр. по прикл. ботанике и селекции. 1927. Т. 17. № 1. С. 221–290. 19 рис., 3 карты, 1 л. карт.
53. Основные черты истории развития флоры Средней Азии // Бюл. САГУ. 1927. № 15. С. 239–292. 2 черт.

1928

54. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Тр. САГУ. 1928. Сер. 8-в. Ботаника. Вып. 3. С. 18–41. [Критические заметки к 23 и новоописания 4 видов рода *Astragalus* L.]
55. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Тр. САГУ. 1928. Сер. 8-в. Ботаника. Вып. 16. С. 41–47. [Критические заметки к 22 и новоописания 3 видов рода *Astragalus* L.]
56. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Тр. САГУ. 1928. Сер. 8-в. Ботаника. Вып. 17. С. 66–76. [Критические заметки к *Sternbergia lutea* (L.) Spreng. и 4 видам рода *Zygophyllum* L.]
57. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Тр. САГУ. 1928. Сер. 8-в. Ботаника. Вып. 19. С. 86–101. [Критические заметки к 25 видам сем. Caryophyllaceae.]
58. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Тр. САГУ. 1928. Сер. 8-в. Ботаника. Вып. 20. С. 110–111. [Новоописания *Centaurea lasiopoda* M. Pop. et M. Kult., *C. vvedenskyi* M. Pop.]
59. Гибридизационные явления в природе и значение их для эволюции // Дневник Всесоюзного съезда ботаников в Ленинграде в январе 1928 г. Л. 1928. С. 92–93.
60. Дикие плодовые деревья и кустарники Средней Азии // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1928/1929. Т. 22. № 3. С. 241–483. 114 рис., 1 карта.
61. Растительные высотные пояса в горах Средней Азии // Дневник Всесоюзного съезда ботаников в Ленинграде в январе 1928 г. Л. 1928. С. 122–123.
62. Род *Cicer* и его виды. К проблеме происхождения средиземноморской флоры. Опыт морфологической и географической монографии // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1928/1929, Т. 21. № 1. С. 3–240. 41 рис., 7 карт.

1929

63. Heliotropioideae Азиатской части СССР // Тр. Ботан. сада АН СССР. 1929/1931. Т. 42. № 2. С. 210–247.
64. Мировые фонды диких плодовых растений и их значение для пловодства // Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Л. 1929. С. 435–447.
65. Об одном замечательном виде *Trigonella* из Туркестана // Изв. ГБС РСФСР. 1929. Т. 28. № 3/4. С. 400.

1930

66. Виноградарство Нухурии. Опыт районной ампелографии / П.А. Баранов, М.Г. Попов, А.И. Райкова // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. 1930. Т. 24. № 1. С. 167–282. 41 рис., 7 карт.
67. Материалы к построению перспективного плана по виноградарству в СССР на 1930–1933 гг. // Растениеводство СССР: Материалы по сост. плана на 1931 г. Л. 1930. С. 559–566.

1931

68. The description of two new spices of plants from Sinkiang // Дополнение к Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. 1931. Т. 26. № 3. С. I–II (вклад. листок).
69. Между Монголией и Ираном: Основные ботанико-географические черты Синьцзяня – самой западной провинции Китая – по данным собственных исследований 1929 г. и сводки литературных сведений по этой стране) // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. 1931. Т. 26. № 3. С. 45–84. 22 рис.

1932

70. *Asparagus* L. – Спаржа // Флора Туркмении. Л. 1932. С. 311–315. (Тр. Совета по изуч. производит. сил АН СССР. Сер. Туркменская. 5. Т. 1. Вып. 2).
71. Ephedraceae – хвойниковые // Флора Туркмении. Л. 1932. С. 16–21. 1 рис. (Тр. Совета по изучению производит. сил АН СССР. Сер. Туркменская. 1. Т. 1. Вып. 1).

1933

72. К районированию полевых культур: Среднеазиатские республики / Р.И. Аболин, Е.В. Бунаков, М.Г. Попов, Н.И. Сапожников // Растениеводство СССР. Л. 1933. Т. 1. Ч. 1. С. 260–296.

1934

73. Schedae ad Herbarium Florae Asiae Mediae // Тр. САГУ. Сер. 8-в. Ботаника. 1934. С. 77–91. [Критические заметки к 13 и описание одного вида сем. Paraveraceae.]
74. Ботанико-географический очерк Алма-Атинского государственного заповедника / М.Г. Попов, Н.И. Рубцов // Бюл. Казахстан. фил. АН СССР. 1934. № 1. С. 29.
75. Ботаническая характеристика обитаний диких плодовых в окрестностях г. Алма-Ата // Бюл. Казахстан. фил. АН СССР. 1934. № 1. С. 47–54.
76. Виноградарство Узбекской ССР // Узбекистан. Л. 1934. С. 305–312. (Тр. и материалы 1-й Конф. по изуч. производ. сил Узбекистана, 19–28 декабря 1932 г. Т. 3.)
77. Дикие плодовые леса Узбекистана // Узбекистан. Л. 1934. С. 203–217. (Тр. и материалы 1-й Конф. по изуч. производ. сил Узбекистана, 19–28 декабря 1932 г. Т. 3.)

1935

78. *Gagea anisopoda* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. Л. 1935. Т. 4. С. 737.
79. Index seminum Horti Botanici Almaatensis Academiae Scientiarum. Alma-Ata. 1935. № 2. P. 4, 12, 13, 23, 24.
80. Дикие плодовые заросли окрестностей Алма-Ата в Заилийском Алатау (Тянь-Шань) / М.Г. Попов, А.Г. Каблуков, М.П. Мальковский. Алма-Ата; М. 1935. С. 1–122. 12 фото, 1 л. карт. [Современное состояние плодовых зарослей. Ботаническое описание диких плодовых пород. Фитосоциальная характеристика зарослей плодовых деревьев.]
81. Новые или критические растения, собранные в хребте Заилийском Алатау в окрестностях города Алма-Ата // Бюл. МОИП. Новая Серия. Отд. Биологии. 1935. Т. 44. № 3. С. 125–131.
82. Происхождение таджикского плодоводства // Плодовые Среднего Таджикистана (Тр. Тадж. комплекс. экспед.). 1935. Т. 13. С. 3–30. 1 л. карт.

1936

83. *Anabasis pauciflora* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 879.
84. *Arthorophytum leptocladum* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 879.
85. *Atriplex megalotheca* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 873–874.
86. *Berberis iliensis* M. Pop. sp. n. // Index seminum Horti Botanici Almaatensis Academiae Scientiarum. Alma-Ata. 1936. № 3. P. 3–4.
87. *Eduardoregelia* M. Pop. gen. nov. (Liliaceae – Lilioideae) // Index seminum Horti Botanici Almaatensis Academiae Scientiarum. Alma-Ata. 1936. № 3. P. 9.
88. *Gypsophila tianschanica* M. Pop. et Schischk. sp. nova / М.Г. Попов, Б.К. Шишкин // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 891–892.
89. *Salsola subcrassa* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 875–876.
90. *Salsola vvedenskyi* Iljin et M. Pop. sp. nova / М.М. Ильин, М.Г. Попов // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 876–877.
91. *Stellaria fontana* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1936. Т. 6. С. 881.
92. Новый вид *Gagea* Казахстана – *Gagea iliensis* M. Pop. sp. Nova // Бюл. Казах. ун-та. 1936. № 1. С. 92–94. вкл. табл., рис.
93. Растительность заповедника Гуралаш и Зааминской лесной дачи / М.Г. Попов, Н.В. Андросов // Заповедники Узбекистана. Ташкент: Изд-во Ком. наук УзССР. 1936. 40 с. 1 проф., 11 фото.

1937

94. *Delphinium confusum* M. Pop. sp. n. // Флора СССР. М.; Л. 1937. Т. 7. С. 723.

95. Hagerup O. Zur Abstammung einiger Angiospermen durch Gnetales und Coniferae. Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab // Biologiske Meddelelser. 1934. V. 11. № 4. P. 1–83. [Реф.: Сов. ботаника. 1937. № 3. С. 142–144.]
96. Hagerup O. Zur Abstammung einiger Angiospermen durch Gnetales und Coniferae. Centrispermae. Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab // Biologiske Meddelelser. 1936. V. 8. № 6. P. 1–59. [Реф.: Сов. ботаника. 1937. № 3. С. 144–146.]
97. Бобовые – Leguminosae // Флора Таджикистана. М.; Л. 1937. Т. 5. С. 661–663; 671–672.
98. Новые Astragaleae из флоры Средней Азии // Ботан. материалы Гербария БИН. 1937. Т. 7. Вып. 5. С. 111–117. [На обложке ошибочно – 1938 г.]
99. Новые виды бобовых из Средней Азии // Ботан. материалы Гербария БИН. 1937. Т. 7. Вып. 1. С. 13–21.
100. Растительность заповедника Гуралаш и Зааминской лесной дачи. 2-е изд. / М.Г. Попов, Н.В. Андросов // Заповедники Узбекистана. Ташкент: Изд-во Ком. наук УзССР. 1937. 40 с. 1 проф., 11 фото.
101. Сем. Маковые – Papaveraceae V. Juss. // Флора СССР. М.; Л. 1937. Т. 7. С. 573–717; 748–753.
102. *Ranunculus transiliensis* M. Pop. // Флора СССР. М.; Л. 1937. Т. 7. С. 401.

1938

103. [Выступление в прениях по докладу А.Н. Криштофовича «История Палеарктики в течение неогена на основании палеонтологических данных»] // Сов. ботаника. 1938. № 2. С. 18–19.
104. Новые виды растений из Средней Азии // Бюл. МОИП. Отд. Биологии. 1938. Т. 47. № 1. С. 84–88.
105. Основные периоды формообразования и иммиграций во флоре Средней Азии в век антофитов и реликтовые типы этой флоры // Проблема реликтов во флоре СССР: Тез. совещ. М.; Л. 1938. Т. 1. С. 10–26.
106. Основные периоды формообразования и иммиграций во флоре Средней Азии в век антофитов и реликтовые типы этой флоры // Сов. ботаника. 1938. № 2. С. 40–41; 46–48; прения по докл., С. 41–46.

1939

107. *Crataegus pseudomelanocarpa* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1939. Т. 9. С. 498–499.
108. *Eutrema pseudocordifolium* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1939. Т. 8. С. 634.
109. *Malus turcmenorum* Juz. et M. Pop. sp. nova / С.В. Юзепчук, М.Г. Попов // Флора СССР. М.; Л. 1939. Т. 9. С. 493.
110. *Parrya subsiliquosa* M. Pop. sp. nova, *P. stenophylla* M. Pop. sp. nova, *P. pulvinata* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1939. Т. 8. С. 645–647.
111. *Scorzonera transiliensis* M. Pop. sp. nova // С.Ю. Липшиц. Фрагменты к морфологии рода *Scorzonera*. М. 1939. Т. 2. С. 148. табл. 24.
112. Поразительная находка тропического папоротника в горах Аджарии // Сов. ботаника. 1939. № 8. С. 100.

1940

113. *Hymenophyllum tunbridgense* Sm. – новый гражданин кавказской флоры // Заметки по систематике и географии растений Тбил. ботан. ин-та. 1940. № 9. С. 7–11.
114. Новые виды рода *Erigeron* из Средней Азии // Ботан. материалы Гербария БИН. 1940. Т. 8. № 4. С. 49–56.
115. Новые виды флоры Тянь-Шаня (Средней Азии) // Ботан. материалы Гербария БИН. 1940. Т. 8. № 5. С. 72–76.

116. Опыт монографии рода *Eremostachys* Vge. // Новые мемуары МОИП. 1940. Т. 19. 166 с. 5 табл., ил.
117. Растительный покров Казахстана // Тр. Казах. фил. АН СССР. 1940. М.; Л. 1940. Вып. 18. 216 с. ил.
118. Флора Алмаатинского государственного заповедника: (Список папоротникообразных, голосеменных и покрытосеменных растений, составлен по сборам и наблюдениям за 1933–1937 гг.) // Тр. Алмаат. Заповедника. Алма-Ата. 1940. Т. 3. 50 с.

1941

119. *Clausia gracillima* M. Pop., *C. tschimganica* M. Pop. / Бочанцев В.П., Введенский А.И. Новые виды растений // Бот. материалы Гербария Ботан. ин-та Узб. фил. АН СССР. 1941. Т. 3. С. 13–14.
120. Ботаническая характеристика верховьев Чилика // Растительность Казахстана. М.; Л. 1941. Т. 2. С. 128–132. (Тр. Казахстан. фил. АН СССР. Т. 20).
121. Высотные пояса Заилийского Алатау // Растительность Казахстана. М.; Л. 1941. Т. 2. С. 1–24. (Тр. Казахстан. фил. АН СССР. Т. 20).
122. Географо-генетические элементы флоры Алма-Атинского заповедника // Растительность Казахстана. М.; Л. 1941. Т. 2. С. 25–42. (Тр. Казахстан. фил. АН СССР. Т. 20).
123. Зеленые насаждения г. Алма-Аты и их реконструкция / М.Г. Попов, П.С. Чабан // Растительность Казахстана. М.; Л. 1941. Т. 2. С. 292–289. (Тр. Казахстан. фил. АН СССР. Т. 20).
124. Материалы к флоре Зеравшана. Сем. Бурачниковые // Тр. ТУУ. Новая Серия. Биология. 1941. № 28. Вып. 15. С. 8; 21–23. 3 рис.
125. Материалы к флоре Зеравшанской долины: Сем. Сложноцветные // Тр. ТУУ. Новая Серия Биология. 1941. № 27. Вып. 14. 107 с. 4 ил.
126. Новые кавказские растения, собранные в 1939 году // Заметки по систематике и географии растений Тбил. ботан. ин-та АН ГрузССР. 1941. № 10. С. 16–18.

1945

127. *Macrocystodes* M. Pop. sect. nova, *Macrocystis* M. Pop. sect. nova [Род *Astragalus*] // Флора СССР. М.; Л. 1945. Т. 12. С. 882.
128. Подрод *Trimeniaeus*; секции *Helmia*, *Xiphidium* и *Ammodendron* подрода *Cercidotherix*; подрод *Epiglottis*; подрод *Calycocystis* [Род *Astragalus*] / Н.Ф. Гончаров, М.Г. Попов // Флора СССР. М.; Л. 1945. Т. 12. С. 274–318; 545–549; 646–738; 752–781; 782–868; 882.
129. Систематический анализ видов, объединяемых под названием *Asperula cynanchica* на Украине. К вопросу об эндемизации украинской флоры / М.Г. Попов, В.Г. Хржановский // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1945. Т. 50. № 5–6. С. 91–99.

1946

130. [Выступления в прениях по докл. Канц Н.Я., Канц С.В. «История растительности болот севера Сибири как показатель изменений последникового ландшафта» // Тр. ИГ АН СССР. 1945. № 37. С. 178.]
131. [Выступления в прениях по докл. Федоровича Б.А. «Вопросы палеогеографии равнин Средней Азии» // Тр. ИГ АН СССР. 1945. № 37. С. 350–351.]
132. Матеріали до флори долини Зеравшана в Средній Азії / М.Г. Попов, Г.С. Чугаева // Наукові зап. Львів. ун-ту. Сер. биол. 1945. Т. 4. № 3. С. 123–163.

1947

133. Ботанико-географическое расчленение рода на примере рода *Onosma* // Бот. журн. СССР. 1947. Т. 32. № 5. С. 223–224.
134. Закарпатська Україна і її рослинність // Доп. та повід. Львів. ун-ту. 1947. № 1. С. 87–89.

135. К истории развития флоры (флорогенезу) Украины // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1947. Т. 52. № 1. С. 91–108.
136. Новые виды рода астрагал // Ботан. материалы Гербария БИН. 1947. Т. 10. № 1–12. С. 3–29.

1948

137. *Oxytropis niedzweckiana* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1948. Т. 13. С. 548.
138. *Oxytropis robusta* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1948. Т. 13. С. 545.
139. *Oxytropis talgarica* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1948. Т. 13. С. 546–547.
140. *Rochelia campanulata* M. Pop. et Zak. sp. n., *R. claviculata* M. Pop. et Zak. sp. n. / Закиров К.З. Новые виды флоры Зеравшана // Ботан. материалы Гербария Ин-та ботаники и зоологии АН УзССР. Ташкент. 1948. Т. 10. С. 10–13.
141. Новые крестоцветные из Средней Азии / М.Г. Попов, В.П. Бочанцев, А.И. Введенский // Ботан. материалы Гербария Ин-та ботаники и зоологии АН УзССР. Ташкент. 1948. Т. 12. С. 4; 6–7.
142. Род *Erigeron* в горах Средней Азии // Тр. БИН. Сер. 1. Флора и систематика высших растений. 1948. № 7. С. 7–44.

1949

143. *Hedysarum pskemense* M. Pop. sp. n. / Федченко Б.А. Новые виды рода *Hedysarum* L. // Ботан. материалы Гербария БИН. 1949. Т. 11. С. 117.
144. Очерк растительности и флоры Карпат // Материалы к познанию фауны и флоры СССР. Изд. МОИП. Новая Серия. Отд. Ботаники. 1949. № 5 (13). 303 с. ил., карты.
145. Список растений Гербария флоры СССР. М.; Л. 1949. Т. 11. Вып. 67. С. 54–70. [Критические заметки к 16 видам рода *Astragalus* L.]
146. Эндемичные виды грязевого вулкана Магуитан (Южный Сахалин) // Бот. журн. 1949. Т. 34. № 5. С. 486–492.

1950

147. Сурегасеае // Визначник рослин УРСР. Київ; Харків. 1950. С. 797–837.
148. Заметка о роде *Heterocarium* DC. // Ботан. материалы Гербария БИН. 1950. Т. 13. С. 206–211. 1 табл.
149. О применении ботанико-географического метода в систематике растений // Проблемы ботаники. М.; Л. 1950. Т. 1. С. 70–108. 9 рис.
150. Растительность острова Монерон (Японское море): Ботанико-географический очерк // Бот. журн. 1950. Т. 35. № 4. С. 355–366. 7 рис.
151. Род *Krasnovia* M. Pop. // Флора СССР. М.; Л. 1950. Т. 16. С. 591–592.
152. Род *Rindera* в пределах флоры СССР // Ботан. материалы Гербария БИН. 1950. Т. 13. С. 212–227. [Дан ключ для определения секций и видов рода *Rindera* s. l. в пределах флоры СССР; описаны новые таксоны.]

1951

153. Два новых рода из семейства бурачниковых Средней Азии (*Tianschaniella* V. Fedtsc. и *Stephanocaryum* M. Pop.) // Ботан. материалы Гербария БИН. 1951. Т. 14. С. 336–342. 1 табл.
154. К познанию рода *Onosma* L. // Ботан. материалы Гербария БИН. 1951. Т. 14. С. 287–304.
155. Краткий анализ флоры цветковых растений Сахалина // Бот. журн. 1951. Т. 36. № 4. С. 376–387.
156. Находки полушника (*Isoetes*) в Средней Сибири // Бот. журн. 1951. Т. 36. № 6. С. 650.
157. Новые бурачниковые // Ботан. материалы Гербария БИН. 1951. Т. 14. С. 305–335.
158. Новый вид анемоны с Сахалина // Ботан. материалы Гербария БИН. 1951. Т. 14. С. 141–143.

1952

159. *Cephalorrhizum turcomanicum* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1952. Т. 18. С. 725.
160. *Primula pinnata* M. Pop. et Fed. sp. nova / М.Г. Попов, Ан. А. Федоров // Флора СССР. М.; Л. 1952. Т. 18. С. 746–747.

1953

161. *Sisyrinchium angustifolium* Mill. в Прибайкалье // Бот. журн. 1953. Т. 38. № 5. С. 742.
162. Заметка о роде *Corydalis* DC // Ботан. материалы Гербария БИН. 1953. Т. 15. С. 47–53.
163. О взаимоотношении леса (тайги) и степи в Средней Сибири // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1953. Т. 58. № 6. С. 81–95.
164. О системе и филогенетическом развитии рода *Mertensia* Roth. (Boraginaceae) на основании сравнения американских и азиатских видов // Ботан. материалы Гербария БИН. 1953. Т. 15. С. 248–266.
165. Сем. Boraginaceae (за исключением рода *Rochelia*) // Флора СССР. М.; Л. 1953. Т. 19. С. 97–691.
166. Список растений Гербария флоры СССР. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1953. Т. 12. Вып. 72. С. 29–68. [Критические заметки к 50 видам различных родов Boraginaceae.]

1954

167. *Leonurus panzerioides* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1954. Т. 21. С. 650.
168. *Phlomis drobovii* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1954. Т. 21. С. 646.
169. *Phlomis knorringiana* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1954. Т. 21. С. 648–649; 650.
170. Два новых для флоры СССР рода покрытосеменных растений – *Mannagettaea* H. Smith (Orobanchaceae) и *Megadenia* Max. (Stuciferae) // Ботан. материалы Гербария БИН. 1954. Т. 16. С. 3–15.
171. Система покрытосемянных растений в связи с проблемой их эволюции // Бот. журн. 1954. Т. 39. № 6. С. 867–881.

1955

172. *Gagea vaginata* M. Pop. sp. nova. / Голоскоков В.П. Новые виды гусяного лука из Северного Тянь-Шаня // Ботан. материалы Гербария БИН. 1955. Т. 17. С. 87–88. 1 рис.
173. *Pedicularis grandis* M. Pop. sp. nova // Флора СССР. М.; Л. 1955. Т. 22. С. 814.
174. Находка шильника (*Subularia*) в Прибайкалье // Бот. журн. 1955. Т. 40. № 1. С. 103.
175. Список растений Гербария флоры СССР. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1955. Т. 13. Вып. 77. С. 3–36. [Критические заметки к 49 видам различных родов флоры СССР.]
176. Флора Байкальской Сибири и ее происхождение // Новая Сибирь: Лит.-худож. альм. Иркут. отд. Союза писателей СССР. Иркутск. 1955. Кн. 33. С. 302–319.

1956

177. *Ophioglossum vulgatum* L. на Байкале // Бот. журн. 1956. Т. 41. № 2. С. 1673.
178. К вопросу о происхождении покрытосемянных // Бот. журн. 1956. Т. 41. № 5. С. 768.
179. Эндемизм во флоре побережий Байкала и его происхождение // Академику В.Н. Сукачеву, к 75-летию со дня рождения. М.; Л. 1956. С. 442–463.
180. Эндемизм во флоре северо-восточного побережья Байкала // Сборник материалов по изучению производственных сил Бурят-Монгольской АССР. Улан-Уде. 1956. Вып. 2. С. 407–419.

1957

181. * К вопросу о происхождении тайги. Районирование тайги // Сб. статей по результатам исследований в области лесного хозяйства и лесной промышленности в таежной зоне СССР. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1957. С. 19–28.
182. * Степная и скальная флора Западного побережья Байкала // Тр. Байк. лимнолог. станции. 1957. Т. 15. С. 408–426.
183. О взаимоотношениях и истории родов *Papaver* и *Roemeria* / Примеч. А.И. Толмачева // Бот. журн. 1957. Т. 42. № 9. С. 1389–1397.
184. Основы типологии лесов Восточной Сибири // Тр. Вост.-Сиб. фил. АН СССР. 1957. Вып. 5. С. 5–21.
185. Флора Средней Сибири. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1957. Т. 1. 555 с.

1958

186. * Перспективы введения в культуру новых кормовых растений из дикорастущей флоры Восточной Сибири // Тр. Вост.-Сиб. филиала АН СССР. Сер. Биологическая. 1958. Вып. 7. С. 5–13.
187. Избранные сочинения / Отв. ред. С.Ю. Липшиц, В.В. Никитин. Ашхабад: Изд. АН ТССР. 489 с.

1959

188. Флора Средней Сибири. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1959. Т. 2. С. 556–918.

1960

189. * О возможностях сельскохозяйственного освоения земель вдоль железной дороги Тайшет–Усть-Кут // Тр. Вост.-Сиб. филиала Сиб. отд. АН СССР. Сер. Биологическая. 1960. Вып. 22. С. 3–11.
190. Растительность Самаркандской области // Тр. Ин-та каракулеводства. 1960. Т. 10. С. 85–141.

1963

191. Основы флорогенетики / Вступл. ст. В.Г. Хржановского. М.: Изд. АН СССР. 1963. 135 с.

1966

192. Конспект флоры побережий озера Байкал / М.Г. Попов, В.В. Бусик. М.; Л.: Наука. 1966. 216 с.

1969

193. Растительный мир Сахалина. М.: Наука, 1969. 136 с.

1970

194. Осоки Сахалина и Курильских островов. М.: Наука. 1970. 138 с.

1977

195. Особенности флоры Дальнего Востока сравнительно с европейской. Ташкент: Фан. 1977. 68 с.

1980

196. Дикорастущая флора Батумского ботанического сада // Вопр. биоэкологии местных и интродуцированных растений Батум. ботан. сада. 1980. Т. 24. С. 5–30.

1983

197. * Филогенетика, флорогенетика, флорография, систематика: Избр. Тр. В 2-х ч. Киев: Наук. думка. 1983. Ч. 1. 280 с.
198. * Филогенетика, флорогенетика, флорография, систематика: Избр. Тр. В 2-х ч. Киев: Наук. думка. 1983. Ч. 2. С. 281–479.

2017

199. * Автобиография М.Г. Попова, ботаника, доктора биологических наук, профессора и члена-корреспондента Украинской академии наук // Фиторазнообразие Восточной Европы. 2016. Т. XI. № 1. С. 89–134.

Содержания выпусков
«Научные чтения памяти М.Г. Попова»

Чтение I, II. 1960 г.

Реймерс Ф.Э. Михаил Григорьевич Попов – ученый и человек. С. 3–14.

Доброчаева Д.Н. М.Г. Попов как исследователь флоры и растительности Украины. С. 15–26.

Номоконов Л.И. Закономерности географического распространения и размещения пойменных лугов великих Сибирских рек. С. 27–44.

Епова Н.А. К истории растительности Хамар-Дабана. С. 45–66.

Пешикова Г.А. Краткий анализ флоры степей Приангарья. С. 67–98.

Буддо И.С. К вопросу о происхождении лугов и луговых трав верхнего Приангарья. С. 99–110.

Ревердатто В.В. Ледниковые и степные реликты во флоре Средней Сибири в связи с историей флоры. С. 111–131.

Чтение III. 1960 г.

Номоконов Л.И. Сравнительный обзор пойменных лугов рек Оби, Енисея и Лены. С. 3–12.

Фролова М.В. Особенности южнотаежных лесов Средней Сибири и их географические связи. С. 13–22.

Горшкова А.А. Перезимовка растений в Иркутско-Балаганской лесостепи. С. 23–31.

Малышев Л.И. Флористические находки в высокогорьях Восточного Саяна. С. 32–37.

Чтение IV, VI, VII. 1965 г.

Буддо И.С. О классификации факторов существования и развития жизни. С. 3–9.

Голубев В.Н. Проблема природы и происхождения растительности луговых степей. С. 10–35.

Реймерс Н.Ф. Эколого-зоогеографическая типология и районирование таежной Сибири. С. 36–66.

Чтение V. 1963 г.

Малышев Л.И. Растительность Восточного Саяна в пределах Бурятской АССР. С. 3–47.

Бардунов Л.В. Третичные реликты во флоре мхов Прибайкалья. С. 48–82.

Чтение VIII. 1965 г.

Малышев Л.И. Проблема генезиса высокогорной флоры Восточных Саян. С. 3–120

Чтение IX. 1967 г.

Салеев Р.К. Некоторые вопросы физиологии взаимного влияния растений через корневые системы. С. 3–18.

Зарубин А.М. Пойменные луга рек Онона и Ингоды (юго-восточное Забайкалье). С. 18–48.

Иванова М.М. Состав, особенности и некоторые аспекты генезиса высокогорной флоры Хамар-Дабана (южное Прибайкалье). С. 49–79.

Чтение X. 1968 г.

Горшкова А.А., Копытова Л.Д., Спивак А.И. Эколого-физиологическая характеристика степных растений Забайкалья. С. 3–30.

Родченко О.П., Коровин А.И., Хабардин М.И. Зимостойкость и продуктивность амфиплоидов В.Е. Писарева в Восточной Сибири. С. 31–46.

Водопьянова Н.С. Особенности сложения растительного покрова Приангарской лесостепи. С. 47–67.

Чтение XI. 1968 г.

Смирнов А.В. Изменение структуры напочвенного покрова лесных ценозов при восстановительных сукцессиях. С. 3–22.

Щербатюк А.С. Экологические особенности развития лиственничного самосева в южной части Лено-Ангарского плато. С. 23–51.

Разумова В.А. Растительный покров в верхней части бассейна нижней Тунгуски. С. 52–60.

Решиков М.А., Богданова К.М. Заметки о растительности Баргузинской долины и ее происхождении. С. 61–82.

Чтение XII, XIII. 1972 г.

Галич Бенедикт. Полеофобия лишайников. С. 3–11.

Крогулевич Р.Е. Влияние ботанико-географических факторов на полиплоидию. С. 12–24.

Пешкова Г.А. Третичные реликты в степной флоре Байкальской Сибири. С. 25–58.

Родченко О.П., Коровин А.И., Тарлинская Б.П., Романова Э.Д., Колмакова О.Д. Рост растений при пониженных температурах. С. 59–67.

Чтение XIV. 1970 г.

Ефимов М.В. Особенности водного режима и фотосинтеза сельскохозяйственных растений в условиях Забайкалья. С. 3–24.

Чтение XVII. 1999 г.

Зарубин А.М., Ляхова И.Г., Косович Е.И., Барицкая В.А., Янчук Т.М. Флора южной части западного побережья Байкала. С. 4–11.

Намзалов Б.Б., Бардонова Л.К., Балдаева Р.А. Род *Festuca* L. в Байкальской Сибири: состав и родственные связи. С. 11–20.

Иванова М.М. Аконит Сукачева (*Aconitum sukaczewii* Steinb.) – узколокальный эндем южного побережья оз. Байкал. С. 20–30.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Биография Михаила Григорьевича Попова	7
Основные даты жизни и деятельности М.Г. Попова	7
<i>Попов М.Г.</i> Автобиография (<i>curriculum vitae</i>) М.Г. Попова, ботаника, доктора биологических наук, профессора и члена-корреспондента Украинской академии наук.....	20
<i>Попова С.М.</i> Воспоминания об отце.....	87
Публикации о М.Г. Попове.....	112
Научное наследие Михаила Григорьевича Попова	113
<i>Доронькин В.М.</i> Гербарий им. М.Г. Попова (NSK): история, состояние	113
<i>Попов М.Г.</i> Флора Байкальской Сибири и ее происхождение	123
<i>Попов М.Г.</i> Заметки об <i>Oxytropis</i>	140
<i>Попов М.Г.</i> <i>Delphinium triste</i> Fisch. ex DC. и его генезис	148
<i>Попов М.Г.</i> Березы в Прибайкалье.....	154
Список опубликованных работ М.Г. Попова.....	163
Приложение.....	173

Научное издание

**МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ПОПОВ:
ЖИЗНЬ – ДОРОГА, СЧАСТЬЕ – КОНЬ,
ОТДЫХ – КАРАВАН-САРАЙ!**

Авторы-составители

*Кривенко Денис Александрович, Успенский Михаил Борисович,
Чернышева Ольга Александровна, Попов Петр Леонидович,
Русинек Ольга Тимофеевна*

Технический редактор *А.И. Шеховцов*

Дизайнер *И.М. Батова*

Подписано в печать 16.04.2018 г. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага Ballet. Уч.-изд. л. 14,7. Усл. печ. л. 10,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 809.

Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

